

Очерки политической экономии

Фредерик Бастиат

Essays on Political Economy

Frédéric Bastiat

Электронная книга проекта "Гутенберг" Очерки политической экономии

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Очерки политической экономии

Author: Фредерик Бастиат

Дата выхода: 31 мая 2005 г. [Электронная книга № 15962]

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Распространяемыми корректорами

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" ОЧЕРКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ " ***

[Третье (народное) издание]

Очерки политической экономии.

Покойным месье Фредериком Бастиа,

Член Института Франции.

Нью-Йорк:

G. P. Putnams & Sons,

Четвертая авеню и двадцать Третья улица.

1874.

Лондон:

Напечатано для Provost and Co.,

Генриетта-стрит, Вашингтон

Содержание.

- Капитал и проценты.
- Введение
- Капитал и проценты
- Мешок кукурузы
- Дом

- Самолет
- То, Что Видно, и То, Чего Не Видно.
- Введение
- Разбитое окно
- Расформирование войск
- Налоги
- Театры, Изобразительное искусство
- Общественные работы
- Промежуточные продукты
- Ограничения
- Машины
- Кредит
- Алжир
- Бережливость и роскошь
- Работа и прибыль
- Правительство
- Что такое деньги?
- Закон

Капитал и проценты.

Моя цель в этом трактате - исследовать реальную природу процента на капитал с целью доказать, что он законен, и объяснить, почему он должен быть бессрочным. Это может показаться странным, и все же, признаюсь, я больше боюсь показаться слишком простым, чем слишком неясным. Боюсь, я утомлю читателя серией простых трюизмов. Но избежать этой опасности нелегко, когда факты, с которыми нам приходится иметь дело, известны каждому из личного, привычного и повседневного опыта.

Но тогда вы скажете: "Какая польза от этого трактата? Зачем объяснять то, что всем известно?"

Но, хотя эта проблема на первый взгляд кажется очень простой, в ней кроется нечто большее, чем вы могли бы предположить. Я попытаюсь доказать это на примере. Мондор сегодня предоставляет в аренду орудие труда, которое будет полностью уничтожено через неделю, но капитал не станет приносить меньшего интереса Мондору или его наследникам на протяжении всей вечности. Читатель, можешь ли ты честно сказать, что понимаешь причину этого?

Было бы пустой тратой времени искать какое-либо удовлетворительное объяснение в трудах экономистов. Они не пролили много света на причины существования процента. За это их нельзя винить; ибо в то время, когда они писали, его законность не подвергалась сомнению. Однако сейчас времена изменились; ситуация иная. Люди, считающие себя опережающими свой век, организовали активный крестовый поход против капитала и процента; они нападают именно на продуктивность капитала; не на определенные злоупотребления в его управлении, а на сам принцип.

Был учрежден журнал, призванный служить проводником этого крестового похода. Он ведется г-ном Прудоном и, как говорят, имеет огромный тираж. Первый номер этого периодического издания содержит предвыборный манифест *народа*. Здесь мы читаем: "Производительность капитала, которая осуждается христианством под именем ростовщичества, является истинной причиной нищеты, истинным принципом нищеты, вечным препятствием к установлению Республики".

Другой журнал, "*La Ruche Populaire*", сказав несколько превосходных вещей о труде, добавляет: "Но, прежде всего, труд должен быть бесплатным; то есть он должен быть организован таким образом, *чтобы ростовщикам и покровителям, или хозяевам, не платили* за эту свободу труда, за это право на труд, которое торговцы людьми поднимают до такой высокой цены". Единственная мысль, которую я здесь замечаю, выражена словами, выделенными курсивом, которые подразумевают отказ в праве на проценты. Оставшаяся часть статьи объясняет это.

Именно так выражает себя социалист-демократ Торе:

"Революцию всегда придется возобновлять, пока мы занимаемся только последствиями, не имея логики или смелости напасть на сам принцип. Этим принципом является капитал, фальшивая собственность, проценты и ростовщичество, которые при старом *режиме* тяготят над трудом.

"С тех пор как аристократы изобрели невероятную выдумку, *что капитал обладает способностью к самовоспроизводству*, рабочие оказались во власти праздных.

"Найдете ли вы в конце года еще одну крону в мешочке со ста шиллингами? Удвоится ли объем ваших шиллингов в кошельке по прошествии четырнадцати лет?

"Произведет ли одно произведение труда или мастерства другое по истечении четырнадцати лет?

- Тогда давайте начнем с того, что опровергнем эту роковую выдумку.

Я процитировал вышесказанное просто для того, чтобы установить тот факт, что многие люди считают продуктивность капитала ложным, фатальным и порочным принципом. Но цитаты излишни; хорошо известно, что люди приписывают свои страдания тому, что они называют *торговлей людьми*. Фактически, фраза "*тирания капитала*" вошла в поговорку.

Я думаю, что в мире нет ни одного человека, который осознавал бы всю важность этого вопроса:

"Является ли интерес к капиталу естественным, справедливым и законным и столь же полезным для плательщика, как и для получателя?"

Вы отвечаете "Нет"; я отвечаю "Да". Тогда мы полностью расходимся во мнениях; но крайне важно выяснить, кто из нас прав, иначе мы подвергнемся опасности принять ложное решение вопроса за вопрос мнения. Однако, если бы ошибка была на моей стороне, зло не было бы таким большим. Следует сделать вывод, что я ничего не знаю об истинных интересах масс или о ходе человеческого прогресса; и что все мои аргументы - всего лишь песчинки, которыми машину революции, конечно, не остановить.

Но если, напротив, г-н Прудон и Торе обманывают самих себя, то отсюда следует, что они вводят людей в заблуждение, что они показывают им зло там, где его не существует; и таким образом дают ложное направление их идеям, их антипатиям, их антипатиям и их нападкам. Из этого следует, что введенный в заблуждение народ бросается в ужасную и абсурдную борьбу, в которой победа была бы более фатальной, чем поражение; поскольку, согласно этому предположению, результатом было бы осознание всеобщего зла, уничтожение всех средств освобождения, доведение до конца его собственных страданий.

Это как раз то, что г-н Прудон признал совершенно добросовестно. "Краеугольным камнем моей системы, - сказал он мне, - является *безвозмездность кредита*. Если я ошибаюсь в этом, социализм - это тщетная мечта". Я добавляю, что это мечта, в которой люди разрывают себя на части. Будет ли поэтому поводом для удивления, если, проснувшись, они обнаружат себя искалеченными и истекающими кровью? Такой опасности достаточно, чтобы полностью оправдать меня, если в ходе обсуждения я позволю увлечь себя некоторыми тривиальностями и пространностями.

Капитал и проценты.

Я адресовываю этот трактат рабочим Парижа, особенно тем, кто встал под знамя социалистической демократии. Я перехожу к рассмотрению этих двух вопросов: -

1. Согласуется ли с природой вещей и справедливостью то, что капитал должен приносить процент?

2-й. Согласуется ли с природой вещей и справедливостью то, что проценты на капитал должны быть постоянными?

Рабочие Парижа, безусловно, признают, что более важная тема не могла быть обсуждена.

С момента зарождения мира было разрешено, по крайней мере частично, что капитал должен приносить процент. Но в последнее время было подтверждено, что в этом кроется та самая социальная ошибка, которая является причиной пауперизма и неравенства. Поэтому сейчас очень важно знать, на какой почве мы стоим.

Ибо, если взимание процентов с капитала является грехом, рабочие имеют право восстать против общественного порядка в том виде, в каком он существует. Бесполезно говорить им, что они должны прибегнуть к законным и мирным средствам: это было бы лицемерной рекомендацией. Когда на одной стороне сильный человек, бедный и жертва грабежа, а на другой - слабый человек, но богатый и грабитель, - достаточно странно, что мы говорим первому в надежде убедить его: "Подождите, пока ваш угнетатель добровольно не откажется от угнетения, или пока оно не прекратится само по себе". Этого не может быть; и те, кто говорит нам, что капитал по своей природе непроизводителен, должны знать, что они провоцируют ужасную и немедленную борьбу.

Если, напротив, проценты на капитал естественны, законны, соответствуют общему благу, благоприятны как для заемщика, так и для заимодавца, то экономисты, отрицающие это, трибуны, наживающиеся на этой мнимой социальной ране, вовлекают рабочих в бессмысленную и несправедливую борьбу, которая не может иметь иного исхода, кроме всеобщего несчастья. Фактически, они вооружают труд против капитала. Тем лучше, если эти

две силы действительно антагонистичны; и пусть борьба поскорее закончится! Но, если они находятся в гармонии, борьба является величайшим злом, которое может быть причинено обществу. Итак, рабочие, вы видите, что нет более важного вопроса, чем этот: "Законен ли интерес к капиталу или нет?" В первом случае вы должны немедленно отказаться от борьбы, к которой вас призывают; во втором вы должны вести ее смело и до конца.

Продуктивность капитала - постоянство процента. Это трудные вопросы. Я должен попытаться выразиться ясно. И для этой цели я скорее прибегну к примеру, чем к демонстрации; или, скорее, я помещу демонстрацию в пример. Я начинаю с признания того, что на первый взгляд может показаться странным, что капитал претендует на вознаграждение, и прежде всего на постоянное вознаграждение. Вы скажете: "Вот два человека. Один из них работает с утра до ночи, от конца года до конца другого; и если он потребляет все, что накопил, даже с помощью превосходящей энергии, он остается бедняком. Когда наступает Рождество, он становится таким же энергичным, каким был в начале года, и у него нет другой перспективы, кроме как начать все сначала. Другой человек ничего не делает ни руками, ни головой; или, по крайней мере, если он вообще ими пользуется, то только для собственного удовольствия; ему позволительно ничего не делать, потому что у него есть доход. Он не работает, но живет хорошо; у него всего в избытке: изысканной посуды, роскошной мебели, элегантных экипажей; более того, он даже ежедневно потребляет вещи, которые рабочие были вынуждены производить в поте лица своего, ибо эти вещи не делаются сами по себе; и, что касается его, он не приложил руки к их производству. Именно рабочие вырастили эту кукурузу, отполировали эту мебель, соткали эти ковры; именно наши жены и дочери пряли, кроили, шили и вышивали эти ткани. Таким образом, мы работаем для него и для себя; сначала для него, а потом для себя, если что-то останется. Но здесь есть нечто еще более поразительное. Если первый из этих двух людей, рабочий, потребляет в течение года какую-либо прибыль, которая, возможно, осталась ему в этом году, он всегда находится в той точке, с которой он начал, и его судьба обрекает его на непрерывное движение по бесконечному кругу и монотонное напряжение сил. Таким образом, труд вознаграждается только один раз. Но если другой, "джентльмен", потребляет свой годовой доход в течение года, то в последующие годы и на протяжении всей вечности он имеет доход, всегда равный, неисчерпаемый, *вечный*. Таким образом, капитал вознаграждается не только один или два раза, но и неопределенное количество раз! Таким образом, по истечении ста лет семья, вложившая 20 000 франков,¹ под пять процентов, будет иметь 100 000 франков; и это не помешает ей иметь еще 100 000 франков в следующем столетии. Другими словами, за 20 000 франков, которые представляют его труд, он за два столетия увеличит стоимость труда других в десять раз. Разве в этом общественном устройстве нет чудовищного зла, требующего исправления? И это еще не все. Если эта семья пожелает немного ограничить свои удовольствия - потратить, например, всего 900 франков вместо 1000, - она может без всякого труда, без каких-либо других хлопот, кроме вложения 100 франков в год, увеличивать свой капитал и доход в такой быстрой прогрессии, что вскоре будет в состоянии потреблять столько же, сколько сто семей прилежных рабочих. Разве все это не доказывает, что само общество имеет в своих недрах отвратительную раковую опухоль, которую следует искоренить, рискуя вызвать некоторые временные страдания?"

Таковы, как мне кажется, печальные и раздражающие размышления, которые должны быть вызваны в ваших умах активным и поверхностным крестовым походом, который ведется против капитала и процентов. С другой стороны, бывают моменты, когда, я убежден, в ваших умах пробуждаются сомнения, а в вашей совести - угрызения совести. Иногда вы говорите себе: "Но

утверждать, что капитал не должен приносить процент, значит утверждать, что тот, кто создал орудия труда, или материалы, или провизию любого рода, должен уступить их без вознаграждения. Справедливо ли это? И тогда, если это так, кто бы предоставил эти инструменты, эти материалы, эти провизии? кто бы позаботился о них? кто бы даже создал их? Каждый потреблял бы свою долю, и человечество никогда не продвинулось бы ни на шаг. Капитал больше не формировался бы, поскольку не было бы заинтересованности в его формировании. Его стало бы чрезвычайно мало. Уникальный шаг к безвозмездным займам! Уникальное средство улучшения положения заемщиков, делающее невозможным получение ими займов по любой цене! Что стало бы с самим трудом? ибо авансированных денег не будет, и ни о каком виде труда не может быть и речи, даже о погоне, которой можно заниматься без денег в руках. А что касается нас самих, что с нами стало бы? Что? нам не разрешается брать займы, чтобы работать в расцвете сил, или давать займы, чтобы наслаждаться отдыхом на закате? Закон лишит нас перспективы заложить небольшую собственность, потому что это помешает нам извлечь из этого какую-либо выгоду. Это лишит нас всякого стимула к сбережению в настоящее время и всякой надежды на покой в будущем. Бесплезно изнурять себя усталостью: мы должны отказаться от идеи оставить нашим сыновьям и дочерям небольшую собственность, поскольку современная наука делает ее бесполезной, ибо мы стали бы торговцами людьми, если бы давали их займы под проценты. Увы! мир, который эти люди хотели бы открыть перед нами как воображаемое благо, еще более унылый и безжизненный, чем тот, который они осуждают, ибо надежда, во всяком случае, не изгнана из последнего". Таким образом, во всех отношениях и с любой точки зрения вопрос является серьезным. Давайте поспешим прийти к решению.

В нашем гражданском кодексе есть глава, озаглавленная "О порядке передачи собственности". Я не думаю, что в нем дается очень полная номенклатура по этому вопросу. Когда человек своим трудом создал какую-либо полезную вещь - другими словами, когда он создал *ценность*, - она может перейти в руки другого человека только одним из следующих способов - в дар, по праву наследования, путем обмена, займа или кражи. По одному слову о каждом из них, кроме последнего, хотя они играют в мире большую роль, чем мы можем подумать. Дар не нуждается в определении. По сути, он добровольный и спонтанный. Это зависит исключительно от дающего, и нельзя сказать, что получатель имеет на это какие-либо права. Без сомнения, мораль и религия вменяют людям, особенно богатым, в обязанность добровольно лишать себя того, чем они обладают, в пользу своих менее удачливых собратьев. Но это исключительно моральное обязательство. Если бы утверждалось в принципе, признавалось на практике или санкционировалось законом, что каждый человек имеет право на собственность другого, дар не имел бы ценности - милосердие и благодарность больше не были бы добродетелями. Кроме того, такая доктрина внезапно и повсеместно остановила бы труд и производство, подобно тому как сильный мороз замораживает воду и приостанавливает жизнедеятельность; ибо кто стал бы работать, если бы больше не было никакой связи между трудом и удовлетворением наших потребностей? Политическая экономия не рассматривала подарки. Отсюда был сделан вывод, что она отрицает их и что, следовательно, это наука, лишенная сердца. Это нелепое обвинение. Та наука, которая трактует о законах, вытекающих из *взаимности услуг*, не имела дела ни с последствиями щедрости по отношению к тому, кто получает, ни с ее последствиями, возможно, еще более ценными, для того, кто дает: подобные соображения, очевидно, принадлежат науке морали. Мы должны позволить наукам иметь пределы; прежде всего, мы не должны обвинять их в отрицании или недооценке того, что они считают чуждым их отделу.

Право наследования, против которого в последнее время так много возражений, является одной из форм дарения и, несомненно, самой естественной из всех. То, что человек произвел, он может потреблять, обменивать или дарить. Что может быть более естественным, чем то, что он должен дарить это своим детям? Именно эта сила, больше, чем какая-либо другая, вдохновляет его на смелый труд и сбережения. Знаете ли вы, почему принцип права наследования таким образом ставится под сомнение? Потому что считается, что передаваемая таким образом собственность расхищается у масс. Это фатальная ошибка. Политическая экономия самым безапелляционным образом демонстрирует, что вся производимая ценность является творением, которое не причиняет никакого вреда ни одному человеку. По этой причине его можно употреблять и, более того, передавать, никому не причиняя вреда; но я не буду продолжать эти размышления, которые не относятся к теме.

Обмен является основным разделом политической экономии, поскольку это, безусловно, наиболее распространенный метод передачи собственности в соответствии со свободными и добровольными соглашениями о законах и следствиях, которые рассматривает эта наука.

Собственно говоря, обмен - это взаимность услуг. Стороны говорят между собой: "Дай мне это, и я дам тебе то"; или: "Сделай это для меня, и я сделаю это для тебя". Уместно заметить (поскольку это прольет новый свет на понятие ценности), что вторая форма всегда подразумевается в первой. Когда говорят: "Сделай это для меня, и я сделаю это для тебя", предлагается обмен услугой на услугу. Опять же, когда говорят: "Дай мне это, и я дам тебе то", это то же самое, что сказать: "Я уступаю тебе то, что я сделал, уступи мне то, что ты сделал". Труд относится к прошлому, а не к настоящему; но обмен от этого не менее определяется сравнительной оценкой двух услуг, так что вполне правильно говорить, что принцип *ценности* заключается в услугах, оказываемых и получаемых в счет обмениваемых продуктов, а не в самих продуктах.

На самом деле прямой обмен услугами практически никогда не осуществляется. Существует средство, которое называется *деньгами*. Пол закончил шить пальто, за которое он хотел бы получить немного хлеба, немного вина, немного масла, визит к врачу, билет на спектакль и так далее. Обмен не может быть осуществлен в натуральной форме, так что же делает Павел? Сначала он обменивает свое пальто на некоторое количество денег, что называется *продажей*; затем он снова обменивает эти деньги на то, что ему нужно, что называется *покупкой*; и только теперь взаимность услуг завершила свой цикл; только теперь труд и вознаграждение уравновешены в одном и том же индивидууме: "Я сделал это для общества, оно сделало это для меня". Одним словом, только сейчас обмен действительно совершен. Таким образом, ничто не может быть более правильным, чем это наблюдение Дж. Б. Сэя: "С момента введения денег всякий обмен распадается на два элемента: *продажу* и *покупку*. Именно воссоединение этих двух элементов делает обмен завершенным".

Мы должны также отметить, что постоянное появление денег при каждом обмене перевернуло все наши представления и ввело в заблуждение: люди в конце концов стали думать, что деньги - это истинное богатство, и что их приумножение означает приумножение услуг и продуктов. Отсюда запретительная система; отсюда бумажные деньги; отсюда знаменитый афоризм "Что один приобретает, то другой теряет"; и все ошибки, которые разрушили землю и залили ее кровью.² После долгих исследований было обнаружено, что для придания двум обмениваемым услугам эквивалентной ценности и для того, чтобы сделать обмен *справедливым*, лучшим средством было сделать его бесплатным. Каким бы правдоподобным, на первый взгляд, ни было

вмешательство государства, вскоре стало ясно, что оно всегда является репрессивным по отношению к той или иной из договаривающихся сторон. Когда мы изучаем эти предметы, мы всегда вынуждены рассуждать на основе максимы о том, что *равная ценность* проистекает из свободы. Фактически у нас нет другого способа узнать, имеют ли в данный момент две услуги одинаковую ценность, кроме как проверить, можно ли легко и свободно ими обмениваться. Позвольте государству, которое является тем же самым, что и сила, вмешиваться с той или иной стороны, и с этого момента все способы оценки будут сложными и запутанными, вместо того чтобы стать понятными. Частью государства должно быть предотвращение и, прежде всего, подавление обмана, то есть обеспечение свободы, а не ее нарушение. Я немного расширил тему обмена, хотя моей главной целью является ссуда: мое оправдание состоит в том, что я полагаю, что в ссуде присутствует фактический обмен, фактическая услуга, оказываемая заимодавцем и делающая заемщика ответственным за эквивалентную услугу, - две услуги, сравнительную ценность которых, как и всех возможных услуг, можно оценить только по свободе. Теперь, если это так, будет объяснена и оправдана совершенная законность того, что называется арендной платой за дом, арендной платой за ферму, процентами. Давайте рассмотрим случай с *кредитом*.

Предположим, что два человека обмениваются двумя услугами или двумя предметами, равная ценность которых неоспорима. Предположим, например, что Питер говорит Полу: "Дай мне десять шестипенсовиков, я дам тебе монету в пять шиллингов". Мы не можем представить равную ценность, более неоспоримую. При заключении сделки ни одна из сторон не имеет претензий к другой. Обмениваемые услуги равноценны. Таким образом, из этого следует, что если одна из сторон желает внести в сделку дополнительное положение, выгодное для себя, но невыгодное для другой стороны, она должна согласиться на второе положение, которое восстановит равновесие и закон справедливости. Было бы абсурдно отрицать справедливость второго пункта о компенсации. Допустим, что Питер, сказав Павлу: "Дай мне десять шестипенсовиков, я дам тебе крону", добавляет: "Ты отдашь мне десять шестипенсовиков *сейчас*, а я отдам тебе крону *через год*"; совершенно очевидно, что это новое предложение изменяет требования и преимущества сделки; что оно изменяет соотношение двух услуг. Разве на самом деле недостаточно ясно, что Петр просит Павла о новом и дополнительном служении, другого рода? Разве это не то же самое, как если бы он сказал: "Окажите мне услугу, разрешив использовать с моей выгодой в течение года пять шиллингов, которые принадлежат вам и которые вы могли бы использовать для себя"? И какие у вас есть веские основания утверждать, что Пол обязан оказать эту особую услугу безвозмездно; что он не имеет права требовать чего-либо большего вследствие этого требования; что государство должно вмешаться, чтобы заставить его подчиниться? Разве не непостижимо, что экономист, проповедующий людям такую доктрину, может примирить ее со своим принципом *взаимности услуг*? Здесь я ввел наличные деньги; меня побудило к этому желание поместить рядом два предмета обмена, обладающих совершенным и неоспоримым равенством стоимости. Я стремился быть готовым к возражениям; но, с другой стороны, моя демонстрация была бы еще более впечатляющей, если бы я проиллюстрировал свой принцип соглашением об обмене услугами или самими произведениями.

Предположим, например, что дом и сосуд по стоимости настолько совершенно равны, что их владельцы расположены обменять их беспристрастно, без излишеств или убавлений. На самом деле пусть сделка будет улажена юристом. В момент вступления каждого из них во владение судовладелец говорит гражданину: "Очень хорошо; сделка завершена, и ничто не может лучше

доказать ее совершенную справедливость, чем наше свободное согласие. Таким образом, наши условия установлены, и я предложу вам небольшое практическое изменение. Вы можете предоставить мне свой дом сегодня, но я не передам вам во владение свой корабль в течение года; и причина, по которой я обращаюсь к вам с этим требованием, заключается в том, что в течение этого года *задержки* хочу воспользоваться судом ". Чтобы нас не смущали соображения, связанные с ухудшением качества предоставленной в долг вещи, я предположу, что судовладелец добавит: "Я возьму на себя обязательство в конце года передать вам судно в том состоянии, в котором оно находится сегодня". Я спрашиваю каждого честного человека, я спрашиваю самого г-на Прудона, не имеет ли гражданин права ответить: "Новый пункт, который вы предлагаете, полностью изменяет пропорцию или равную стоимость обмениваемых услуг. Из-за этого я буду лишен на год сразу и своего дома, и твоего судна. Из-за этого ты воспользуешься и тем, и другим. Если в отсутствие этого пункта сделка была справедливой, по той же причине этот пункт наносит ущерб мне. Он предусматривает убытки для меня и выгоду для вас. Вы требуете от меня новой услуги; я имею право отказаться или потребовать от вас, в качестве компенсации, эквивалентной услуги". Если стороны договорились об этой компенсации, принцип которой неоспорим, мы можем легко отличить две сделки в одной, два обмена услугами в одной. Сначала происходит обмен домана судно; после этого одна из сторон предоставляет отсрочку, а другая - соответствующую этой задержке компенсацию. Эти две новые услуги носят общие и абстрактные названия *кредит* и *проценты*. Но имена не меняют природы вещей; и я бросаю вызов любому, кто осмелится утверждать, что здесь, когда все сделано, существует услуга за услугу или взаимность услуг. Сказать, что одна из этих услуг не противоречит другой, сказать, что первая должна оказываться безвозмездно, без несправедливости, значит сказать, что несправедливость заключается во взаимности услуг, что справедливость заключается в том, что одна из сторон дает, а не получает, что является противоречием в терминах.

Чтобы дать представление об интересе и его механизме, позвольте мне воспользоваться двумя или тремя анекдотами. Но сначала я должен сказать несколько слов о капитале.

Есть некоторые люди, которые воображают, что капитал - это деньги, и именно по этой причине они отрицают его производительность; ибо, как говорит г-н Торе, кроны не наделены способностью к самовоспроизводству. Но это неправда, что капитал и деньги - это одно и то же. До открытия драгоценных металлов в мире были капиталисты; и я осмелюсь сказать, что в то время, как и сейчас, каждый был капиталистом в определенной степени.

Что же тогда такое капитал? Он состоит из трех составляющих: --

первое. Из материалов, с которыми работают люди, когда эти материалы уже имеют ценность, сообщенную каким-либо человеческим усилием, которое даровало им принцип вознаграждения, - шерсть, лен, кожа, шелк, дерево и т. Д.

2-й. Инструменты, которые используются для работы - инструменты, станки, корабли, повозки и т.д.

3. Провизия, потребляемая во время труда, - съестные припасы, материалы, дома и т. Д.

Без этих вещей труд человека был бы непроизводительным и почти бесполезным; однако именно эти вещи потребовали большой работы, особенно поначалу. В этом причина того, что обладанию ими придавалось такое большое значение, а также того, что их совершенно законно

обменивать и продавать, извлекать из них прибыль, если они используются, получать с них вознаграждение, если они предоставлены взаймы.

Теперь перейдем к моим анекдотам.

Мешок с кукурузой.

Матурин, в других отношениях такой же бедный, как Иов, и вынужденный зарабатывать себе на хлеб поденным трудом, тем не менее стал, благодаря какому-то наследству, владельцем прекрасного участка неводеланной земли. Он был чрезвычайно озабочен тем, чтобы культивировать это. "Увы! - сказал он. - рытье канав, возведение изгородей, рыхление почвы, расчистка от ежевики и камней, вспашка, засевка могли бы принести мне средства к существованию через год или два; но, конечно, не сегодня и не завтра. Невозможно приступить к возделыванию его, не накопив предварительно кое-каких средств к существованию до сбора урожая; и я знаю по опыту, что подготовительный труд необходим для того, чтобы сделать нынешний труд производительным". Добрый Матурин не удовлетворился этими размышлениями. Он решил работать поденно и откладывать что-нибудь из своего жалованья, чтобы купить лопату и мешок кукурузы; без этих вещей ему пришлось бы отказаться от своих прекрасных сельскохозяйственных проектов. Он действовал так хорошо, был таким активным и уравновешенным, что вскоре увидел, что у него в руках воделенный мешок кукурузы. "Я отнесу это на мельницу, - сказал он, - и тогда у меня будет достаточно средств к существованию, пока мое поле не покроется богатым урожаем". Как раз в тот момент, когда он собирался уходить, пришел Джером, чтобы одолжить у него свое сокровище. "Если вы одолжите мне этот мешок зерна, - сказал Джером, - вы окажете мне большую услугу, потому что у меня намечается очень прибыльная работа, за которую я никак не могу взяться из-за нехватки провизии, на которую можно было бы прожить, пока она не будет закончена". "Я был в таком же положении, - ответил Матюрен, - и если я теперь обеспечил себя хлебом на несколько месяцев, то это за счет моих рук и моего желудка. На основании какого принципа справедливости он может быть направлен на реализацию *вашего* предприятия вместо *моего*?"

Вы вполне можете поверить, что сделка была долгой. Однако в конце концов она была завершена на следующих условиях:--

Первое - Джером пообещал вернуть в конце года мешок кукурузы того же качества и того же веса, не пропуская ни единого зернышка. "Этот первый пункт совершенно справедлив, - сказал он, - потому что без него Матюрен *давал*, а не *давал*".

Во-вторых, он обязался поставлять *лопяти* литрам *на* каждый гектолитр. "Этот пункт не менее справедлив, чем предыдущий, - подумал он, - ибо без него Матюрен оказал бы мне услугу безвозмездно; он навлек бы на себя лишения - он отказался бы от своего заветного предприятия - он позволил бы мне осуществить мое - он заставил бы меня в течение года пользоваться плодами его сбережений, и все это безвозмездно. Поскольку он задерживает обработку своей земли, поскольку он позволяет мне заниматься прибыльным трудом, вполне естественно, что я позволяю ему получать определенную долю прибыли, которую я получаю за счет его собственных жертв".

Со своей стороны, Матурин, который был в некотором роде ученым, сделал такой расчет: "Поскольку в силу первого пункта мешок зерна вернется ко мне в конце года, - сказал он себе, -

я смогу одолжить его снова; он вернется ко мне в конце второго года; я могу одолжить его снова, и так до бесконечности. Однако я не могу отрицать, что это было съедено давным-давно. Странно, что я постоянно являюсь обладателем мешка кукурузы, хотя тот, что я одолжил, был съеден навсегда. Но это объясняется так: - Оно будет употреблено на службе Джерому. Это даст возможность Джерому произвести более высокую ценность; и, следовательно, Джером сможет вернуть мне мешок зерна или его стоимость, не понеся ни малейшего ущерба, а совсем наоборот. Что касается меня, то эта ценность должна быть моей собственностью до тех пор, пока я не потреблю ее сам. Если бы я использовал ее для расчистки своей земли, я бы получил ее обратно в виде прекрасного урожая. Вместо этого я даю их займы и получаю обратно в виде погашения долга.

"Из второго предложения я получаю еще одну информацию. В конце года у меня будет пять литров кукурузы сверх той сотни, которую я только что одолжил. Если бы, таким образом, я продолжал работать днем и откладывал часть своего жалованья, как я делал это до сих пор, то со временем я смог бы ссудить два мешка зерна; затем три; затем четыре; и когда я набрал бы достаточное количество, позволяющее мне прожить на эти дополнительные пять литров сверх каждого, я был бы волен немного отдохнуть в старости. Но как это происходит? Не должен ли я в таком случае жить за счет других? Нет, конечно, ибо было доказано, что, давая займы, я оказываю услугу; я дополняю труд моих заемщиков и вычитаю лишь незначительную часть излишков производства, причитающихся моим ссудам и сбережениям. Это чудесно, что человек может таким образом проводить досуг, который никому не вредит и которому нельзя без несправедливости позавидовать".

Дом.

У Мондора был дом. Строя его, он ничего ни у кого не вымогал. Он был обязан этим своему личному труду, или, что то же самое, труду, справедливо вознагражденному. Его первой заботой было заключить сделку с архитектором, в силу которой последний за сто крон в год обязался поддерживать дом в постоянном хорошем состоянии. Мондор уже поздравлял себя со счастливыми днями, которые он надеялся провести в этом уединенном месте, объявленном священным нашей Конституцией. Но Валериус пожелал сделать его своей резиденцией.

- Как ты можешь до такого додумываться? - спросил Мондор у Валериуса. "Это я построил его; это стоило мне десяти лет мучительного труда, и теперь вам это понравилось бы!" Они согласились передать дело судьям. Они не выбрали глубоких экономистов - их не было в стране. Но они нашли несколько справедливых и разумных людей; все сводится к одному и тому же; политическая экономия, справедливость, здравый смысл - все это одно и то же. Теперь вот решение, принятое судьями: - Если Валериус желает занять дом Мондора на год, он обязан выполнить три условия. Первый - уволиться в конце года и привести дом в надлежащий вид, избавив его от неизбежного разрушения, вызванного просто длительностью строительства. Во-вторых, возместить Мондору 300 франков, которые последний ежегодно выплачивает архитектору для устранения повреждений, нанесенных временем; за эти повреждения, имевшие место, пока дом находится на службе у Валериуса, совершенно справедливо, что он должен нести ответственность за последствия. Третье - он должен оказать Мондору услугу, эквивалентную той, которую тот получает. Что касается эквивалентности услуг, это должно быть свободно обсуждено между Мондором и Валериусом.

Самолет.

Давным-давно в бедной деревне жил столяр, который был философом, как и все мои герои по-своему. Джеймс работал с утра до ночи своими сильными руками, но его мозг при всем этом не бездействовал. Он любил анализировать свои действия, их причины и следствия. Иногда он говорил себе: "С моим топором, моей пилой и моим молотком я могу делать только грубую мебель и могу получать плату только за это. Если бы у меня только был *самолет*, я бы больше радовал своих клиентов, и они платили бы мне больше. Это совершенно справедливо; я могу рассчитывать только на услуги, соразмерные тем, которые оказываю сам. Да! Я полон решимости, я сделаю *себесамолет*."

Однако, уже приступая к работе, Джеймс размышлял дальше: "Я работаю на своих клиентов 300 дней в году. Если я отдам десять долларов на изготовление своего самолета, предположив, что его мне хватит на год, у меня останется всего 290 дней на изготовление мебели. Теперь, чтобы я не оказался в проигрыше в этом вопросе, я должен впредь получать с помощью самолета столько же за 290 дней, сколько сейчас получаю за 300. Я должен даже получить больше, потому что, если я этого не сделаю, мне не стоит тратить время на какие-либо новшества". Джеймс начал подсчитывать. Он убедился, что продаст готовую мебель по цене, которая с лихвой компенсировала бы десять дней, потраченных на самолет; и когда сомнений по этому поводу не осталось, он приступил к работе. Я прошу читателя заметить, что заключенная в инструменте способность повышать производительность труда является основой следующего решения.

Через десять дней в распоряжении Джеймса был замечательный самолет, который он ценил еще больше за то, что сделал его сам. Он танцевал от радости, ибо, подобно девушке с корзинкой яиц, подсчитывал всю прибыль, которую ожидал извлечь из этого хитроумного инструмента; но, более удачливый, чем она, он не был доведен до необходимости прощаться с теляткой, коровой, поросенком и яйцами вместе взятыми. Он строил свои прекрасные воздушные замки, когда его прервал знакомый Уильям, столяр из соседней деревни. Уильям, восхищенный самолетом, был поражен преимуществами, которые можно было извлечь из него. Он сказал Джеймсу:

У. Вы должны оказать мне услугу.

Дж. Какую услугу?

В. Одолжи мне самолет на год.

Как и следовало ожидать, Джеймс при этом предложении не преминул воскликнуть: "Как ты можешь думать о таких вещах, Уильям? Хорошо, если я окажу вам эту услугу, что вы сделаете для меня взамен?"

В. Ничего. Разве вы не знаете, что ссуда должна быть безвозмездной? Разве вы не знаете, что капитал по своей природе непродуцирующ? Разве ты не знаешь, что было провозглашено братство. Если бы ты оказал мне услугу только ради того, чтобы получить ее от меня взамен, какие бы у тебя были заслуги?

Дж. Уильям, друг мой, братство не означает, что все жертвы должны быть на одной стороне; если это так, я не понимаю, почему они не должны быть на вашей. Должен ли заем быть

безвозмездным, я не знаю; но я точно знаю, что если бы я одолжил вам свой самолет на год, это означало бы отдать его вам. По правде говоря, я делал это не для этого.

У. Что ж, мы ничего не будем говорить о современных принципах, открытых джентльменами-социалистами. Я прошу вас оказать мне услугу; какую услугу вы просите у меня взамен?

Дж. Сначала, потом, через год, с самолетом будет покончено, он ни на что не будет годен. Будет только справедливо, если вы предоставите мне другую точно такую же машину; или если вы дадите мне достаточно денег, чтобы починить ее; или если вы предоставите мне десять дней, которые я должен посвятить ее замене.

У. Это совершенно справедливо. Я соглашаюсь с этими условиями. Я обязуюсь вернуть его или предоставить вам такой же по стоимости. Я думаю, вы должны быть удовлетворены этим и больше ничего не требовать.

Дж. Я думаю иначе. Я сделал самолет для себя, а не для тебя. Я ожидал получить от этого некоторую выгоду, поскольку моя работа будет лучше выполнена и лучше оплачиваться, улучшится мое состояние. Какая причина в том, что я должен совершить полет, а вы должны получить прибыль? С таким же успехом я мог бы попросить вас отдать мне вашу пилу и топорик! Что за путаница! Разве не естественно, что каждый должен хранить то, что он сделал своими руками, а также сами свои руки? Безвозмездно пользоваться руками другого человека я называю рабством; безвозмездно пользоваться плоскостью другого человека - можно ли это назвать братством?

У. Но тогда я согласился вернуть его вам в конце года таким же отполированным и острым, как сейчас.

Дж. Мы не имеем никакого отношения к следующему году; мы говорим об этом году. Я сделал самолет ради улучшения своей работы и состояния; если вы просто вернете его мне через год, то именно вы будете получать от него прибыль в течение всего этого времени. Я не обязан оказывать вам такую услугу, ничего не получив от вас взамен: поэтому, если вы хотите получить мой самолет, независимо от уже оговоренной реставрации, вы должны оказать мне услугу, которую мы сейчас обсудим; вы должны предоставить мне вознаграждение.

И это было сделано следующим образом: Уильям назначил вознаграждение, рассчитанное таким образом, что в конце года Джеймс получил свой рубанок совершенно новым, и вдобавок компенсацию, состоящую из новой доски, за преимущества, которых он лишил себя и которые уступил своему другу.

Ни один человек, знакомый с этой сделкой, не мог обнаружить в ней ни малейшего следа угнетения или несправедливости.

Самое странное, что в конце года самолет перешел во владение Джеймса, и он снова одолжил его; вернул и одолжил в третий и четвертый раз. Он перешел в руки его сына, который до сих пор одалживает его. Бедный рубанок! сколько раз его меняли, иногда лезвие, иногда рукоятку. Это уже не тот самолет, но он всегда имеет ту же ценность, по крайней мере, для потомков Джеймса. Рабочие! давайте разберемся в этих маленьких историях.

Прежде всего, я утверждаю, что *мешок кукурузы* и *самолет* являются здесь типом, моделью, точным изображением, символом всего капитала; подобно тому, как пять литров кукурузы и

доска являются типом, моделью, представлением, символом всех интересов. При этом, как мне кажется, ниже приводится ряд последствий, справедливость которых невозможно оспорить.

первое. Если передача заемщиком кредита кредитору является естественным, справедливым, законным вознаграждением, справедливой ценой реальной услуги, мы можем заключить, что, как правило, в природе капитала заложено приносить проценты. Когда этот капитал, как в предыдущих примерах, принимает форму *орудия труда*, достаточно ясно, что он должен приносить выгоду своему владельцу, тому, кто посвятил ему свое время, свои мозги и свои силы. Иначе зачем бы он это сделал? Никакая жизненная необходимость не может быть немедленно удовлетворена с помощью орудий труда; никто не ест рубанки и не пьет пилы, если, конечно, он не фокусник. Если человек решает потратить свое время на производство таких вещей, его должно было привести к этому соображение о мощности, которую эти инструменты добавляют к его могуществу; о времени, которое они ему экономят; о совершенстве и быстроте, которые они придают его труду; одним словом, о преимуществах, которые они ему обеспечивают. Итак, эти преимущества, которые были получены трудом, потраченным временем, которое могло бы быть использовано более непосредственным образом, обязаны ли мы, как только ими можно будет воспользоваться, безвозмездно передать их другому? Будет ли это прогрессом в общественном порядке, если закон примет такое решение, и граждане должны будут платить чиновникам за принудительное исполнение такого закона? Я осмелюсь сказать, что среди вас нет ни одного, кто поддержал бы это. Это означало бы легализовать, организовать, систематизировать саму несправедливость, ибо это означало бы провозгласить, что есть люди, рожденные оказывать безвозмездные услуги, и другие, рожденные получать их. Итак, допустим, что этот интерес справедлив, естествен и законен.

2. Второе следствие, не менее замечательное, чем первое, и, если возможно, еще более убедительное, на которое я обращаю ваше внимание, заключается в следующем: *Проценты не наносят ущерба заемщику*. Я хочу сказать, что обязательство, в котором оказывается заемщик, по выплате вознаграждения за использование капитала, не может нанести никакого вреда его состоянию. Заметьте, на самом деле, что Джеймс и Уильям совершенно свободны в том, что касается сделки, поводом к которой послужил самолет. Сделка не может быть совершена без согласия как одного, так и другого. Худшее, что может случиться, - это то, что Джеймс может оказаться слишком требовательным; и в этом случае Уильям, отказываясь от ссуды, остается таким же, каким был раньше. Тем фактом, что он соглашается взять займы, он доказывает, что считает это преимуществом для себя; он доказывает, что после всех расчетов, включая требуемое от него вознаграждение, каким бы оно ни было, он все равно считает более выгодным брать займы, чем не брать. Он решает сделать это только потому, что сравнил неудобства с преимуществами. Он подсчитал, что в тот день, когда он вернет самолет вместе с оговоренным вознаграждением, он выполнит больше работы с теми же затратами труда благодаря этому инструменту. Прибыль останется у него, иначе он не стал бы занимать. Две услуги, о которых мы говорим, обмениваются в соответствии с законом, который управляет всеми обменах, законом спроса и предложения. Притязания Джеймса имеют естественный и непреодолимый предел. Это тот момент, когда требуемое им вознаграждение поглотило бы все преимущества, которые Уильям мог бы найти в использовании самолета. В этом случае заимствование не состоялось бы. Уильяму пришлось бы либо сделать самолет для себя, либо обойтись без него, что оставило бы его в его первоначальном состоянии. Он занимает, потому что он выигрывает, занимая. Я очень хорошо знаю, что мне скажут. Вы скажете, что Уильям,

возможно, был обманут, или, возможно, им руководила необходимость, и он был вынужден подчиниться суровому закону.

Может быть, и так. Что касается ошибок в расчетах, то они относятся к слабости нашей природы, и аргументировать это против рассматриваемой сделки - значит возражать против возможности потерь во всех мыслимых сделках, в каждом человеческом действии. Ошибка - это случайный факт, который постоянно исправляется опытом. Короче говоря, каждый должен остерегаться ее. Что касается тех насущных потребностей, которые вынуждают людей брать обременительные займы, то ясно, что эти потребности существуют до получения займа. Если Уильям оказался в ситуации, когда он никак не может обойтись без рубанка и вынужден одолжить его любой ценой, является ли эта ситуация результатом того, что Джеймс взял на себя труд изготовить этот инструмент? Разве это не существует независимо от этого обстоятельства? Каким бы суровым Джеймс ни был, он никогда не сделает предполагаемое состояние Уильяма хуже, чем оно есть. С моральной точки зрения, это правда, виноват будет кредитор; но с экономической точки зрения сам кредит никогда не может считаться ответственным за предыдущие потребности, которые он не создавал и которые он в определенной степени облегчает.

Но это доказывает кое-что, к чему я вернусь. Очевидные интересы Уильяма, представляющего здесь заемщиков, - это множество Джеймсов и плоскостей, другими словами, кредиторов и капиталов. Совершенно очевидно, что если Уильям сможет сказать Джеймсу: "Ваши требования непомерны; в мире нет недостатка в самолетах", - он окажется в лучшем положении, чем если бы самолет Джеймса был единственным, который можно было позаимствовать. Несомненно, нет максимы более верной, чем эта - услуга за услугу. Но давайте не будем забывать, что ни одна услуга не имеет фиксированной и абсолютной ценности по сравнению с другими. Договаривающиеся стороны свободны. Каждый доводит свои требования до максимально возможного предела, и наиболее благоприятным обстоятельством для этих требований является отсутствие соперничества. Отсюда следует, что если и существует класс людей, более чем какой-либо другой заинтересованный в образовании, приумножении и изобилии капиталов, то это главным образом заемщики. Теперь, поскольку капиталы могут быть сформированы и увеличены только благодаря стимулам и перспективе вознаграждения, пусть этот класс поймет, какой вред они наносят сами себе, когда отрицают законность процента, когда они заявляют, что кредит должен быть безвозмездным, когда они выступают против мнимой тирании капитала, когда они препятствуют сбережениям, тем самым вынуждая капиталы сокращаться, а следовательно, и проценты расти.

3-й. Анекдот, который я только что рассказал, позволяет вам объяснить это, по-видимому, необычное явление, которое называется продолжительностью или постоянством интереса. Поскольку, одалживая свой самолет, Джеймс смог вполне законно поставить условием, что он должен быть возвращен ему по истечении года в том же состоянии, в котором он был, когда он его одалживал, разве не очевидно, что по истечении срока он может одолжить его снова на тех же условиях? Если он решится на последний план, самолет будет возвращаться к нему в конце каждого года, и так без конца. Тогда Джеймс будет в состоянии давать их займы без конца; то есть он может получать с них постоянный процент. Будет сказано, что самолет изнашивается. Это верно; но он будет изнашиваться вручную и к выгоде заемщика. Последний принял во внимание этот постепенный износ и взял на себя, как и следовало, последствия. Он рассчитал, что получит от этого инструмента преимущество, которое позволит ему восстановить его в

первоначальном состоянии после того, как получит от него прибыль. До тех пор, пока Джеймс не воспользуется этим капиталом сам или в своих собственных интересах - до тех пор, пока он отказывается от преимуществ, которые позволяют восстановить его в первоначальном состоянии, - он будет иметь неоспоримое право на его восстановление, и это независимо от интереса.

Заметьте, кроме того, что если, как я полагаю, я показал, Джеймс, далекий от того, чтобы причинить какой-либо вред Уильяму, оказал ему услугу, одолжив ему свой самолет на год, то по той же причине он не причинит вреда второму, третьему, четвертому заемщику в последующие периоды. Отсюда вы можете понять, что процент на капитал в тысячный год так же естествен, так же законен, так же полезен, как и в первый. Мы можем пойти еще дальше. Может случиться так, что Джеймс одолжит больше одного самолета. Возможно, что благодаря труду, сбережениям, лишениям, порядку, активности он сможет одолжить множество рубанков и пил; то есть оказать множество услуг. Я настаиваю на том, что если первый заем был общественным благом, то то же самое будет и со всеми остальными; ибо все они похожи и основаны на одном и том же принципе. Тогда может случиться так, что суммы всех вознаграждений, получаемых нашим честным оперативником в обмен на оказанные им услуги, будет достаточно для его содержания. В этом случае в мире найдется человек, который имеет право жить, не работая. Я не говорю, что он поступил бы правильно, предавшись праздности, но я говорю, что он имеет на это право; и если он так поступит, это не будет ни за чей счет, а совсем наоборот. Если общество вообще понимает природу вещей, оно признает, что этот человек существует за счет услуг, которые он, безусловно, получает (как и все мы), но которые он законно получает в обмен на другие услуги, которые он сам оказал, которые он продолжает оказывать, и которые вполне реальны, поскольку они принимаются свободно и добровольно.

И здесь мы имеем представление об одной из прекраснейших гармоний в социальном мире. Я имею в виду досуг: не тот досуг, который устраивают себе воинственные и тиранические классы за счет грабежа рабочих, а тот досуг, который является законным и невинным плодом прошлой деятельности и экономии. Выражая себя таким образом, я знаю, что шокирую многие общепринятые идеи. Но посмотрите! Разве досуг не является важной пружиной в социальной машине? Без этого в мире никогда бы не было Ньютона, Паскаля, Фенелона; человечество было бы невежественным во всех искусствах, науках и в тех замечательных изобретениях, которые изначально были созданы исследованиями из простого любопытства; мысль была бы инертной - человек не добился бы прогресса. С другой стороны, если бы досуг можно было объяснить только грабежом и угнетением, если бы это было благо, которым можно было пользоваться только несправедливо и за счет других, между этими двумя пороками не было бы среднего пути; либо человечество было бы доведено до необходимости застоя в растительной и неподвижной жизни, в вечном невежестве, из-за отсутствия колес у его машины - либо ему пришлось бы приобретать эти колеса ценой неизбежной несправедливости, и оно неизбежно представляло бы собой печальное зрелище, в той или иной форме, древнего разделения людей на господ и рабов. Я бросаю вызов любому, кто укажет мне в данном случае какую-либо другую альтернативу. Мы должны быть вынуждены созерцать Божественный план, который управляет обществом, с сожалением думая, что он представляет собой прискорбную пропасть. Стимул прогресса был бы забыт, или, что еще хуже, этим стимулом была бы не что иное, как сама несправедливость. Но нет! Бог не оставил такой пропасти в Своей работе любви. Мы должны позаботиться о том, чтобы не пренебрегать Его мудростью и могуществом; ибо те, чьи несовершенные размышления не могут объяснить законность досуга, очень похожи на

астронома, который сказал, что в определенной точке небес должна существовать планета, которая в конце концов будет открыта, ибо без нее небесный мир - это не гармония, а разлад.

Что ж, я говорю, что, если хорошо разобраться, истории моего скромного плана, хотя и очень скромного, достаточно, чтобы подвести нас к созерцанию одной из самых утешительных, но наименее понятых социальных гармоний.

Неверно, что мы должны выбирать между отрицанием досуга или его незаконностью; благодаря арендной плате и ее естественной продолжительности досуг может возникать за счет труда и сбережений. Это приятная перспектива, которую каждый может иметь в виду; благородное вознаграждение, к которому каждый может стремиться. Она появляется в мире; она распространяется пропорционально проявлению определенных добродетелей; она открывает все пути к интеллекту; она облагораживает, она возвышает мораль; она одухотворяет душу человечества, не только не возлагая никакого бремени на тех наших братьев, чья жизненная судьба посвящает их тяжелому труду, но и постепенно освобождая их от самой тяжелой и отвратительной части этого труда. Достаточно того, что капиталы должны формироваться, накапливаться, приумножаться; должны ссужаться на условиях все менее и менее обременительных; что они должны распространяться, проникать в каждый социальный круг и что путем замечательного прогресса, освободив кредиторов, они должны ускорить освобождение самих заемщиков. С этой целью все законы и обычаи должны быть благоприятными для экономики, источника капитала. Достаточно сказать, что первое из всех этих условий - не тревожить, не нападать, не отрицать то, что является стимулом сбережений и причиной их существования, - интерес.

Пока мы не увидим, что из рук в руки ничего не переходит в виде займа, кроме *провизии, материалов, инструментов*, вещей, необходимых для самой производительности труда, изложенные до сих пор идеи не найдут большого числа противников. Кто знает, может быть, меня даже не упрекнут в том, что я приложил огромные усилия, чтобы взломать то, что можно назвать открытой дверью. Но как только в качестве предмета сделки появляются *наличные* деньги (а именно они появляются почти всегда), сразу же возникает масса возражений. Скажут, что деньги не воспроизводят себя сами, как ваш *мешок кукурузы*; они не помогают труду, как ваш *самолет*; они не дают немедленного удовлетворения, как ваш *дом*. По своей природе она неспособна приносить проценты, умножать себя, и вознаграждение, которого она требует, является явным вымогательством.

Кто не видит в этом софистики? Кто не видит, что наличные деньги - это всего лишь временная форма, которую люди придают на время другим *ценностям*, реальным предметам полезности, с единственной целью облегчить их устройство? В разгар социальных осложнений человек, который в состоянии давать займы, едва ли когда-либо имеет именно то, чего хочет заемщик. У Джеймса, это правда, есть рубанок; но, возможно, Уильяму нужна пила. Они не могут договориться; сделка, выгодная для обоих, не может состояться, и что тогда происходит? Случается, что Джеймс сначала обменивает свой самолет на деньги; он одалживает деньги Уильяму, а Уильям обменивает их на пилу. Транзакция больше не является простой; она разделена на две части, как я объяснил выше, говоря об обмене. Но, несмотря на все это, она не изменила своей природы; она по-прежнему содержит все элементы прямого займа. Джеймс все еще избавился от инструмента, который был ему полезен; Уильям все еще получил инструмент, который совершенствует его работу и увеличивает его прибыль; все еще существует услуга,

оказанная кредитором, которая дает ему право получить эквивалентную услугу от заемщика; этот справедливый баланс, тем не менее, устанавливается свободными взаимными переговорами. Вполне естественное обязательство восстановить в конце срока *всю стоимость* по-прежнему составляет принцип продолжительности действия процентов.

В конце года, спрашивает мсье Торе, найдете ли вы еще одну крону в сумке с сотней фунтов?

Нет, конечно, если заемщик положит мешок со ста фунтами на полку. В таком случае ни самолет, ни мешок кукурузы не смогли бы воспроизвести сами себя. Но они одалживаются не для того, чтобы оставить деньги в сумке или самолет на крючке. Самолет одалживается для использования или деньги на покупку самолета. И если будет четко доказано, что этот инструмент позволяет заемщику получать прибыль, которую он не получил бы без него, если будет доказано, что кредитор отказался от создания для себя этого избытка прибыли, мы сможем понять, насколько справедливым и законным является выделение части этого избытка прибыли в пользу кредитора.

Незнание истинной роли, которую наличные играют в человеческих сделках, является источником самых фатальных ошибок. Я намереваюсь посвятить этой теме целую брошюру. Из того, что мы можем заключить из трудов г-на Прудона, то, что привело его к мысли, что безвозмездный кредит был логичным и определенным следствием социального прогресса, - это наблюдение явления, которое демонстрирует снижение интереса почти прямо пропорционально уровню цивилизации. В варварские времена это составляло, по сути, проценты и даже больше. Затем оно снижается до восьмидесяти, шестидесяти, пятидесяти, сорока, двадцати, десяти, восьми, пяти, четырех и трех процентов. В Голландии этот показатель даже составляет всего два процента. Отсюда делается вывод, что "по мере того, как общество достигает совершенства, оно будет снижаться до нуля к моменту завершения цивилизации. Другими словами, то, что характеризует социальное совершенство, - это безвозмездность кредита. Следовательно, когда мы отменим процент, мы достигнем последней ступени прогресса". Это простая софистика, и поскольку такие ложные аргументы могут способствовать популяризации несправедливой, опасной и разрушительной догмы о том, что кредит должен быть безвозмездным, представляя ее как совпадающую с социальным совершенством, с разрешения читателя я в нескольких словах рассмотрю этот новый взгляд на вопрос.

Что такое *проценты*? Это услуга, оказанная заемщиком кредитору после заключения свободной сделки в качестве вознаграждения за услугу, полученную им в виде займа. Каким законом устанавливается стоимость этих платных услуг? Общим законом, который регулирует эквивалент всех услуг; то есть законом спроса и предложения.

Чем легче приобрести вещь, тем меньшую услугу оказывает ее предоставление или одалживание. Человек, который подает мне стакан воды в Пиренеях, не оказывает мне такой большой услуги, как тот, кто позволяет мне выпить его в пустыне Сахара. Если в стране много самолетов, мешков с зерном или домов, то пользование ими осуществляется при прочих равных условиях на более благоприятных условиях, чем если бы их было мало; по той простой причине, что кредитор оказывает в этом случае меньшую *относительную* услугу.

Поэтому неудивительно, что чем больше капиталов, тем ниже проценты.

Означает ли это, что он когда-нибудь достигнет нуля? Нет; потому что, я повторяю, принцип вознаграждения заложен в ссуде. Сказать, что проценты будут уничтожены, значит сказать, что

никогда не будет никакого мотива для сбережений, для самоотречения, ни для формирования новых капиталов, ни даже для сохранения старых. В этом случае растрата немедленно привела бы к возникновению пустоты, и интерес сразу же возник бы вновь.

В этом смысле характер услуг, о которых мы говорим, не отличается от любых других. Благодаря промышленному прогрессу пара чулок, которые раньше стоили шесть франков, теперь стоят всего четыре, три и два. Никто не может сказать, до какой точки снизится это значение; но мы можем утверждать, что оно никогда не достигнет нуля, если чулки не закончат самопроизвольно изготавливаться. Почему? Потому что принцип вознаграждения заложен в труде; потому что тот, кто работает на другого, оказывает услугу и должен получать услугу. Если бы никто не платил за чулки, их перестали бы шить, а при дефиците цена не преминула бы снова появиться.

Софизм, с которым я сейчас борюсь, коренится в бесконечной делимости, которая присуща *ценностям* так же, как и материи.

На первый взгляд это кажется парадоксальным, но всем математикам хорошо известно, что на протяжении всей вечности дроби могут сниматься с гири без того, чтобы гиря когда-либо была уничтожена. Достаточно, чтобы каждая последующая доля была меньше предыдущей в определенной и регулярной пропорции.

Есть страны, где люди занимаются увеличением размера лошадей или уменьшением размера головы у овец. Невозможно точно сказать, к какому результату они придут в этом. Никто не может сказать, что он видел самую большую лошадь или самую маленькую овечью голову, которые когда-либо появлялись в мире. Но он может с уверенностью сказать, что размеры лошадей никогда не достигнут бесконечности, а головы овец - нуля.

Точно так же никто не может сказать, до какой точки снизятся цены на чулки или проценты на капиталы; но мы можем с уверенностью утверждать, зная природу вещей, что ни то, ни другое никогда не достигнет нуля, ибо труд и капитал могут прожить без вознаграждения не больше, чем овца без головы.

Таким образом, аргументы г-на Прудона сводятся к следующему: поскольку наиболее искусными земледельцами являются те, кто уменьшил головы овец до наименьших размеров, мы достигнем наивысшего совершенства в сельском хозяйстве, когда у овец больше не будет голов. Поэтому, чтобы осознать совершенство, давайте обезглавим их.

Теперь я покончил с этим утомительным обсуждением. Почему дыхание ложной доктрины сделало необходимым изучение интимной природы интереса? Я не должен останавливаться, не отметив прекрасную мораль, которую можно извлечь из этого закона: "Снижение процента пропорционально избытку капиталов". При соблюдении этого закона, если существует класс людей, для которых более важно, чем для любого другого, чтобы капиталы формировались, накапливались, приумножались, преумножались и переизбытка, то, несомненно, именно этот класс прямо или косвенно заимствует их; это те люди, которые работают с *материалами*, которые получают помощь с помощью *инструментов*, которые живут за счет *продуктов питания*, произведенных и сэкономленных другими людьми.

Представьте себе обширную и плодородную страну с населением в тысячу жителей, лишенную всех капиталов, определенных таким образом. Она, несомненно, погибнет от мук голода.

Давайте предположим случай, едва ли менее жестокий. Предположим, что десять из этих дикарей обеспечены инструментами и провизией, достаточными для того, чтобы работать и прожить самим до времени сбора урожая, а также для оплаты услуг восьмидесяти рабочих. Неизбежным результатом станет смерть девятисот человек. Таким образом, ясно, что, поскольку 990 человек, подгоняемых нуждой, будут толпиться на опорах, которых хватило бы только на сотню, десять капиталистов будут хозяевами рынка. Они получают рабочую силу на самых тяжелых условиях, поскольку выставят ее на аукцион или тому, кто предложит самую высокую цену. И обратите внимание на следующее: если эти капиталисты питают такие благочестивые чувства, которые побудили бы их подвергать себя личным лишениям, чтобы уменьшить страдания некоторых из своих братьев, то это великодушие, присущее морали, будет столь же благородным по своему принципу, сколь и полезным по своим последствиям. Но если, обманутые той ложной философией, которую люди так бесцеремонно хотят смешать с экономическими законами, они возьмутся за широкое вознаграждение труда, то это не принесет пользы, а принесет вред. Возможно, они будут платить двойную зарплату. Но тогда сорок пять человек будут лучше обеспечены, в то время как сорок пять других придут, чтобы увеличить число тех, кто сойдет в могилу. Исходя из этого предположения, причиной зла является не снижение заработной платы, а нехватка капитала. Низкая заработная плата является не причиной, а следствием зла. Я могу добавить, что они в определенной степени являются лекарством. Оно действует следующим образом: оно распределяет бремя страданий настолько, насколько это возможно, и спасает столько жизней, сколько позволяет ограниченное количество средств к существованию.

Предположим теперь, что вместо десяти капиталистов будет сто, двести, пятьсот, - разве не очевидно, что положение всего населения, и прежде всего "пролетариев", ³ будет все более и более улучшаться? Разве не очевидно, что, помимо всяческих соображений великодушия, они получили бы больше работы и за нее лучше платили? - что они сами были бы в лучшем состоянии для формирования капиталов, не будучи в состоянии установить пределы этой постоянно растущей возможности достижения равенства и благополучия? Не было бы безумием с их стороны признавать такие доктрины и действовать таким образом, который истощил бы источник заработной платы и парализовал бы деятельность и стимул к сбережению? Тогда пусть они усвоят этот урок; несомненно, капиталы хороши для тех, кто ими обладает: кто это отрицает? Но они также полезны для тех, кто еще не смог их сформировать; и для тех, у кого их нет, важно, чтобы они были у других.

Да, если бы "пролетарии" знали свои истинные интересы, они бы с величайшей осторожностью выясняли, какие обстоятельства благоприятствуют сбережению, а какие нет, чтобы благоприятствовать первым и препятствовать вторым. Они сочувствовали бы любым мерам, которые ведут к быстрому образованию капиталов. Они были бы восторженными сторонниками мира, свободы, порядка, безопасности, союза классов и народов, экономии, умеренности в государственных расходах, простоты в механизме управления; ибо именно под влиянием всех этих обстоятельств сбережения делают свое дело, делают изобилие доступным для масс, побуждают тех людей стать создателями капитала, которые раньше были вынуждены брать займы на жестких условиях. Они бы энергично отразили воинственный дух, который отвлекает от своего истинного курса столь значительную часть человеческого труда; дух монополизма, который нарушает справедливое распределение богатств таким образом, каким только свобода может их реализовать; множество общественных служб, которые атакуют наши кошельки только для того, чтобы ограничить нашу свободу; и, короче говоря, те подрывные, ненавистные,

бездумные доктрины, которые встревоживают капитал, препятствуют его образованию, вынуждают его бежать и, наконец, повышают его цену, к особому ущербу рабочих, которые приводят его в действие. Ну, и в этом отношении разве февральская революция не является суровым уроком? Разве не очевидно, что неуверенность, которую это внесло в мир бизнеса, с одной стороны, и, с другой стороны, продвижение фатальных теорий, на которые я ссылался, и которые из клубов почти проникли в законодательные органы, повсеместно повысили норму процента? Разве не очевидно, что с этого времени "рабочие" столкнулись с большими трудностями в добывании тех материалов, инструментов и провизии, без которых невозможен труд? Не это ли привело к остановкам; и разве остановки, в свою очередь, не снижают заработную плату? Таким образом, у "рабочих" возникает нехватка рабочей силы по той же причине, которая приводит к повышению цены предметов, которые они потребляют, вследствие повышения процента. Высокий процент, низкая заработная плата, другими словами, означают, что тот же самый товар сохраняет свою цену, но что часть капиталиста вторглась в сферу интересов рабочих, не извлекая из этого никакой выгоды для себя.

Один мой друг, которому поручили провести исследование парижской промышленности, заверил меня, что фабриканты открыли ему поразительный факт, который лучше всяких рассуждений доказывает, насколько ненадежность и неопределенность вредят образованию капитала. Было отмечено, что в самый печальный период популярные расходы на простую фантазию не уменьшились. Маленькие театры, арены для боев, трактиры и табачные лавки были столь же посещаемы, как и в благополучные времена. В ходе исследования сами оперативники объяснили это явление так: "Какой смысл зажимать? Кто знает, что с нами будет? Кто знает, что проценты не будут отменены? Кто знает, не станет ли государство универсальным и безвозмездным кредитором и не захочет ли оно уничтожить все плоды, которых мы могли бы ожидать от наших сбережений?" Что ж! Я говорю, что если бы такие идеи могли преобладать в течение двух лет, этого было бы достаточно, чтобы превратить нашу прекрасную Францию в Индюшатину - нищета стала бы всеобщей и повсеместной, и, несомненно, бедняки были бы первыми, на кого она обрушилась бы.

Рабочие! они много говорят с вами об *искусственной* организации труда; знаете ли вы, почему они это делают? Потому что они не знают законов его *естественной* организации, то есть о чудесной организации, которая является результатом свободы. Вам говорят, что свобода порождает то, что называется радикальным антагонизмом классов; что она создает и приводит к столкновению два противоположных интереса - капиталистов и "пролетариев". Но нам следовало бы начать с доказательства того, что этот антагонизм существует по закону природы; а затем осталось бы показать, насколько меры сдерживания превосходят меры свободы, ибо между свободой и ограничением я не вижу среднего пути. Опять же, остается доказать, что сдержанность всегда будет работать в вашу пользу и в ущерб богатым. Но нет; этого радикального антагонизма, этого естественного противопоставления интересов не существует. Это всего лишь дурной сон извращенного и опьяненного воображения. Нет; столь несовершенный план исходил не от Божественного Разума. Чтобы утвердить его, мы должны начать с отрицания существования Бога. И посмотрите, как посредством социальных законов и благодаря тому, что люди обмениваются между собой своим трудом и произведениями, посмотрите, какая гармоничная связь связывает классы друг с другом! Вот землевладельцы; в чем их интерес? Чтобы почва была плодородной, а солнце - благодетельным: и каков результат? Чтобы хлеба было в избытке, чтобы он падал в цене, и это преимущество оборачивалось прибылью тех, у кого не было наследства. Есть производители - о чем они постоянно думают? О

том, чтобы усовершенствовать свой труд, увеличить мощность своих машин, обеспечить себя сырьем на наилучших условиях. И к чему все это клонится? К изобилию и низким ценам на продукты; то есть к тому, что все усилия производителей, сами того не подозревая, приносят прибыль общественному потребителю, одним из которых является каждый из вас. То же самое с каждой профессией. Что ж, капиталисты не освобождены от этого закона. Они очень заняты составлением схем, экономией и обращением их в свою пользу. Все это очень хорошо; но чем больше они преуспевают, тем больше они способствуют увеличению капитала и, как необходимое следствие, снижению процента. Итак, кто же получает прибыль от снижения процента? Разве это не первые заемщики и, наконец, не потребители того, в производство чего вкладываются капиталы?

Следовательно, несомненно, что конечным результатом усилий каждого класса является общее благо для всех.

Вам говорят, что капитал тиранизирует рабочую силу. Я не отрицаю, что каждый стремится извлечь как можно больше преимуществ из своего положения; но в этом смысле он реализует только то, что возможно. Итак, у капиталов нет большей возможности тиранизировать рабочую силу, чем когда ее не хватает; ибо тогда именно они устанавливают закон - именно они регулируют норму продажи. Никогда эта тирания не бывает для них более невозможной, чем когда они в изобилии; ибо в этом случае командует труд.

Тогда прочь классовую зависть, недоброжелательство, необоснованную ненависть, несправедливые подозрения. Эти порочные страсти вредят тем, кто питает их в своих сердцах. Это не декламационная мораль; это цепь причин и следствий, которую можно строго математически продемонстрировать. Она не менее возвышенна в том смысле, что удовлетворяет как интеллект, так и чувства.

Я подытожу всю эту диссертацию следующими словами: Рабочие, чернорабочие, "пролетарии", обездоленные и страдающие классы, улучшите ли вы свое положение? Вы не добьетесь успеха с помощью борьбы, восстания, ненависти и ошибок. Но есть три вещи, которые не могут усовершенствовать все сообщество, не распространяя эти блага на вас самих; это мир, свобода и безопасность.

То, Что Видно, и То, Чего Не Видно

В департаменте экономики действие, привычка, институт, закон порождают не только следствие, но и серию следствий. Из этих следствий только первое является непосредственным; оно проявляется одновременно со своей причиной -его можно увидеть. Другие разворачиваются последовательно -их не видно: для нас хорошо, если их предвидят. В этом вся разница между хорошим и плохим экономистом - один учитываетвидимый эффект; другой учитывает как те эффекты, которые видны, так и те, которые необходимо предвидеть. Эта разница огромна, поскольку почти всегда случается так, что, когда непосредственные последствия благоприятны, конечные последствия фатальны,и наоборот. Отсюда следует, что плохой экономист стремится к небольшому нынешнему благу, за которым следует большое грядущее зло, в то время как истинный экономист стремится к великому грядущему благу, рискуя столкнуться с небольшим нынешним злом.

На самом деле, то же самое происходит и в науке о здоровье, искусстве и в науке о морали. Часто бывает так, что чем слаще первый плод привычки, тем более горькими оказываются последствия. Возьмем, к примеру, разврат, праздность, расточительность. Поэтому, когда человек, поглощенный эффектом, который *виден*, еще не научился различать то, чего не видно, он поддается пагубным привычкам не только по склонности, но и по расчету.

Это объясняет фатально тяжелое состояние человечества. Невежество окружает его колыбель: тогда его действия определяются их первыми последствиями, единственными, которые на своей первой стадии он может видеть. Только в долгосрочной перспективе он учится принимать во внимание другие. Он должен усвоить этот урок у двух совершенно разных мастеров - опыта и предвидения. Опыт учит эффективно, но жестоко. Это знакомит нас со всеми последствиями действия, заставляя нас чувствовать их; и мы не можем не закончить, зная, что огонь обжигает, если мы обожглись сами. Этого грубого учителя я хотел бы, если возможно, заменить более мягким. Я имею в виду Предусмотрительность. С этой целью я исследую последствия определенных экономических явлений, противопоставляя друг другу те, *которые видны*, и те, *которые не видны*.

Я. - Разбитое окно.

Вы когда-нибудь были свидетелем гнева доброго владельца магазина Джеймса Б., когда его нерадивый сын случайно разбил оконное стекло? Если вы присутствовали при подобной сцене, вы, несомненно, станете свидетелем того факта, что каждый из зрителей, будь их даже тридцать, по общему согласию, по-видимому, предлагал несчастному владельцу это неизменное утешение: "Это дурной ветер, который никому не приносит добра. Все должны жить, и что стало бы со стекольщиками, если бы стекла никогда не разбивались?"

Итак, эта форма соболезнования содержит целую теорию, которую будет полезно продемонстрировать на этом простом примере, поскольку она в точности совпадает с той, которая, к несчастью, регулирует большую часть наших экономических институтов.

Предположим, что устранение ущерба обошлось в шесть франков, и вы говорите, что несчастный случай приносит шесть франков профессии стекольщика, что он поощряет эту торговлю на сумму в шесть франков, - я согласен с этим; у меня нет ни слова против этого; вы рассуждаете справедливо. Стекольщик приходит, выполняет свою работу, получает свои шесть франков, потирает руки и в душе благословляет нерадивого ребенка. Все это - *то, что видно*.

Но если, с другой стороны, вы придете к выводу, как это слишком часто бывает, что разбивать окна - это хорошо, что это приводит к циркуляции денег и что результатом этого будет поощрение промышленности в целом, вы обяжете меня крикнуть: "Остановитесь! ваша теория ограничивается тем, *что видно*; она не принимает во внимание то, *чего не видно*."

Не видно, что, поскольку наш лавочник потратил шесть франков на одну вещь, он не может потратить их на другую. *Не видно*, чтобы, если бы ему не нужно было заменить окно, он, возможно, заменил бы свои старые ботинки или пополнил свою библиотеку еще одной книгой. Короче говоря, он использовал бы свои шесть франков каким-нибудь образом, чему помешал этот несчастный случай.

Давайте взглянем на промышленность в целом с точки зрения этого обстоятельства. Поскольку окно разбито, ремесло стекольщика поощряется в размере шести франков: *это то, что видно*.

Если бы окно не было разбито, ремесло сапожника (или какое-нибудь другое) поощрялось бы на сумму в шесть франков: это *то, чего не видно*.

И если *принять во внимание то, что не видно*, потому что это негативный факт, а также то, что видно, потому что это позитивный факт, станет понятно, что ни промышленность *в целом*, ни общая сумма *национального труда*, независимо от того, разбиты окна или нет.

Теперь давайте рассмотрим самого Джеймса Б. В первом предположении, что окно разбито, он тратит шесть франков и получает удовольствие от окна ни больше, ни меньше, чем имел раньше.

Во втором случае, когда мы предполагаем, что окно не было разбито, он потратил бы шесть франков на туфли и в то же время наслаждался бы парой туфель и окном.

Теперь, поскольку Джеймс Б. является частью общества, мы должны прийти к выводу, что, рассматривая его в целом и оценивая его удовольствия и труды, оно утратило ценность разбитого окна.

Отсюда мы приходим к этому неожиданному выводу: "Общество теряет ценность вещей, которые бесполезно уничтожаются"; и мы должны согласиться с максимой, от которой волосы у протекционистов встанут дыбом - ломать, портить, расточать не значит поощрять национальный труд; или, короче говоря, "разрушение не приносит прибыли".

Что вы скажете, *Промышленный обозреватель*- что вы скажете, последователи доброго М. Ф. Шаманса, который с такой точностью подсчитал, сколько выиграла бы торговля от сожжения Парижа, исходя из количества домов, которые пришлось бы отстроить заново?

Мне жаль нарушать эти хитроумные расчеты, поскольку их дух был внедрен в наше законодательство; но я прошу его начать их снова, приняв во внимание *то, что не видно*, и поместив это рядом с *тем, что видно*.

Читатель должен помнить, что в небольшой сцене, которую я представил его вниманию, участвуют не только два, но и три человека. Один из них, Джеймс Б., представляет потребителя, сведенного актом разрушения к одному удовольствию вместо двух. Другой, под названием "стекольщик", показывает нам производителя, чье ремесло поощряется несчастным случаем. Третий - сапожник (или какой-либо другой ремесленник), чей труд пропорционально страдает по той же причине. Именно это третье лицо всегда держится в тени и, олицетворяя *то, чего не видно*, является необходимым элементом проблемы. Именно он показывает нам, насколько абсурдно думать, что мы видим выгоду в акте разрушения. Именно он вскоре научит нас, что не менее абсурдно видеть выгоду в ограничении, которое, в конце концов, есть не что иное, как частичное разрушение. Поэтому, если вы только дойдете до сути всех аргументов, которые приводятся в его пользу, все, что вы найдете, будет перефразированием этой вульгарной поговорки: *Что стало бы со стекольщиками, если бы никто никогда не бил окон?*

II.- Расформирование войск.

С народом происходит то же самое, что и с человеком. Если он хочет доставить себе какое-то удовольствие, он, естественно, рассматривает, стоит ли оно того, чего стоит. Для нации безопасность - величайшее из преимуществ. Если для того, чтобы получить его, необходимо иметь армию в сто тысяч человек, мне нечего сказать против этого. Это удовольствие, купленное

жертвой. Пусть меня не поймут превратно относительно масштабов моего положения. Член собрания предлагает распустить сто тысяч человек ради освобождения от уплаты налогов ста миллионов.

Если мы ограничимся этим ответом - "Сто миллионов людей и эти сто миллионов денег необходимы для национальной безопасности: это жертва; но без этой жертвы Франция была бы раздираема группировками или захвачена какой-нибудь иностранной державой", - мне нечего возразить против этого аргумента, который может быть правдой или ложью на самом деле, но который теоретически не содержит ничего, что противоречило бы экономике. Ошибка начинается тогда, когда говорят, что жертва сама по себе является преимуществом, потому что она приносит кому-то пользу.

Я сильно ошибусь, если в тот момент, когда автор предложения займет свое место, какой-нибудь оратор не встанет и не скажет: "Распустите сто тысяч человек! Вы понимаете, что говорите? Что с ними будет? Где они будут зарабатывать на жизнь? Разве вы не знаете, что работы везде не хватает? Что на каждом поле слишком много скота? Выставили бы вы их за дверь, чтобы усилить конкуренцию и повлиять на уровень заработной платы? Как раз сейчас, когда вообще трудно жить, было бы неплохо, если бы государство должно было найти хлеб для ста тысяч человек? Учтите, кроме того, что армия потребляет вино, оружие, одежду, что это способствует развитию мануфактур в гарнизонных городах, что это, короче говоря, находка для бесчисленных поставщиков. Да ведь любой должен трепетать при одной мысли о том, чтобы покончить с этим грандиозным промышленным движением".

Очевидно, что эта дискуссия завершается голосованием за содержание ста тысяч солдат по причинам, вытекающим из необходимости службы и экономических соображений. Это только те соображения, которые я должен опровергнуть.

Сто тысяч человек, которые обходятся налогоплательщикам в сто миллионов денег, живут и приносят поставщикам столько, сколько могут дать сто миллионов. Это то, *что видно*.

Но сто миллионов, изъятых из карманов налогоплательщиков, перестают содержать этих налогоплательщиков и поставщиков, насколько это возможно. Это *то, чего не видно*. Теперь произведите свои расчеты. Бросьте вызов и скажите мне, какая в этом выгода для масс?

Я скажу вам, в чем заключается *потеря*; и для упрощения, вместо того чтобы говорить о ста тысячах человек и миллионе денег, речь пойдет об одном человеке и тысяче франков.

Предположим, что мы находимся в деревне А. Сержанты-вербовщики совершают обход и забирают человека. Сборщики налогов совершают обход и забирают тысячу франков. Человека с суммой денег отвозят в Мец, и последнему суждено содержать первого в течение года, ничего не делая. Если вы рассматриваете только Мец, вы совершенно правы; мера очень выгодная; но если вы посмотрите на деревню А., вы будете судить совсем по-другому; ибо, если вы не совсем слепы, вы увидите, что эта деревня потеряла рабочего и тысячу франков, которые могли бы вознаградить его труд, а также деятельность, которая, благодаря расходованию этих тысяч франков, распространилась бы вокруг нее.

На первый взгляд может показаться, что это какая-то компенсация. То, что произошло в деревне, теперь происходит в Меце, вот и все. Но потери следует оценивать следующим образом: В деревне человек копал и работал; он был рабочим. В Меце он поворачивает то

направо, то налево ; он солдат. Деньги и способ обращения в обоих случаях одинаковы; но в одном случае было триста дней производительного труда, в другом - триста дней непроизводительного труда, при условии, конечно, что часть армии не является необходимой для общественной безопасности.

Теперь предположим, что расформирование состоится. Вы говорите мне, что будет избыток в сто тысяч рабочих, что конкуренция будет стимулироваться, и это снизит уровень заработной платы. Это то, что вы видите.

Но вот чего вы не видите, так это этого. Вы не понимаете, что уволить сто тысяч солдат - это не значит расстаться с миллионом денег, а вернуть их налогоплательщикам. Вы не видите, что выставить на рынок сто тысяч рабочих - значит в тот же момент выбросить на него сто миллионов денег, необходимых для оплаты их труда; что, следовательно, тот же самый акт, который увеличивает предложение рабочих рук, увеличивает и спрос; из чего следует, что ваши опасения по поводу снижения заработной платы необоснованны. Вы не видите, что как до расформирования, так и после него в стране насчитывается сто миллионов денег, соответствующих ста тысячам человек. Что вся разница заключается в следующем: до расформирования страна дала сто миллионов ста тысячам человек за то, что они ничего не делали; и что после этого она платит им ту же сумму за работу. Короче говоря, вы не видите, что когда налогоплательщик дает свои деньги либо солдату в обмен на ничто, либо рабочему в обмен на что-то, все конечные последствия обращения этих денег в обоих случаях одинаковы; только во втором случае налогоплательщик что-то получает, в первом он не получает ничего. В результате - огромная потеря для нации.

Софизм, с которым я здесь борюсь, не выдержит испытания прогрессом, который является пробным камнем принципов. Если, когда будут выплачены все компенсации и удовлетворены все интересы, увеличение армии принесет *национальную выгоду*, почему бы не привлечь под ее знамена все мужское население страны?

III.-Налоги.

Вам никогда не доводилось слышать фразу: "Нет лучшей инвестиции, чем налоги. Только посмотрите, какое количество семей он содержит, и подумайте, как это отражается на промышленности: это неиссякаемый поток, это сама жизнь".

Чтобы опровергнуть эту доктрину, я должен сослаться на свое предыдущее опровержение. Политическая экономия достаточно хорошо знала, что ее аргументы не настолько забавны, чтобы о них можно было сказать: *пожалуйста, повторения*. Поэтому она использовала поговорку по своему усмотрению, будучи твердо убежденной, что в ее устах *повторения учат*.

Преимущества, о которых говорят официальные лица, - это *те, которые видны*. Выгода, которую получают поставщики услуг, *по-прежнему остается видимой*. Это ослепляет всех.

Но недостатки, от которых налогоплательщикам приходится избавляться, - это *те, которые не замечаются*. И ущерб, который это наносит поставщикам услуг, по-прежнему остается *невидимым*, хотя это должно быть самоочевидно.

Когда чиновник тратит для своей собственной прибыли лишние сто су, это означает, что налогоплательщик тратит для своей прибыли на сто су меньше. Но расходы чиновника *видны*,

потому что совершается действие, в то время как расходы налогоплательщика *не видны*, потому что, увы! ему мешают это сделать.

Вы сравниваете нацию, возможно, с выжженным участком земли, а налог - с оплодотворяющим дождем. Да будет так. Но вы также должны спросить себя, где источники этого дождя и не является ли сам налог тем, что забирает влагу из земли и иссушает ее?

Опять же, вам следует спросить себя, возможно ли, что почва может получать столько же этой драгоценной воды с дождем, сколько теряет при испарении?

Совершенно точно известно одно: когда Джеймс Б. отсчитывает сборщику налогов сто су, он ничего не получает взамен. Впоследствии, когда чиновник тратит эти сто су и возвращает их Джеймсу Б., это делается за равную стоимость в виде зерна или рабочей силы. Окончательный результат - проигрыш Джеймсу Б. пяти франков.

Совершенно верно, что часто, возможно, очень часто, чиновник оказывает Джеймсу Б. равноценную услугу. В этом случае нет потерь ни с одной из сторон; происходит просто обмен. Следовательно, мои аргументы совершенно не применимы к полезным функционерам. Все, что я говорю, - если вы хотите создать офис, докажите его полезность. Покажите, что ее ценность для Джеймса Б. по тем услугам, которые она ему оказывает, равна тому, во что она ему обходится. Но, помимо этой внутренней полезности, не приводите в качестве аргумента пользу, которую это приносит чиновнику, его семье и его кормильцам; не утверждайте, что это поощряет труд.

Когда Джеймс Б. дает сто су государственному служащему за действительно полезную услугу, это в точности то же самое, что когда он дает сто су сапожнику за пару ботинок.

Но когда Джеймс Б. дает сто су правительственному чиновнику и не получает за них ничего, кроме неприятностей, он с таким же успехом мог бы отдать их вору. Бессмысленно говорить, что государственный служащий потратит эти сто су с большой пользой для *национального труда*; вор сделал бы то же самое; и то же самое сделал бы Джеймс Б., если бы его не остановили на дороге ни незаконный паразит, ни законный тунеядец.

Давайте же приучим себя не судить о вещах только *потому, что* видно, а судить о них по *тому, чего не видно*.

В прошлом году я был в Комитете по финансам, поскольку в рамках избирательного округа представители оппозиции не были систематически исключены из всех комиссий: в этом избирательный округ действовал мудро. Мы слышали, как г-н Тьер говорил: "Я провел свою жизнь в противостоянии партии легитимистов и партии священников. С тех пор как общая опасность свела нас вместе, теперь, когда я общаюсь с ними и знаю их, и теперь, когда мы разговариваем лицом к лицу, я обнаружил, что они не такие монстры, какими я привык их представлять".

Да, недоверие преувеличено, ненависть разжигается между партиями, которые никогда не смешиваются; и если бы большинство позволило меньшинству присутствовать в Комиссиях, возможно, обнаружилось бы, что идеи разных сторон не так уж далеки друг от друга; и, прежде всего, что их намерения не столь порочны, как предполагается. Однако в прошлом году я был членом Финансового комитета. Каждый раз, когда кто-нибудь из наших коллег заговаривал о

том, чтобы установить умеренный размер содержания президента Республики, министров и послов, на это отвечали:

"Для пользы службы необходимо окружать определенные должности великолепием и достоинством, чтобы привлекать на них достойных людей. Огромное количество несчастных людей обращаются с просьбами к президенту Республики, и это поставило бы его в очень болезненное положение, если бы он был вынужден постоянно отказывать им. Определенный стиль в министерских салонах - часть механизма конституционного правления".

Хотя такие аргументы могут быть оспорены, они, безусловно, заслуживают серьезного рассмотрения. Они основаны на общественных интересах, независимо от того, правильно они оцениваются или нет; и что касается меня, я отношусь к ним с гораздо большим уважением, чем многие из наших Катонов, которыми движет узкий дух скупости или ревности.

Но что возмущает экономическую часть моей совести и заставляет меня краснеть за интеллектуальные ресурсы моей страны, так это когда выдвигается этот абсурдный пережиток феодализма, что происходит постоянно, и к тому же его благосклонно принимают:

Кроме того, роскошь великих государственных чиновников поощряет искусство, промышленность и труд. Глава государства и его министры не могут устраивать банкеты и званые вечера без того, чтобы жизнь не циркулировала по всем венам общественного организма. Сокращение их средств привело бы к голоду парижскую промышленность, а следовательно, и всю нацию".

Я должен просить вас, джентльмены, уделять хотя бы немного внимания арифметике и не говорить перед Национальным собранием Франции, чтобы оно, к своему стыду, не согласилось с вами, что сложение дает разную сумму в зависимости от того, суммируется ли она снизу вверх или сверху вниз в колонке.

Например, я хочу договориться с осушителем о том, чтобы он вырыл траншею на моем поле за сто су. Как только мы заключили наше соглашение, приходит сборщик налогов, берет мои сто су и отправляет их министру внутренних дел; моя сделка расторгнута, но министр добавит к своему столу еще одно блюдо. На каком основании вы осмеливаетесь утверждать, что эти официальные расходы помогают национальной промышленности? Разве вы не видите, что в этом есть только обратная сторона удовлетворения и труда? У министра лучше накрыт стол, это правда; но так же верно и то, что у земледельца хуже осушено его поле. Я признаю, что парижский трактирщик заработал сто су, но тогда вы должны признать, что разлищику не дали заработать пять франков. Все сводится к тому, что удовлетворенный чиновник и трактирщик - это *то, что видно*; неубранное поле и лишенный работы ассенизатор - это *то, чего не видно*. Боже мой! сколько хлопот в доказательстве того, что дважды два равно четырем; и если вам удастся это доказать, говорят, что "это настолько просто, что это довольно утомительно", и голосуют так, как будто вы вообще ничего не доказали.

IV.-Театры, изобразительное искусство.

Должно ли государство поддерживать искусство?

Безусловно, можно многое сказать по обеим сторонам этого вопроса. В пользу системы голосования можно сказать, что искусства расширяют, возвышают и гармонизируют душу

нации; что они отвлекают ее от чрезмерной поглощенности материальными занятиями; поощряют в ней любовь к прекрасному; и таким образом благоприятно влияют на ее манеры, обычаи, мораль и даже на ее трудолюбие. Можно спросить, что стало бы с музыкой во Франции без ее итальянского театра и консерватории; с драматическим искусством - без ее Французского театра; с живописью и скульптурой - без наших коллекций, галерей и музеев? Можно даже спросить, был ли бы развит тот изысканный вкус, который является благородным придатком французского труда и который знакомит со своей продукцией весь мир, без централизации и, следовательно, поддержки изящных искусств? Перед лицом таких результатов не было бы верхом неосторожности отказываться от этого умеренного вклада всех ее граждан, которые, по сути, в глазах Европы осознают свое превосходство и свою славу?

Этим и многим другим причинам, силу которых я не оспариваю, можно противопоставить аргументы не менее веские. Прежде всего, можно сказать, что здесь речь идет о справедливости распределения. Распространяется ли право законодателя на сокращение заработной платы ремесленника ради увеличения прибыли художника? М. Ламартин сказал: "Если вы перестанете поддерживать театр, на чем вы остановитесь? Не приведут ли вас к тому, что вы перестанете оказывать поддержку своим колледжам, музеям, институтам и библиотекам? На этот вопрос можно ответить так: если вы хотите поддерживать все хорошее и полезное, на чем вы остановитесь? Разве вам не придется составить гражданский список для сельского хозяйства, промышленности, торговли, благотворительности, образования? Тогда точно ли государственная помощь способствует прогрессу искусства? Этот вопрос далек от решения, и мы очень хорошо видим, что процветают те театры, которые зависят от своих собственных ресурсов. Более того, если мы перейдем к более высоким соображениям, мы можем заметить, что нужды и вожделения проистекают одно из другого и берут начало в регионах, которые становятся все более и более утонченными по мере того, как общественное богатство позволяет их удовлетворять; что правительству не следовало бы участвовать в этом соответствии, потому что при известных условиях нынешнего состояния оно не могло бы путем налогообложения стимулировать искусства необходимости, не сдерживая искусства роскоши, и таким образом нарушая естественный ход цивилизации. Я могу заметить, что эти искусственные изменения потребностей, вкусов, труда и численности населения ставят людей в шаткое и опасное положение без какой-либо прочной основы".

Таковы некоторые из причин, на которые ссылаются противники государственного вмешательства в то, что касается порядка, в котором граждане считают, что их желания должны быть удовлетворены и на который, следовательно, должна быть направлена их деятельность. Признаюсь, я один из тех, кто считает, что выбор и побуждение должны исходить снизу, а не сверху, от гражданина, а не от законодателя; и противоположная доктрина, как мне кажется, ведет к уничтожению свободы и человеческого достоинства.

Но знаете ли вы, в чем обвиняют экономистов, исходя из столь же ложного, сколь и несправедливого вывода? Дело в том, что, когда мы не одобряем государственную поддержку, предполагается, что мы не одобряем саму вещь, о поддержке которой идет речь; и быть врагами любого вида деятельности, потому что мы желаем видеть эту деятельность, с одной стороны, бесплатной, а с другой - ищущей свое собственное вознаграждение в себе. Таким образом, если мы думаем, что государство не должно вмешиваться путем налогообложения в религиозные дела, мы атеисты. Если мы думаем, что государство не должно вмешиваться путем налогообложения в образование, мы враждебны знаниям. Если мы говорим, что государство не

должно путем налогообложения придавать фиктивную стоимость земле или какой-либо конкретной отрасли промышленности, мы являемся врагами собственности и труда. Если мы считаем, что государство не должно поддерживать художников, то мы варвары, которые считают искусство бесполезным.

Против подобных выводов я протестую изо всех сил. Далекие от абсурдной идеи покончить с религией, образованием, собственностью, трудом и искусствами, когда мы говорим, что государство должно защищать свободное развитие всех этих видов человеческой деятельности, не помогая одним из них за счет других, мы думаем, напротив, что все эти живые силы общества развивались бы более гармонично под влиянием свободы; и что при таком влиянии ни одна из них не была бы, как это происходит сейчас, источником беспокойства, злоупотреблений, тирании и беспорядка.

Наши противники считают, что деятельность, которой не помогают поставки и которая не регулируется правительством, является деятельностью, которая уничтожена. Мы думаем как раз наоборот. Их вера в законодателя, а не в человечество; наша вера в человечество, а не в законодателя.

Так, г-н Ламартин сказал: "Исходя из этого принципа, мы должны отменить публичные выставки, которые являются честью и богатством этой страны". Но я бы сказал господину Ламартину: согласно вашему образу мышления, не поддерживать - значит упразднить; потому что, исходя из максимы, что ничто не существует независимо от воли государства, вы заключаете, что ничто не живет, кроме того, что государство заставляет жить. Но я возражаю против этого утверждения тем самым примером, который вы выбрали, и прошу вас заметить, что самая грандиозная и благородная из выставок, та, которая была задумана в самом либеральном и универсальном духе - и я мог бы даже использовать термин "гуманистический", поскольку это не преувеличение, - это выставка, которая сейчас готовится в Лондоне; единственная, в которой правительство не принимает никакого участия и за которую не взимается никаких налогов.

Вернемся к изобразительному искусству. Повторяю, можно привести множество веских доводов как за, так и против системы государственной помощи. Читатель должен видеть, что особая цель этой работы не побуждает меня ни объяснять эти причины, ни принимать решения в их пользу или против них.

Но г-н Ламартин выдвинул один аргумент, который я не могу обойти молчанием, поскольку он тесно связан с этим экономическим исследованием. "Экономический вопрос, касающийся театров, заключен в одном слове - труд. Природа этого труда не имеет большого значения; это такой же плодотворный труд, как и любой другой вид труда в стране. Театры во Франции, как вы знаете, кормят и получают зарплату не менее чем 80 000 рабочих различных профессий: художников, каменщиков, декораторов, костюмеров, архитекторов и т. Д., Которые составляют саму жизнь и движение нескольких частей этой столицы, и по этой причине они должны вызывать ваше сочувствие". Ваши соболезнования! скажите лучше о ваших деньгах.

И далее он говорит: "Удовольствия Парижа - это труд и потребление провинций, а роскошь богатых - это заработная плата и хлеб 200 000 рабочих всех мастей, которые живут за счет разнообразной театральной индустрии на территории республики и которые получают от этих благородных удовольствий, которые делают Францию прославленной, средства к существованию для своей жизни и предметы первой необходимости для своих семей и детей.

Именно им вы отдадите 60 000 франков". (Очень хорошо, очень хорошо. Бурные аплодисменты.) Со своей стороны, я вынужден сказать: "Очень плохо! очень плохо!", ограничивая это мнение, конечно, рамками экономического вопроса, который мы обсуждаем.

Да, по крайней мере, часть этих 60 000 франков пойдет рабочим театров; возможно, по пути удастся получить несколько взяток. Возможно, если бы мы чуть внимательнее вникли в это дело, то обнаружили бы, что пирог испекся другим способом и что тем рабочим повезло, что они пришли за несколькими крошками. Но я допускаю, ради аргументации, что вся сумма действительно пойдет художникам, декораторам и т.д.

Это то, что видно. Но откуда это берется? Это другая сторона вопроса, не менее важная, чем первая. Откуда взялись эти 60 000 франков? и куда бы они пошли, если бы голосование законодательного собрания не направило их сначала на улицу Риволи, а оттуда на улицу Гренель? *Это то, чего не видно.* Конечно, никому не придет в голову утверждать, что голосование в законодательном органе привело к появлению этой суммы в урне для голосования; что это чистое добавление к национальному богатству; что если бы не это чудесное голосование, эти 60 000 франков навсегда остались бы невидимыми и неосвязаемыми. Следует признать, что все, что может сделать большинство, - это решить, что их следует забрать из одного места и отправить в другое; и если они выбирают одно направление, то это только потому, что их отклонили от другого.

В таком случае ясно, что налогоплательщик, внесший один франк, больше не будет иметь этого франка в своем собственном распоряжении. Ясно, что он будет лишен некоторого вознаграждения в размере одного франка; и что рабочий, кем бы он ни был, который получил бы его от него, будет лишен пособия в размере этой суммы. Поэтому давайте не будем поддаваться детской иллюзии, полагая, что голосование 60 000 франков может что-либо добавить к благосостоянию страны и к национальному труду. Это вытесняет удовольствия, это меняет размер заработной платы - вот и все.

Скажут ли, что один вид удовлетворения и один вид труда заменяет более неотложные, более моральные, более разумные вознаграждения и труд? Я мог бы оспорить это; я мог бы сказать, что, забирая 60 000 франков у налогоплательщиков, вы уменьшаете заработную плату чернорабочих, столяров, плотников, кузнецов и пропорционально увеличиваете заработную плату певцов.

Ничто не доказывает, что этот последний класс требует большего сочувствия, чем первый. М. Ламартин не говорит, что это так. Он сам говорит, что труд в театрах *столь же плодovit, как любой другой* (не более); и в этом можно усомниться; ибо лучшее доказательство того, что последний не так плодovit, как первый, заключается в том, что для оказания ему помощи следует призвать другого.

Но это сравнение ценности и внутренних достоинств различных видов труда не входит в сферу моей настоящей темы. Все, что я должен здесь сделать, это показать, что если м. Ламартин и те люди, которые одобряют его аргументацию, видели, с одной стороны, заработную плату, получаемую *провайдерами* комедиантов, то, с другой стороны, они должны были видеть заработную плату, потерянную *провайдерами* налогоплательщиков: из-за отсутствия этого они выставили себя на посмешище, приняв *смещение* за *выигрыш*. Если бы они были верны своей доктрине, их требованиям государственной помощи не было бы пределов; ибо то, что верно в

отношении одного франка и 60 000 франков, верно при аналогичных обстоятельствах и в отношении ста миллионов франков.

Когда налоги становятся предметом обсуждения, вы должны доказывать их полезность доводами, исходящими из сути дела, а не этим неудачным утверждением - "Государственные расходы поддерживают рабочий класс". Это утверждение скрывает важный факт, что *общественные расходы всегда превосходят частные расходы*, и что поэтому мы приносим средства к существованию одному рабочему, а не другому, но ничего не добавляем к доле рабочего класса в целом. Ваши аргументы достаточно модны, но они слишком абсурдны, чтобы быть оправданными чем-либо вроде разума.

V.-Общественные работы.

Нет ничего более естественного, чем то, что нация, убедившись в том, что предприятие принесет пользу обществу, должна провести его реализацию посредством общей оценки. Но, признаюсь, я теряю терпение, когда слышу эту экономическую ошибку, выдвигаемую в поддержку такого проекта: "Кроме того, это будет средством создания рабочей силы для рабочих".

Государство открывает дорогу, строит дворец, выпрямляет улицу, прокладывает канал и, таким образом, дает работу определенным рабочим - *это то, что видно*; но оно лишает работы некоторых других рабочих - и это то, чего *не видно*.

Путь начат. Тысяча рабочих приходят каждое утро, уходят каждый вечер и забирают свою зарплату - это несомненно. Если бы дорога не была проложена, если бы за поставки не проголосовали, у этих хороших людей не было бы там ни работы, ни зарплаты; это тоже несомненно.

Но разве это все? Разве операция в целом не содержит чего-то еще? В тот момент, когда мсье Дюпен произносит выразительные слова "Ассамблея приняла", спускаются ли миллионы чудесным образом на лунном луче в казну ММ? Фулд и Бино? Для того, чтобы эволюция могла быть полной, как говорится, не должно ли государство организовывать поступления так же, как и расходы? разве оно не должно заставить своих сборщиков налогов и неплательщиков работать: первых собирать, а вторых платить?

Теперь изучите вопрос с обеих сторон. В то время как вы указываете пункт назначения, данный государством миллионам проголосовавших, не забудьте указать также пункт назначения, который налогоплательщик дал бы, но не может сейчас дать, тому же самому. Тогда вы поймете, что государственное предприятие - это монета с двумя сторонами. На одном выгравирован рабочий за работой, с помощью этого устройства, *то, что видно*; на другом - рабочий без работы, с устройством, *то, чего не видно*.

Софизм, который призвана опровергнуть эта работа, тем более опасен, когда применяется к общественным работам, поскольку он служит оправданием самых бессмысленных предприятий и расточительности. Когда железная дорога или мост действительно полезны, достаточно упомянуть об этой полезности. Но если ее не существует, что они делают? Приходится прибегать к этой мистификации: "Мы должны найти работу для рабочих".

Соответственно, отдан приказ о прокладке и демонтаже дренажных систем на Марсовом поле. Говорят, великий Наполеон думал, что совершает очень благотворительную работу, приказывая делать каналы, а затем засыпать их. Поэтому он сказал: "Что означает результат? Все, чего мы хотим, - это видеть, как богатство распределяется между трудящимися классами".

Но давайте перейдем к сути дела. Нас обманывают деньги. Требовать сотрудничества всех граждан в общем труде в денежной форме - это в действительности значит требовать согласия в натуральной форме, ибо каждый добывает своим собственным трудом сумму, на которую он облагается налогом. Теперь, если бы всех граждан созвали вместе и заставили совместно выполнять полезную для всех работу, это было бы легко понять; их награда заключалась бы в результатах самой работы.

Но после того, как вы собрали их вместе, если вы заставите их строить дороги, по которым никто не пройдет, дворцы, в которых никто не будет жить, и это под предлогом поиска им работы, это было бы абсурдно, и они имели бы право возразить: "С этим трудом мы ничего не имеем общего; мы предпочитаем работать за свой счет".

Процедура, заключающаяся в том, чтобы заставить граждан сотрудничать в предоставлении денег, но не рабочей силы, никоим образом не меняет общих результатов. Единственное, что потеря отразится на всех сторонах. Согласно первому, те, кого нанимает государство, избегают своей доли потерь, добавляя ее к той, которую уже понесли их сограждане.

В нашей конституции есть статья, которая гласит: "Общество одобряет и поощряет развитие труда путем учреждения общественных работ государством, департаментами и приходами как средства трудоустройства лиц, нуждающихся в работе".

В качестве временной меры, при любой чрезвычайной ситуации, во время суровой зимы, это вмешательство в деятельность налогоплательщиков может иметь свое применение. Оно действует так же, как ценные бумаги. Это ничего не добавляет ни к труду, ни к заработной плате, но отнимает труд и заработную плату из обычных времен, чтобы отдать их, правда, в убыток, в трудные времена.

Как постоянная, общая, систематическая мера, это не что иное, как губительная мистификация, невозможность, которая показывает небольшую возбужденную работу, *которая видна*, и скрывает большую часть предотвращенной работы, *которая не видна*.

VI.-Промежуточные продукты.

Общество - это совокупность принудительных или добровольных услуг, которые люди оказывают друг другу; то есть *общественных услуг и частных услуг*.

Первые, навязываемые и регулируемые законом, который не всегда легко изменить, даже когда это желательно, могут сохранить свою полезность и по-прежнему называться *общественными услугами*, даже если они больше не являются услугами вообще, а скорее *общественным раздражением*. Последнее относится к сфере воли, индивидуальной ответственности. Каждый дает и получает то, что он желает, и то, что он может, после обсуждения. Они всегда предполагают реальную полезность в точной пропорции к их сравнительной ценности.

Именно по этой причине первое описание услуг так часто становится стационарным, в то время как второе подчиняется закону прогресса.

В то время как чрезмерное развитие общественных служб из-за связанной с этим растраты сил навязывает обществу пагубное подхалимство, удивительно, что несколько современных сект, приписывающих этот характер бесплатным и частным услугам, пытаются превратить профессии в функции.

Эти секты яростно выступают против того, что они называют промежуточными звеньями. Они с радостью подавили бы капиталиста, банкира, спекулянта, прожектера, коммерсанта и торговку, обвинив их во вмешательстве между производством и потреблением, в вымогательстве у обоих, не давая ни тому, ни другому ничего взамен. Или, скорее, они передали бы государству работу, которую они выполняют, ибо эта работа не может быть подавлена.

Софизм социалистов по этому вопросу заключается в том, что они показывают общественности, сколько она платит посредникам в обмен на их услуги, и скрывают от нее, сколько необходимо заплатить государству. Здесь обычный конфликт между тем, что находится перед нашими глазами, и тем, что воспринимается только умом; между *тем, что видно*, и *тем, чего не видно*.

Именно во времена дефицита, в 1847 году, социалистические школы попытались и преуспели в популяризации своей роковой теории. Они очень хорошо знали, что у страдающих людей всегда есть шанс на самые абсурдные идеи; *малисунда сожалеет*.

Поэтому с помощью прекрасных слов "торговля людьми мужчинами, спекуляция на голоде, монополия" они начали очернять торговлю и прикрывать ее выгоды.

"Какой смысл, - говорят они, - оставлять торговцам заботу об импорте продовольствия из Соединенных Штатов и Крыма?" Почему государство, департаменты и города не организуют службу доставки провизии и журнал для магазинов? Они продавались бы по *повозвратной цене*, и люди, бедняжки, были бы освобождены от дани, которую они платят свободной, то есть эгоистичной, индивидуальной и анархической торговле".

Дань, которую люди платят торговле, - это *то, что видно*. Дань, которую люди платили бы государству или его агентам в социалистической системе, - *это то, чего не видно*.

В чем состоит эта мнимая дань, которую народ платит торговле? В этом: двое мужчин оказывают друг другу взаимную услугу при полной свободе и под давлением конкуренции и сниженных цен.

Когда голодный желудок находится в Париже, а кукуруза, которая может его утолить, находится в Одессе, страдания не прекратятся, пока кукуруза не соприкоснется с желудком. Есть три способа, с помощью которых может быть осуществлен этот контакт. 1. Умиравшие от голода люди могут сами пойти за зерном. 2. Они могут предоставить эту задачу тем, к чьему ремеслу это относится. 3. Они могут объединиться и передать ответственные должности государственным чиновникам. Какой из этих трех методов обладает наибольшими преимуществами? Во все времена, во всех странах, и более свободный, просвещенный, опытный и они, люди *добровольно* выбрали второе. Я признаю, что, на мой взгляд, этого достаточно, чтобы оправдать этот выбор. Я не могу поверить, что человечество в целом обманывает себя в вопросе, который касается его так близко. Но давайте теперь рассмотрим этот предмет.

Для тридцати шести миллионов граждан поехать за кукурузой, которую они хотят получить в Одессе, является очевидной невозможностью. Таким образом, первое средство пропадает даром. Потребители не могут действовать самостоятельно. Они должны, при необходимости, прибегать к *посредникам*, должностным лицам или агентам.

Но заметьте, что первое из этих трех средств было бы наиболее естественным. В действительности голодный человек должен сам добывать свое зерно. Это задача, которая касается его самого, услуга, которую он должен оказать себе. Если другое лицо, на каком бы основании оно ни оказало ему эту услугу, берет эту задачу на себя, это последнее имеет к нему право на компенсацию. Я хочу этим сказать, что промежуточные звенья содержат в себе принцип вознаграждения.

Как бы то ни было, поскольку мы должны ссылаться на то, что социалисты называют паразитом, я хотел бы спросить, кто из двух наиболее требовательный паразит - торговец или чиновник?

Коммерция (разумеется, бесплатная, иначе я не смог бы рассуждать об этом), коммерция, говорю я, руководствуется собственными интересами: изучает времена года, ежедневно сообщает о состоянии посевов, получает информацию со всех уголков земного шара, предвидит потребности, заранее принимает меры предосторожности. У него всегда наготове суда, повсюду корреспонденты; и в его непосредственных интересах покупать по как можно более низкой цене, экономить на всех деталях своих операций и достигать наибольших результатов наименьшими усилиями. Не только французские торговцы заняты закупкой провизии для Франции в трудную минуту, и если их интерес непреодолимо побуждает их выполнять свою задачу с наименьшими возможными затратами, то конкуренция, которую они создают друг между другом, не менее непреодолимо побуждает их заставлять потребителей пользоваться прибылью от этих реализованных сбережений. Поступает зерно: в интересах коммерции продать его как можно скорее, чтобы избежать рисков, реализовать свои средства и начать все сначала при первой возможности.

Направленный сравнением цен, он распределяет продукты питания по всей территории страны, начиная всегда с самой высокой цены, то есть там, где спрос наибольший. Невозможно представить себе организацию, более полно отвечающую интересам тех, кто находится в нужде; и красота этой организации, какой бы она не была замечена социалистами, проистекает из самого факта, что она свободна. Это правда, потребитель обязан возмещать коммерции расходы на транспортировку, фрахт, складское помещение, комиссионные и т.д.; но можно ли изобрести какую-либо систему, при которой тот, кто ест кукурузу, не обязан покрывать расходы, какими бы они ни были, на доставку ее в пределах его досягаемости? Вознаграждение за оказанную услугу также должно быть выплачено; но что касается его размера, то он сокращается до минимально возможной суммы в результате конкуренции; а что касается его справедливости, было бы очень странно, если бы парижские ремесленники не работали на марсельских ремесленников, когда марсельские торговцы работают на парижских ремесленников.

Если бы, согласно социалистическому изобретению, государство заменило торговлю, что бы произошло? Я хотел бы знать, в чем заключалась бы экономия для общества? Войдет ли это в стоимость покупки? Представьте делегатов из 40 000 приходов, прибывающих в Одессу в определенный день и в день нужды: представьте, как это повлияет на цены. Будет ли экономия в расходах? Потребовалось бы меньше судов; меньше матросов, меньше транспортов, меньше

шлюпов? или вы были бы освобождены от уплаты всего этого? Это было бы в прибыли торговцев? Поехали бы ваши чиновники в Одессу просто так? Они бы путешествовали и работали по принципу братства? Разве они не должны жить? Разве им не нужно платить за их время? И верите ли вы, что эти расходы не превысят в тысячу раз тех двух-трех процентов, которые получает торговец при той ставке, по которой он готов платить?

А затем подумайте о трудности взимания такого большого количества налогов и распределения такого количества продовольствия. Подумайте о несправедливости, о злоупотреблениях, неотделимых от такого предприятия. Подумайте об ответственности, которая ляжет на правительство.

Социалисты, которые изобрели эти безумства и которые в дни бедствий внедрились в умы масс, буквально присваивают себе звание *передовых людей*; и не без некоторой опасности, что обычай, этот тиран языков, санкционирует этот термин и чувства, которые он включает. *Продвинутый!* Это предполагает, что эти джентльмены могут видеть дальше, чем простые люди; что их единственная вина заключается в том, что они слишком опережают свой возраст; и если еще не пришло время подавлять определенные бесплатные услуги, мнимых паразитов, то вина должна быть возложена на общественность, которая находится в тылу социализма. Я говорю от всей души и по совести, что истиной является обратное; и я не знаю, к какой варварской эпохе нам пришлось бы вернуться, если бы мы хотели достичь уровня социалистических знаний по этому вопросу. Эти современные сектанты постоянно противопоставляют ассоциацию реальному обществу. Они упускают из виду тот факт, что общество при свободном регулировании является истинным объединением, намного превосходящим любое из тех, которые возникают в их богатом воображении.

Позвольте мне проиллюстрировать это на примере. Перед взаимными услугами и для того, чтобы помогать друг другу в достижении общей цели, и чтобы все они могли рассматриваться, по отношению к другим, как *посредники*. Если, например, в ходе операции транспортировка становится достаточно важной, чтобы занимать одного человека, прядание - другого, ткачество - третьего, почему первого следует считать *паразитом* в большей степени, чем двух других? Перевозка должна быть произведена, не так ли? Разве тот, кто ее выполняет, не посвящает ей свое время и хлопоты? и, поступая таким образом, не щадит своих коллег? Делают ли они для него нечто большее или иное? Разве вознаграждение, то есть разделение продукта, не зависит в равной степени от закона пониженной цены? Разве не при всей свободе, для общего блага, происходит такое разделение работы и заключаются такие соглашения? Что же тогда нам нужно от социалиста, который под предлогом организации для нас деспотично приходит, чтобы разрушить наши добровольные договоренности, ограничить разделение труда, заменить изолированные усилия объединенными и вернуть цивилизацию назад? Является ли ассоциация, как я ее здесь описываю, сама по себе меньшей ассоциацией, потому что каждый входит в нее и выходит из нее свободно, выбирает в ней свое место, судит и договаривается сам за себя под свою собственную ответственность и приносит с собой источник и гарантию личной заинтересованности? Чтобы это могло заслужить такое название, необходимо ли, чтобы мнимый реформатор пришел и навязал нам свой план и свою волю и, так сказать, сосредоточил человечество в себе?

Чем больше мы изучаем эти *передовые школы*, тем больше убеждаемся, что в основе их лежит только одно: невежество, провозглашающее себя непогрешимым и претендующее на деспотизм во имя этой непогрешимости.

Я надеюсь, читатель простит это отступление. Возможно, это не совсем бесполезно в то время, когда декламации, заимствованные из книг Сен-Симониана, фаланстера и Икаррия, вызывают к прессе и "трибюн" и серьезно угрожают свободе труда и коммерческим сделкам.

VII.--Ограничения.

Месье Прогибан (это имя дал ему не я, а месье Шарль Дюпен) посвятил свое время и капитал переработке руды, найденной на его земле, в железо. Поскольку природа была более щедра к бельгийцам, они поставляли французам железо дешевле, чем г-н Прогибан; это означает, что все французы или Франция могли получить данное количество железа с меньшими затратами труда, покупая его у честных фламандцев. Поэтому, руководствуясь своими собственными интересами, они не преминули это сделать; и каждый день можно было видеть множество гвоздарей, кузнецов, плотников, машинистов, кузнечих и чернорабочих, которые сами отправлялись или посылали посредников, чтобы снабдить себя в Бельгии. Это чрезвычайно рассердило месье Прогибанта.

Сначала ему пришло в голову положить конец этому насилию своими собственными усилиями: это было меньшее, что он мог сделать, потому что он был единственным страдальцем. "Я возьму свой карабин, - сказал он, - я засуну за пояс четыре пистолета, я наполню патронташ, я опояшусь саблей и отправлюсь в таком снаряжении к границе. Там я убью первого кузнеца, гвоздаря, кузнеца, машиниста или слесаря, который явится заниматься своим делом, а не моим, чтобы научить его жить". В момент старта месье Прогибан высказал несколько размышлений, которые немного успокоили его воинственный пыл. Он сказал себе: "Во-первых, не совсем исключено, что покупатели железа, мои соотечественники и враги, воспримут это плохо и, вместо того чтобы позволить мне убить их, убьют меня; и тогда, даже если бы я позвал всех своих слуг, мы не смогли бы защитить проходы. Короче говоря, это разбирательство обошлось бы мне очень дорого, гораздо дороже, чем того стоил бы результат".

Месье Прогибан был уже готов смириться со своей печальной участью быть таким же свободным, как и весь остальной мир, когда луч света озарил его мозг. Он вспомнил, что в Париже находится огромная фабрика законов. "Что такое закон?" - спросил он себя. "Это мера, которой, когда однажды она будет принята, будь то хорошая или плохая, все обязаны подчиниться. Для выполнения того же самого организуется общественная сила, и для создания указанной общественной силы привлекаются люди и деньги со всей нации. Если бы, таким образом, я только мог заставить крупную парижскую мануфактуру принять небольшой закон "Бельгийское железо запрещено", я бы добился следующих результатов: Правительство заменило бы нескольких камердинеров, которых я собирался отправить на границу, 20 000 сыновьями этих огнеупорных кузнецов, кузнечиков, ремесленников, машинистов, слесарей, гвоздильщиков и чернорабочих. Затем, чтобы сохранить здоровье и хорошее настроение этих 20 000 таможенников, оно распределило бы между ними 25 000 000 франков, взятых у этих кузнецов, гвоздильщиков, ремесленников и чернорабочих. Они бы гораздо лучше охраняли границу; мне бы это ничего не стоило; я бы не подвергался жестокости брокеров; продавал бы железо по своей цене и испытывал сладостное удовлетворение, видя, как наш великий народ позорно вводят в заблуждение. Это научило бы их постоянно провозглашать себя

предвестниками и промоутерами прогресса в Европе. О! это была бы отличная шутка, и она заслуживает того, чтобы ее попробовали ".

Итак, месье Прогибан обратился в юридическую мануфактуру. Возможно, в другой раз я расскажу историю его тайных операций, но сейчас я просто упомяну о его видимых действиях. Он вынес на рассмотрение джентльменов-законодателей следующее соображение.

- Бельгийское железо продается во Франции по цене десять франков, что обязывает меня продавать свое по той же цене. Я бы хотел продать за пятнадцать, но не могу этого сделать из-за этого бельгийского железа, которое, я бы хотел, было на дне Красного моря. Я умоляю вас издать закон, согласно которому бельгийское железо больше не попадет во Францию. Я немедленно повышаю свою цену на пять франков, и вот последствия:

"За каждую сотню килограммов железа, которые я буду поставлять населению, я буду получать пятнадцать франков вместо десяти; я быстрее разбогатею, расширю свой оборот и найму больше рабочих. Мои рабочие и я будем тратить гораздо свободнее, к великой выгоде наших торговцев на многие мили вокруг. Эти последние, имея больше обычаев, обеспечат больше занятости торговле, и активность с обеих сторон в стране возрастет. Эта счастливая монета, которую вы опустите в мой сейф, подобно камню, брошенному в озеро, породит бесконечное количество концентрических кругов".

Очарованные его речью, обрадованные тем, что с помощью законодательства так легко способствовать процветанию народа, законодатели проголосовали за ограничение. "Если говорить о труде и экономии, - говорили они, - то какая польза от этих болезненных средств увеличения национального богатства, когда все, что требуется для этой цели, - это декрет?"

И в самом деле, закон привел ко всем последствиям, о которых объявил м. Прогибант: единственное, он привел к другим, которых он не предвидел. Надо отдать ему справедливость, его рассуждения были не ложными, а лишь неполными. Стремясь получить привилегию, он принял во внимание те эффекты, *которые видны*, оставив на заднем плане те, *которые не видны*. Он указал только на двух персонажей, в то время как в этом деле замешаны трое. Мы должны дополнить это невольное или преднамеренное упущение.

Это правда, что монетка, направленная таким образом по закону в сейф м. Прогибана, выгодна ему и тем, чей труд это могло бы поощрить; и если бы этот Акт привел к падению монетки с Луны, эти положительные эффекты не были бы уравновешены каким-либо соответствующим злом. К несчастью, таинственная монета поступает не с Луны, а из кармана кузнеца, или гвоздаря, или каретника, или кузнеца, или чернорабочего, или корабельщика; одним словом, от Джеймса Б., который отдает ее сейчас, не получая ни на грош больше железа, чем когда он платил десять франков. Таким образом, мы можем с первого взгляда увидеть, что это очень сильно меняет положение дел; ибо совершенно очевидно, что *прибыль* М. Прогибанта *loss* Джеймса Б., и все, что М. Прогибант может сделать с помощью монеты для поощрения национального труда, Джеймс Б. мог бы сделать сам. Камень был брошен только в одну часть озера, потому что закон запретил бросать его в другую.

Следовательно, *то, что не видно*, заменяет *то, что видно*, и на этом этапе в качестве результата операции остается часть несправедливости, и, к сожалению, часть несправедливости, совершенной законом!

Это еще не все. Я уже говорил, что на заднем плане всегда остается третий человек. Теперь я должен вызвать его вперед, чтобы он рассказал нам *овторой потере* пяти франков. Тогда мы получим все результаты транзакции.

Джеймс Б. - обладатель пятнадцати франков, плодов своего труда. Теперь он свободен. Что он делает со своими пятнадцатью франками? Он покупает какую-нибудь модную вещь за десять франков и на эти деньги платит (или промежуточную плату за него) за сотню фунтов бельгийского железа. После этого у него остается пять франков. Он не выбрасывает их в реку, но (и *это, чего не видно*) он отдает их какому-нибудь торговцу в обмен на какое-нибудь удовольствие; книготорговцу, например, за "Рассуждения о всеобщей истории" Боссюэ.

Таким образом, что касается национального труда, то он поощряется в размере пятнадцати франков, а именно: - десять франков за парижский товар, пять франков за книготорговлю.

Что касается Джеймса Б., то он получает за свои пятнадцать франков два удовольствия, а именно:

1-й. Сотня килограммов железа.

2-й. Книга.

Указ вступает в силу. Как это влияет на состояние Джеймса Б.? Как это влияет на национальную рабочую силу?

Джеймс Б. платит каждый сантим из своих пяти франков г-ну Прогибану и, следовательно, лишен удовольствия от книги или какой-либо другой вещи равной ценности. Он теряет пять франков. Это следует признать; нельзя не признать, что, когда ограничение повышает цену вещей, потребитель теряет разницу.

Но тогда, как говорят, *национальный труд* выигрывает.

Нет, это не выигрыш, потому что с момента совершения Акта он поощряется не больше, чем раньше, в размере пятнадцати франков.

Единственное, что с момента принятия Закона пятнадцать франков Джеймса Б. идут на торговлю металлом, в то время как до его вступления в силу они были разделены между модисткой и книготорговцем.

Насилие, примененное М. Прогибантом на границе, или то, что он заставляет применять закон, может быть оценено совершенно по-разному с моральной точки зрения. Некоторые люди считают, что грабеж вполне оправдан, если только он санкционирован законом. Но лично я не могу представить ничего более отягчающего. Как бы то ни было, экономические результаты в обоих случаях одинаковы.

Смотрите на это как хотите; но если вы беспристрастны, вы увидите, что из законного или незаконного грабежа не может получиться ничего хорошего. Мы не отрицаем, что это приносит господину Прогибану, или его ремеслу, или, если угодно, национальной промышленности прибыль в пять франков. Но мы утверждаем, что это наносит два ущерба: один Джеймсу Б., который платит пятнадцать франков, тогда как в противном случае он заплатил бы десять; другой национальной промышленности, которая не получает разницы. Выберите один из этих

двух убытков и компенсируйте им ту прибыль, которую мы допускаем. Другой окажется не менее *безвозвратным убытком*. Вот мораль: отнимать силой - значит не производить, а разрушать. Воистину, если бы насильственный захват был производящим, наша страна была бы немного богаче, чем она есть.

VIII.--Машины.

"Проклятие машинам! С каждым годом их растущая мощь обрекает миллионы рабочих на нищету, лишая их работы, а следовательно, заработной платы и хлеба. Проклятие машинам!"

Этот крик поднят вульгарными предрассудками и отражен в журналах.

Но проклинать машины - значит проклинать дух человечества!

Меня озадачивает, как какой-либо человек может испытывать какое-либо удовлетворение от такой доктрины.

Ибо, если это правда, каковы ее неизбежные последствия? Что никакая деятельность, процветание, богатство или счастье невозможны ни для одного народа, за исключением тех, кто глуп и инертен, и кому Бог не даровал рокового дара знания, как думать, наблюдать, комбинировать, изобретать и достигать величайших результатов наименьшими средствами. Напротив, лохмотья, убогие хижины, бедность и истощение - неизбежный удел каждого народа, который ищет и находит в железе, огне, ветре, электричестве, магнетизме, законах химии и механики, одним словом, в силах природы помощь своим естественным силам. С таким же успехом мы могли бы сказать вслед за Руссо: "Каждый мыслящий человек - развратное животное".

Это еще не все. Если эта доктрина верна, поскольку все люди думают и изобретают, поскольку все, от начала до конца, и в каждый момент своего существования стремятся к сотрудничеству с силами природы и пытаются извлечь максимум пользы из малейшего, сокращая либо работу своих рук, либо свои расходы, чтобы получить максимально возможное удовлетворение при минимально возможном количестве труда, из этого должно следовать, как само собой разумеющееся, что все человечество движется к своему упадку из-за того же умственного стремления к прогрессу, которое мучает каждого из его членов.

Следовательно, статистика должна дать понять, что жители Ланкашира, покидая эту страну машин, ищут работу в Ирландии, где их никто не знает; а история показывает, что варварство омрачает эпохи цивилизации и что цивилизация сияет во времена невежества и варварства.

Очевидно, что в этой массе противоречий есть нечто такое, что вызывает у нас отвращение и заставляет подозревать, что проблема содержит в себе элемент решения, который недостаточно раскрыт.

Вот и вся тайна: за *видимым* скрывается нечто *невидимое*. Я постараюсь пролить на это свет. Демонстрация, которую я приведу, будет лишь повторением предыдущей, поскольку проблемы одни и те же.

У мужчин есть естественная склонность заключать самую выгодную сделку, какую только они могут, когда им не препятствует противодействующая сила; то есть им нравится получать за

свой труд как можно больше, независимо от того, получено ли преимущество *от иностранного производителя* или от умелого *производителя-механика*.

Теоретическое возражение, выдвигаемое против этой склонности, в обоих случаях одно и то же. В каждом случае ее упрекают в кажущемся бездействии, которое она вызывает в труде. Теперь именно доступный, а не бездействующий труд определяет это. И, следовательно, в обоих случаях ему противостоит одно и то же практическое препятствие - сила.

Законодатель запрещает иностранную конкуренцию и запрещает механическую конкуренцию. Ибо какое другое средство может существовать для пресечения склонности, естественной для всех людей, кроме лишения их свободы?

Во многих странах, правда, законодатель наносит удар только по одному из этих соревнований и ограничивается ворчанием по поводу другого. Это доказывает только одно, а именно, что законодатель непоследователен.

Нам не нужно этому удивляться. На ложном пути непоследовательность неизбежна; если бы это было не так, человечество было бы принесено в жертву. Ложный принцип никогда не был и никогда не будет реализован до конца.

Теперь перейдем к нашей демонстрации, которая не будет долгой.

УДжеймса Б. было два франка, которые он заработал с помощью двух рабочих; но ему пришло в голову, что можно было бы изготовить веревки и гири, которые сократили бы труд наполовину. Следовательно, он получает такое же преимущество, экономит франк и увольняет рабочего.

Он увольняет рабочего: *это то, что видно*.

И, видя только это, говорится: "Посмотрите, как нищета сопровождает цивилизацию; вот каким образом свобода оказывается фатальной для равенства. Человеческий разум одержал победу, и рабочий немедленно оказывается брошенным в пропасть пауперизма. Джеймс Б., возможно, наймет двух рабочих, но тогда он будет платить им только половину их заработной платы, поскольку они будут конкурировать друг с другом и предлагать себя по самой низкой цене. Таким образом, богатые всегда становятся богаче, а бедные - беднее. Общество хочет перестройки". Очень прекрасный вывод, достойный преамбулы.

К счастью, и преамбула, и заключение ложны, потому что за той половиной явления, *которая видна*, скрывается другая половина, *которая не видна*.

Франк, сэкономленный Джеймсом Б., не виден, как и необходимые последствия этой экономии.

Поскольку в результате своего изобретения Джеймс Б. тратит только один франк на ручной труд в погоне за определенной выгодой, у него остается еще один франк.

Итак, если в мире есть рабочий с безработными руками, то в мире есть и капиталист с безработным франком. Эти два элемента встречаются и комбинируются, и ясно как божий день, что соотношение между спросом и предложением рабочей силы и между спросом и предложением заработной платы никоим образом не меняется.

Изобретение и рабочий, оплаченные первым франком, теперь выполняют работу, которая раньше выполнялась двумя рабочими. Второй рабочий, которому платят вторым франком, осваивает новый вид работы.

Тогда в чем же заключается произошедшая перемена? Было получено дополнительное национальное преимущество; другими словами, изобретение является безвозмездным триумфом - безвозмездной прибылью для человечества.

Из формы, которую я придал своей демонстрации, можно сделать следующий вывод:

"Именно капиталист извлекает все выгоды из машин. Рабочий класс, если он страдает только временно, никогда не извлекает из этого выгоды, поскольку, по вашему собственному признанию, они вытесняют часть национального труда, не уменьшая его, это правда, но и не увеличивая его".

Я не претендую на то, чтобы в этом небольшом трактате ответить на все возражения; единственная цель, которую я имею в виду, - это борьба с вульгарным, широко распространенным и опасным предрассудком. Я хочу доказать, что новая машина освобождает от работы определенное количество рабочих рук только тогда, когда вознаграждение, которое им выплачивается, отбирается силой. Эти рабочие руки и это вознаграждение объединились бы, чтобы произвести то, что было невозможно произвести до изобретения; отсюда следует, что конечным результатом является *увеличение преимуществ при равном труде*.

Кто выигрывает от этих дополнительных преимуществ?

Первый, это правда, капиталист, изобретатель; первый, кому удастся использовать машину; и это награда за его гений и мужество. В этом случае, как мы только что видели, он экономит на расходах на производство, которые, каким бы способом они ни были израсходованы (а они всегда расходуются), задействуют ровно столько рабочих рук, сколько пришлось уволить из машины.

Но вскоре конкуренция вынуждает его снижать цены пропорционально самой экономии; и тогда выгодой от изобретения пользуется уже не изобретатель, а покупатель произведенного, потребитель, общественность, включая рабочих; одним словом, человечество.

И *чего не видно*, так это того, что сбережения, полученные таким образом для всех потребителей, создают фонд, из которого может поступать заработная плата и который заменяет тот, который израсходовала машина.

Таким образом, возвращаясь к вышеупомянутому примеру, Джеймс Б. получает прибыль, тратя два франка на заработную плату. Благодаря его изобретению ручной труд обходится ему всего в один франк. Пока он продает произведенную вещь по той же цене, он нанимает на одного рабочего меньше для производства этой конкретной вещи, и *это то, что видно*; но на тот франк, который сэкономил Джеймс Б., нанят дополнительный рабочий. Это *то, чего не видно*.

Когда в силу естественного хода вещей Джеймс Б. вынужден снизить цену произведенной вещи на один франк, тогда он больше не осуществляет экономию; тогда у него больше нет ни одного франка, которым он мог бы распорядиться, чтобы обеспечить для национального труда новое производство. Но затем его место занимает другой выгодоприобретатель, и этот выгодоприобретатель - человечество. Тот, кто покупает произведенную им вещь, платит на

франк меньше и обязательно добавляет эту экономию к фонду заработной платы; и это опять-таки *то, чего не видно*.

Было дано другое решение этой проблемы машин, основанное на фактах.

Было сказано, что машинное оборудование снижает издержки производства и снижает цену производимой вещи. Уменьшение прибыли вызывает увеличение потребления, что требует увеличения производства; и, наконец, привлечения после изобретения такого количества рабочих, или даже больше, сколько было необходимо до него. В качестве доказательства этого приводятся примеры печати, ткачества и т.д.

Эта демонстрация не является научной. Это привело бы нас к выводу, что если потребление конкретного продукта, о котором мы говорим, остается неизменным или почти неизменным, машины должны наносить ущерб труду. Это не тот случай.

Предположим, что в определенной стране все люди носили шляпы. Если бы с помощью оборудования цену можно было снизить наполовину, из этого не *обязательно следовало бы*, что потребление удвоилось бы.

Могли бы вы сказать, что в этом случае часть национальной рабочей силы была парализована? Да, согласно вульгарной демонстрации; но, согласно моей, нет; ибо даже если бы в стране не было куплено больше ни одной шляпы, весь фонд заработной платы не стал бы менее надежным. Будет обнаружено, что то, что не пошло на изготовление шляп, пошло на экономику, реализуемую всеми потребителями, и оттуда послужило бы для оплаты всего труда, который машина сделала бесполезным, и для стимулирования нового развития всех отраслей. И так все продолжается. Я знал, что газеты стоили восемьдесят франков, сейчас мы платим сорок восемь: подписчикам сэкономлено тридцать два франка. Нет уверенности или, по крайней мере, необходимости в том, что тридцать два франка пойдут на пользу журналистскому ремеслу; но несомненно и также необходимо, что если они не выберут этого направления, они выберут другое. Один использует их для получения большего количества газет; другой - для улучшения условий жизни; третий - для получения лучшей одежды; третий - для приобретения лучшей мебели. Таким образом, профессии связаны друг с другом. Они образуют огромное целое, различные части которого сообщаются тайными каналами: то, что сберегается одним, приносит пользу всем. Для нас очень важно понимать, что экономия никогда не происходит за счет труда и заработной платы.

IX.-Кредит.

Во все времена, но особенно в последние годы, предпринимались попытки увеличить богатство за счет предоставления кредита.

Я полагаю, не будет преувеличением сказать, что со времени февральской революции парижская пресса выпустила более 10 000 брошюр, призывающих к такому решению *социальной проблемы*.

Единственная основа, увы! этого решения - оптический обман, если, конечно, оптический обман вообще можно назвать основой.

Первое, что делается, - это путает наличные с продукцией, затем бумажные деньги с наличными; и из этих двух путаниц делается вид, что можно извлечь реальность.

В этом вопросе абсолютно необходимо забыть о деньгах, монетах, банкнотах и других инструментах, с помощью которых продукция переходит из рук в руки. Наше дело касается самих продуктов, которые являются реальными объектами займа; ибо, когда фермер занимает пятьдесят франков на покупку плуга, в действительности ему ссужают не пятьдесят франков, а плуг; и когда купец занимает 20 000 франков на покупку дома, он должен не 20 000 франков, а дом. Деньги появляются только для того, чтобы облегчить договоренности между сторонами.

Питер может быть не расположен одалживать свой плуг, но Джеймс может быть готов одолжить свои деньги. Что делает Уильям в этом случае? Он занимает деньги у Джеймса и на эти деньги покупает плуг Питера.

Но, на самом деле, никто не берет деньги займы ради самих денег; деньги - это всего лишь средство, с помощью которого можно завладеть продукцией. Сейчас ни в одной стране невозможно передать от одного человека другому больше продукции, чем содержится в этой стране.

Каким бы ни было количество наличных денег и бумаги, находящихся в обращении, все заемщики не могут получить больше плугов, домов, инструментов и запасов сырья, чем могут предоставить кредиторы в целом; ибо мы должны заботиться о том, чтобы не забывать, что каждый заемщик предполагает кредитора и что то, что однажды взято займы, подразумевает ссуду.

Учитывая это, какие преимущества есть у кредитных учреждений? Дело в том, что они облегчают заемщикам и заимодавцам поиск средств взаимодействия друг с другом; но не в их власти вызвать мгновенное увеличение количества вещей, которые нужно одолжить. И все же они должны быть в состоянии сделать это, если хотят достичь цели реформаторов, поскольку они стремятся ни к чему иному, как к тому, чтобы передать плуги, дома, инструменты и провизию в руки всех, кто их желает.

И как они намерены это осуществить?

Путем предоставления государственного обеспечения по кредиту.

Давайте попробуем проникнуть в суть предмета, ибо в нем есть *нечто видимое*, а также *нечто невидимое*. Мы должны стремиться смотреть и на то, и на другое.

Предположим, что в мире есть только один плуг и что им пользуются два фермера.

У Питера есть единственный плуг, который есть во Франции; Джон и Джеймс хотят одолжить его. Джон, благодаря своей честности, своему имуществу и хорошей репутации, обеспечивает безопасность. Он *внушает доверие*; у него есть *авторитет*. Иаков не внушает особого доверия. Естественно, что Петр одалживает свой плуг Иоанну.

Но теперь, согласно социалистическому плану, вмешивается государство и говорит Питеру: "Одолжи свой плуг Джеймсу, я обеспечу его возврат, и это обеспечение будет лучше, чем у Джона, потому что ему некому отвечать за него, кроме самого себя; а я, хотя у меня действительно ничего нет, распоряжаюсь состоянием налогоплательщиков, и именно из их денег, в случае необходимости, я выплачу тебе основную сумму и проценты". Следовательно, Петр одалживает свой плуг Иакову: *вот что видно*.

А социалисты потирают руки и говорят: "Посмотрите, как хорошо сработал наш план. Благодаря вмешательству государства у бедного Джеймса есть плуг. Ему больше не придется рыть землю; он на пути к тому, чтобы разбогатеть. Это хорошо для него и выгодно для нации в целом".

На самом деле, это не так; это не приносит пользы нации, ибо за этим стоит нечто, *чего не видно*.

Не видно, что плуг находится в руках Иакова, только потому, что его нет в руках Иоанна.

Не видно, что если Джеймс будет заниматься сельским хозяйством вместо того, чтобы копать, Джон будет вынужден копать, а не заниматься сельским хозяйством.

Следовательно, то, что считалось увеличением ссуды, есть не что иное, как вытеснение ссуды. Кроме того, *не видно*, что это смещение подразумевает два акта глубокой несправедливости.

Это несправедливо по отношению к Джону, который, заслужив и завоевав *доверие* своей честностью и активностью, считает, что его лишили этого.

Это несправедливо по отношению к налогоплательщикам, которых заставляют выплачивать долг, который их не касается.

Скажет ли кто-нибудь, что правительство предоставляет Иоанну те же условия, что и Иакову? Но поскольку у нас есть только один плуг, нельзя одолжить два. Аргумент всегда утверждает, что благодаря вмешательству государства будет взято в долг больше, чем есть вещей, которые можно одолжить; ибо плуг представляет здесь основную часть имеющихся капиталов.

Это правда, я свел операцию к наиболее простому ее выражению, но если вы подвергнете тому же испытанию самые сложные государственные кредитные учреждения, вы убедитесь, что они могут привести только к одному результату, а именно к вытеснению кредита, а не к его увеличению. В одной стране и в данный момент времени имеется в наличии только определенное количество капитала, и все они заняты. Гарантируя неплательщикам, государство действительно может увеличить число заемщиков и, таким образом, повысить процентную ставку (всегда в ущерб налогоплательщику), но оно не имеет права увеличивать число кредиторов и значимость общего объема займов.

Однако есть один вывод, в котором меня ни за что на свете не заподозрили бы. Я говорю, что закон не должен искусственно поощрять право заимствования, но я не говорю, что он не должен искусственно ограничивать их. Если в нашей системе ипотеки или в любой другой существуют препятствия для распространения применения кредита, пусть они будут устранены; ничто не может быть лучше или справедливее этого. Но это все, что согласуется со свободой, и это все, о чем попросят все, кто достоин называться реформаторами.

Х.-Алжир.

Вот четыре оратора, выступающие за трибуну. Сначала все четверо говорят одновременно; затем они говорят один за другим. Что они сказали? Конечно, несколько прекрасных вещей о могуществе и величии Франции; о необходимости сеять, если мы хотим собрать урожай; о блестящем будущем нашей гигантской колонии; о преимуществе перемещения избытка нашего населения на расстояние и т.д. и т.п. Великолепные образцы красноречия, всегда украшенные таким заключением: "Проголосуйте пятьюдесятью миллионами, более или менее, за

строительство портов и дорог в Алжире; за отправку туда эмигрантов; за строительство домов и разбивку земель. Поступая таким образом, вы освободите французских рабочих, поощрите труд африканцев и дадите толчок торговле Марселя. Это было бы выгодно во всех отношениях ".

Да, все это очень верно, если вы не принимаете во внимание пятьдесят миллионов до того момента, когда государство начнет их тратить; если вы видите только, куда они уходят, а не откуда берутся; если вы смотрите только на добро, которое они должны принести, когда выйдут из мешка сборщика налогов, а не на вред, который был нанесен, и на добро, которого удалось избежать, вложив их в него. Да, с этой ограниченной точки зрения все является прибылью. Дом, построенный в Берберии, - *это то, что видно*; гавань, построенная в Берберии, - *это то, что видно*; работа, произведенная в Берберии, - *это то, что видно*; несколько рабочих рук во Франции - *это то, что видно*; большой ажиотаж с товарами в Марселе - *это все еще то, что видно*.

Но, помимо всего этого, есть кое-что, *чего не видно*. Пятьдесят миллионов, потраченных государством, не могут быть потрачены налогоплательщиками, как это было бы в противном случае. Необходимо вычесть из всей пользы, приписываемой произведенным общественным расходам, весь вред, причиненный предотвращением частных расходов, если только мы не скажем, что Джеймс Б. ничего бы не сделал с короной, которую он получил и которой его лишили налоги; абсурдное утверждение, ибо если он взял на себя труд заслужить ее, то только потому, что ожидал удовлетворения от ее использования. Он бы починил ограду в своем саду, чего сейчас не может сделать, и это *то, чего не видно*. Он бы удобрил свое поле, чего сейчас не может делать, и это *то, чего не видно*. Он бы добавил к своему коттеджу еще одну историю, чего сейчас не может сделать, и это *то, чего не видно*. Он мог бы увеличить количество своих инструментов, чего сейчас не может сделать, и это *то, чего не видно*. Он был бы лучше накормлен, лучше одет, дал бы лучшее образование своим детям и увеличил бы долю своей дочери в браке; это *то, чего не видно*. Он хотел бы стать членом Общества взаимопомощи, но сейчас он не может; это *то, чего не видно*. С одной стороны, это удовольствия, которых он был лишен, и средства действия, которые были уничтожены в его руках; с другой стороны, это труд чертежника, плотника, кузнеца, портного, деревенского школьного учителя, который он поощрял бы, а которому теперь препятствуют, - все это *то, чего не видно*.

На будущее процветание Алжира возлагаются большие надежды; пусть будет так. Но истощение, которому подвергается Франция, не следует полностью упускать из виду. Мне указывают на марсельскую торговлю; но если это должно быть достигнуто с помощью налогообложения, я всегда буду показывать, что равная торговля уничтожается этим в других частях страны. Говорят: "В Берберию перевезен эмигрант; это облегчение для населения, которое остается в стране", я отвечаю: "Как это может быть, если, перевозя этого эмигранта в Алжир, вы также перевозите в два или три раза больше капитала, который мог бы послужить для его содержания во Франции?"⁴

Единственная цель, которую я имею в виду, - сделать очевидным для читателя, что за каждым общественным расходом, за кажущейся пользой, скрывается зло, которое не так-то легко распознать. Насколько это в моих силах, я бы привил ему привычку видеть и то, и другое и принимать во внимание и то, и другое.

Когда предлагаются государственные расходы, их следует рассматривать сами по себе, отдельно от мнимого поощрения труда, которое проистекает из них, поскольку такое

поощрение является иллюзией. Что бы ни было сделано таким образом за общественный счет, частный счет все равно был бы сделан; следовательно, об интересах труда всегда не может быть и речи.

Целью данного трактата не является критика внутренних достоинств государственных расходов применительно к Алжиру, но я не могу умолчать об общем наблюдении. Дело в том, что презумпция всегда неблагоприятна для коллективных расходов в виде налогообложения. Почему? По этой причине: - Во-первых, от этого в некоторой степени всегда страдает справедливость. Поскольку Джеймс Б. трудился, чтобы получить свою корону, в надежде получить от нее вознаграждение, следует сожалеть, что казначейство вмешалось и отняло у Джеймса Б. это вознаграждение, чтобы передать его другому. Конечно, казначейству или тем, кто его регулирует, надлежит привести веские причины для этого. Было показано, что государство дает очень провокационный ответ, когда говорит: "С этой короной я найму рабочих", ибо Джеймс Б. (как только он это увидит) обязательно ответит: "Все это прекрасно, но с этой короной я мог бы нанять их сам".

Помимо этой причины, другие выступают без маскировки, благодаря чему дебаты между казначейством и беднягой Джеймсом значительно упрощаются. Если государство скажет ему: "Я беру вашу корону, чтобы заплатить жандарму, который избавляет вас от хлопот по обеспечению вашей личной безопасности; за мощение улицы, по которой вы проходите каждый день; за оплату магистрату, который обеспечивает уважение вашей собственности и вашей свободы; за содержание солдата, который охраняет наши границы", - Джеймс Б., если я не сильно ошибаюсь, заплатит за все это без колебаний. Но если бы государство сказало ему: "Я беру эту корону, чтобы дать вам небольшую премию, если вы хорошо обработаете свое поле; или чтобы я мог научить вашего сына чему-то, чему вы не хотели бы, чтобы он учился; или чтобы министр мог добавить еще одно блюдо к своему обеденному столу; я беру ее на строительство коттеджа в Алжире, и в этом случае я должен каждый год получать еще одну корону на содержание эмигранта, и еще сотню на содержание солдата для охраны этого эмигранта, и еще одну корону на содержание генерала для охраны этого солдата", и т.д., и т.п., - Мне кажется, я слышу, как бедняга Джеймс восклицает: "Эта система законов очень похожа на систему мошенничества!" Государство предвидит возражение, и что оно делает? Оно смешивает все воедино и выдвигает как раз ту провоцирующую причину, которая не должна иметь никакого отношения к вопросу. Это говорит о влиянии этой короны на труд; это указывает на повара и поставщика министра; это показывает эмигранта, солдата и генерала, живущих на корону; это показывает, фактически, *то, что видно*, и если Джеймс Б. не научился принимать во внимание *то, чего не видно*, Джеймс Б. будет обманут. И вот почему я хочу сделать все, что в моих силах, чтобы запечатлеть это в его сознании, повторяя это снова и снова.

Поскольку государственные расходы вытесняют рабочую силу, не увеличивая ее, против них возникает второе серьезное предположение. Вытеснять рабочую силу - значит вытеснять рабочих и нарушать естественные законы, регулирующие распределение населения по стране. Если 50 000 000 франков оставить во владении налогоплательщиков, поскольку налогоплательщики есть повсюду, они поощряют труд в 40 000 приходах Франции. Они действуют как естественная связь, которая удерживает каждого на его родной земле; они распределяются среди всех мыслимых работников и профессий. Если государство, отбирая у граждан эти 60 000 000 франков, накапливает их и расходует в каком-то определенном месте, оно привлекает к этому месту пропорциональное количество перемещенной рабочей силы,

соответствующее количество рабочих, принадлежащих к другим частям; колеблющееся население, которое оказывается не на своем месте и, я осмеливаюсь сказать, опасно, когда фонд истощается. Теперь вот следствие (и это подтверждает все, что я сказал): эта лихорадочная деятельность как бы загнана в узкое пространство; она привлекает всеобщее внимание; это *то, что видно*. Люди аплодируют; они поражены красотой и удобством плана и ожидают, что он будет продолжен и расширен. *Чего они не видят*, так это того, что равное количество рабочей силы, которая, вероятно, была бы более ценной, было парализовано по всей остальной Франции.

XI. Бережливость и роскошь.

Не только в государственных расходах *то, что видно*, затмевает *то, чего не видно*. Оставляя в стороне то, что относится к политической экономии, это явление приводит к ложным рассуждениям. Оно заставляет нации рассматривать свои моральные и материальные интересы как противоречащие друг другу. Что может быть более обескураживающим или унылым?

Например, нет ни одного отца семейства, который не считал бы своим долгом привить своим детям порядок, систему, привычки к осторожности, экономии и умеренности в расходовании денег.

Нет религии, которая не выступала бы против помпезности и роскоши. Так и должно быть; но, с другой стороны, как часто мы слышим следующие замечания: -

"Копить - значит высасывать жилы из людей".

"Роскошь великого - это комфорт малого".

"Расточительные разоряют себя, но обогащают государство".

"Именно избыток богатых делает хлеб для бедных".

Здесь, безусловно, проявляется поразительное противоречие между моральной и социальной идеей. Сколько выдающихся личностей, сделав это утверждение, почивают с миром. Этого я никогда не мог понять, ибо мне кажется, что нет ничего более печального, чем обнаружить в человечестве две противоположные тенденции. Да ведь она приходит к деградации в каждой из крайностей: экономия доводит ее до нищеты; расточительность ввергает ее в моральную деградацию. К счастью, эти вульгарные принципы выставляют экономию и роскошь в ложном свете, принимая во внимание те непосредственные последствия, *которые видны*, а не отдаленные, *которые не видны*. Давайте посмотрим, сможем ли мы исправить этот неполный взгляд на дело.

Мондор и его брат Аристус, после раздела родительского наследства, имеют доход по 50 000 франков каждый. Мондор занимается модной филантропией. Он, что называется, расточитель денег. Он обновляет свою мебель несколько раз в год; меняет экипаж каждый месяц. Люди говорят о его изобретательных ухищрениях, направленных на скорейшее завершение: короче говоря, он превосходит живчиков Бальзака и Александра Дюма.

Таким образом, все поют ему дифирамбы. Это: "Расскажи нам о Мондоре! Мондор навсегда! Он - благодетель рабочего, благословение для людей. Это правда, он упивается распутомством;

онобрызгивает прохожих; его собственное достоинство и достоинство человеческой природы немного принижены; но что из этого? Он хорошо распоряжается своим состоянием, если не собой. Он заставляет деньги циркулировать; он всегда отправляет торговцев довольными. Разве деньги делаются круглыми не для того, чтобы они могли вращаться?"

Аристус принял совсем другой план жизни. Если он и не эгоист, то, во всяком случае, *индивидуалист*, поскольку считает расходы, стремится только к умеренным и разумным удовольствиям, думает о перспективах своих детей и, по сути, *экономит*.

И что о нем говорят люди? "Что хорошего в таком богатом парне, как он? Он скряга. Возможно, в простоте его жизни есть что-то внушительное; к тому же он гуманен, доброжелателен и щедр, но он *расчетлив*. Он не тратит свой доход; в его доме нет ни блеска, ни суеты. Какую пользу он приносит разносчикам бумаги, изготовителям карет, торговцам лошадьми и кондитерам?"

Эти мнения, пагубные для морали, основаны на том, что бросается в глаза: на расходах расточительного сына; и на другом, который остается вне поля зрения, - на равных и даже превосходящих расходах экономиста.

Но Божественный изобретатель общественного порядка так превосходно устроил ситуацию, что в этом, как и во всем остальном, политическая экономия и мораль отнюдь не противоречат, а соглашаются; и мудрость Аристуса не только более достойна, но *выгодна*, чем безумие Мондора. И когда я говорю "прибыльный", я имею в виду не только прибыльный для Аристуса или даже для общества в целом, но более прибыльный для самих рабочих - для торговли того времени.

Чтобы доказать это, необходимо всего лишь обратить мысленный взор на те скрытые последствия человеческих действий, которые не видит телесный глаз.

Да, расточительность Мондора имеет видимые последствия с любой точки зрения. Каждый может увидеть его ландо, его фаэтоны, его берлины, изящные картины на потолках, его богатые ковры, великолепную обстановку его дома. Каждый знает, что его лошади бегают по газону. Обеды, которые он дает в "Отель де Пари", привлекают внимание толп на бульварах; говорят, "это щедрый человек; он не только не экономит на своих доходах, но, скорее всего, приумножает свой капитал". Это *то, что видно*.

Не так-то просто понять, что происходит с доходом Аристуса в отношении интересов трудящихся. Однако, если бы мы внимательно проследили за этим, то увидели бы, что все это, вплоть до последнего фартинга, дает работу рабочим, так же несомненно, как и состояние Мондора. Разница лишь в том, что беспричинная расточительность Мондора обречена постоянно уменьшаться и непременно прекратиться, в то время как разумные траты Аристуса будут увеличиваться из года в год. И если это так, то, несомненно, общественные интересы будут в унисон с моралью.

Аристус тратит на себя и свое хозяйство 20 000 франков в год. Если этого недостаточно для его содержания, он не заслуживает звания мудреца. Он тронут страданиями, которые угнетают беднейшие классы; он считает, что совесть обязывает его предоставить им некоторое облегчение, и поэтому он выделяет 10 000 франков на благотворительные акции. Среди торговцев, фабрикантов и земледельцев у него есть друзья, испытывающие временные трудности; он знакомится с их положением, чтобы помочь им осмотрительно и эффективно, и на

эту работу он выделяет еще 10 000 франков. Кроме того, онне забывает, что у него есть дочери, которых нужно содержать, и сыновья, о перспективах которых он обязан заботиться, и поэтому он считает своим долгом откладывать и выплачивать под проценты 10 000 франков каждый год.

Ниже приводится список его расходов:--

1-е место, Личные расходы 20 000 франков, 2-е место, Благотворительные объекты 10 000, 3-е место, дружеские учреждения 10 000, 4-е место, Экономия 10 000

Давайте рассмотрим каждый из этих предметов, и мы увидим, что ни один фартинг не ускользает от национального труда.

1. Личные расходы.--Они, насколько это касается рабочих и торговцев, имеют точно такой же эффект, как равная сумма, потраченная Mondor. Это самоочевидно, поэтому мы больше не будем об этом говорить.

2-й. Благотворительные объекты.-- 10 000 франков, выделенных на эту цель, в равной степени приносят пользу торговле; они доходят до мясника, пекаря, портного и плотника. Единственное, что хлебом, мясом и одеждой пользуется не Аристус, а те, кого он заменил. Эта простая замена одного потребителя другим никоим образом не влияет на торговлю в целом. Все равно, тратит ли Аристус крону или желает, чтобы ее потратил какой-нибудь несчастный человек.

3. Дружеские услуги. - Друг, которому Аристус ссужает или дарит 10 000 франков, не получает их на похороны; это противоречило бы гипотезе. Он использует их для оплаты товаров или погашения долгов. В первом случае поощряется торговля. Станет ли кто-нибудь утверждать, что компания выигрывает больше от покупки Мондором чистокровной лошади за 10 000 франков, чем от покупки Аристусом или его другом припасов на 10 000 франков? Ибо, если эта сумма пойдет на уплату долга, появляется третье лицо, а именно кредитор, который, несомненно, наймет их на что-нибудь в своем ремесле, в своем домашнем хозяйстве или на ферме. Он служит еще одним посредником между Аристом и рабочими. Изменены только имена, расходы остаются, а также стимулирование торговли.

4-е. Спасение.-Теперь остаются сэкономленные 10 000 франков; и именно здесь, в том, что касается поощрения искусств, торговли, труда и рабочих, Мондор, по-видимому, намного превосходит Аристуса, хотя с моральной точки зрения Аристус в некоторой степени превосходит Мондора.

Я никогда не могу смотреть на эти очевидные противоречия между великими законами природы без чувства физического беспокойства, которое приравнивается к страданию. Если бы человечество было поставлено перед необходимостью выбора между двумя партиями, одна из которых вредит его интересам, а другая - его совести, нам не на что было бы надеяться в будущем. К счастью, это не так; и чтобы увидеть, как Аристус восстанавливает свое экономическое превосходство, а также свое моральное превосходство, достаточно понять эту утешительную максиму, которая не менее верна из-за парадоксального внешнего вида: "Экономить - значит тратить".

С какой целью Аристус сэкономил 10 000 франков? Закопать их в своем саду? Нет, конечно; он намеревается увеличить свой капитал и свой доход; следовательно, эти деньги, вместо того чтобы быть употребленными на его личное удовлетворение, используются для покупки земли,

дома и т. Д., Или они передаются в руки торговца или банкира. Проследите за движением этих денег в любом из этих случаев, и вы убедитесь, что через продавцов или кредиторов они поощряют труд с такой же уверенностью, как если бы Аристус, следуя примеру своего брата, обменял их на мебель, драгоценности и лошадей.

Ибо, когда Аристус покупает землю или сдает ее в аренду за 10 000 франков, он руководствуется соображением, что не хочет тратить эти деньги. Вот почему ты жалуешься на него.

Но в то же время человек, который продает землю или арендную плату, определяется тем соображением, что он действительно хочет каким-то образом потратить 10 000 франков; так что деньги в любом случае будут потрачены либо Аристом, либо другими лицами вместо него.

Что касается рабочего класса, поощрения труда, то между поведением Аристуса и поведением Мондора есть только одно различие. Мондор тратит деньги сам и вокруг себя, и поэтому эффект *виден*. Аристус, расходуя его частично через промежуточные партии, и на расстоянии, эффектане *видит*. Но, на самом деле, те, кто знает, как приписать следствия их истинным причинам, поймут, что *то, чего не видно*, так же достоверно, как и *то, что видно*. Это доказывается тем фактом, что в обоих случаях деньги циркулируют, а не лежат в железном сундуке мудреца, так же как и в сундуке расточителя. Следовательно, неверно говорить, что экономия наносит реальный вред торговле; как описано выше, она в равной степени полезна и для роскоши.

Но насколько лучше, если вместо того, чтобы ограничивать наши мысли настоящим моментом, мы позволим им охватить более длительный период!

Проходит десять лет. Что стало с Мондором, его состоянием и огромной популярностью? Мондор разорен. Вместо того чтобы ежегодно тратить 60 000 франков на социальную организацию, он, возможно, является для нее обузой. В любом случае, он больше не вызывает восторга у лавочников; он больше не покровитель искусств и торговли; от него больше нет никакой пользы рабочим, как и от его преемников, которых он довел до нищеты.

По истечении тех же десяти лет Аристус не только продолжает пускать в оборот свои доходы, но и из года в год увеличивает свои расходы. Он увеличивает национальный капитал, то есть фонд, обеспечивающий заработную плату, и поскольку именно от размера этого фонда зависит спрос на рабочие руки, он способствует постепенному увеличению вознаграждения рабочего класса; и если он умирает, он оставляет детей, которых он научил, чтобы они стали его преемниками в этом деле прогресса и цивилизации.

С моральной точки зрения превосходство бережливости над роскошью неоспоримо. Утешительно думать, что так обстоит дело в политической экономии, для каждого, кто, не ограничивая свои взгляды непосредственными следствиями явлений, знает, как распространить свои исследования на их конечные результаты.

XII. Тот, кто имеет право на труд, имеет право и на прибыль.

"Братья, вы должны объединиться, чтобы найти мне работу по вашей собственной цене". Это право на труд; *т.е.* элементарный социализм первой степени.

"Братья, вы должны объединиться, чтобы найти мне работу по моей собственной цене". Это право на прибыль; *т.е.* утонченный социализм или социализм второй степени.

Оба они живут за счет тех своих эффектов, которые *видны*. Они умрут из - за тех эффектов, которые *не видны*.

То, что видно, - это труд и прибыль, возникающие в результате социального объединения. То, чего не видно, - это труд и прибыль, к которым привела бы та же комбинация, если бы это было предоставлено налогоплательщикам.

В 1848 году право на труд на мгновение показало два лица. Этого было достаточно, чтобы разрушить его в общественном мнении.

Одно из таких лиц называлось *национальные мастерские*. Другой - *сорок пять сантимов*. Миллионы франков ежедневно отправлялись с улицы Риволи в национальные мастерские. Это была честная сторона медали.

А здесь все наоборот. Если миллионы берутся из кассы, их нужно сначала положить в нее. Вот почему организаторы права на общественный труд обращаются к налогоплательщикам.

Теперь крестьяне сказали: "Я должен заплатить сорок пять сантимов; затем я должен лишиться себя какой-нибудь одежды. Я не могу удобрять свое поле, я не могу отремонтировать свой дом".

И деревенские рабочие сказали: "Если наш горожанин лишит себя части одежды, у портного будет меньше работы; если он не улучшит свое поле, у строителя будет меньше работы; если он не отремонтирует свой дом, у плотника и каменщика будет меньше работы".

Затем было доказано, что два вида муки не могут быть приготовлены из одного мешка и что работа, предоставленная правительством, была выполнена за счет рабочей силы, оплаченной налогоплательщиком. Это была смерть права на труд, которое оказалось такой же химерой, как и несправедливостью. И все же право на прибыль, которое является лишь преувеличением права на труд, все еще живо и процветает.

Не должен ли протекционист краснеть от той роли, которую он заставляет играть общество?

Он говорит этому: "Ты должен дать мне работу, и более того, прибыльную работу. Я по глупости остановился на сделке, из-за которой теряю десять процентов. Если вы обложите моих соотечественников налогом в двадцать франков и отдадите его мне, я выиграю, а не проиграю. Итак, прибыль - это мое право; вы мне ее должны". Итак, любое общество, которое прислушается к этому софисту, обложит себя налогами, чтобы удовлетворить его, и не поймет, что убытки, которым подвергается любая торговля, являются не меньшими потерями, когда другие вынуждены компенсировать их, - такое общество, говорю я, заслуживало бы возложенного на него бремени.

Таким образом, из многочисленных тем, которые я рассматривал, мы узнаем, что быть несведущим в политической экономии - значит позволить ослепить себя непосредственным воздействием явления; быть знакомым с ним - значит охватить мыслью и предвидением весь спектр последствий.

Я мог бы подвергнуть тому же испытанию множество других вопросов; но я уклоняюсь от монотонности постоянно однообразной демонстрации и в заключение применяю к политической экономии то, что Шатобриан говорит об истории:

"В истории есть, - говорит он, - два следствия: непосредственное, которое мгновенно осознается, и отдаленное, которое поначалу не воспринимается. Эти последствия часто противоречат друг другу; первые являются результатом нашей собственной ограниченной мудрости, вторые - результатом той мудрости, которая сохраняется. Провиденциальное событие наступает после человеческого события. Бог возвышается позади людей. Отвергайте, если хотите, верховный совет; отвергайте его действия; спорьте о словах; обозначайте термином "сила обстоятельств" или "разум" то, что вульгарно называют Провидением; но посмотрите на свершившийся факт до конца, и вы увидите, что он всегда приводил к противоположному тому, чего от него ожидали, если он изначально не основывался на морали и справедливости". - *Посмертные мемуары Шатобриана.*

Правительство.

Я бы хотел, чтобы кто-нибудь предложил премию - не в сто франков, а в миллион, с кронами, медалями и лентами - за хорошее, простое и доходчивое определение слова "правительство".

Какую огромную услугу это оказало бы обществу!

Правительство! что это? где оно? что оно делает? что оно должно делать? Все, что мы знаем, это то, что это таинственный персонаж; и, несомненно, это самый желанный, самый измученный, самый ошеломленный, самый восхищенный, самый обвиняемый, самый вызываемый и самый спровоцированный из всех персонажей в мире.

Я не имею удовольствия знать своего читателя, но готов поставить десять против одного, что в течение шести месяцев он создавал утопии, и если это так, то он надеется на правительство в их реализации.

И если читательнице случится быть леди, я не сомневаюсь, что она искренне желает видеть, как все зло страдающего человечества будет исправлено, и что она думает, что это легко можно было бы сделать, если бы правительство только взяло на себя это.

Но, увы! этот бедный несчастный персонаж, подобно Фигаро, не знает, кого слушать и куда обратиться. Сто тысяч ртов прессы и трибуны кричат все разом:

"Организуйте рабочую силу и тружеников.

"Покончите с эгоизмом.

"подавите наглость и тиранию капитала.

"Проведите эксперименты с навозом и яйцами.

"Покройте страну железными дорогами.

"Орошать равнины.

"Засадите холмы.

"Создавайте образцовые фермы.

"Основал социальные семинары.

"Колонизировать Алжир.

"Кормить детей грудью.

"Наставь молодежь.

"Помогайте престарелым.

"Отправьте жителей городов в деревню.

"Уравнять прибыль от всех сделок.

"Одалживайте деньги без процентов всем, кто желает занять".

"Освободите Италию, Польшу и Венгрию".

"Воспитывай и совершенствуй верховую лошадь".

"Поощряйте искусство и обеспечьте нас музыкантами и танцорами".

"Ограничить торговлю и в то же время создать торговый флот".

"Откройте истину и вложите крупицу разума в наши головы. Миссия правительства состоит в том, чтобы просвещать, развивать, расширять, укреплять, одухотворять и освящать душу народа".

"Наберитесь немного терпения, джентльмены", - умоляющим тоном говорит правительство. "Я сделаю все, что в моих силах, чтобы удовлетворить вас, но для этого мне нужны ресурсы. Я готовлю планы по пяти или шести налогам, которые являются совершенно новыми и совсем не репрессивными. Вы увидите, с какой готовностью люди будут их платить".

Затем раздается громкое восклицание: "Нет! в самом деле! в чем заслуга того, что что-то делается с использованием ресурсов? Да ведь это не заслуживает названия правительства! Вместо того чтобы взваливать на нас новые налоги, мы хотели бы, чтобы вы отменили старые. Вам следует подавить

"Налог на соль,

"Налог на спиртные напитки,

"Налог на письма,

"Таможенные пошлины,

"Патенты".

В разгар этой суматохи, когда в стране два или три раза менялось правительство из-за того, что не были удовлетворены все его требования, я хотел показать, что они противоречат друг другу. Но о чем я мог думать? Разве я не мог оставить это досадное наблюдение при себе?

Я навсегда утратил свой характер! На меня смотрят как на человека безсердца и без чувств-
сухого философа, индивидуалиста, плебея, одним словом, экономиста английской или

американской школы. Но, простите меня, возвышенные писатели, которые не останавливаются ни перед чем, даже перед противоречиями. Я, без сомнения, неправ, и я бы охотно взял свои слова обратно. Можете быть уверены, я был бы рад, если бы вы действительно открыли благотворное и неистощимое существо, называющее себя Правительством, у которого есть хлеб для всех ртов, работа для всех рук, капитал для всех предприятий, кредит для всех проектов, масло для всех ран, бальзам для всех страданий, советы от всех затруднений, решения от всех сомнений, истины для всех умов, развлечения для всех, кто в них нуждается, молоко для младенчества и вино для старости - которое может удовлетворить все наши потребности, удовлетворить все наше любопытство, исправить все наши ошибки, исправить все наши недостатки и освобождает нас от необходимости в предусмотрительности, благоразумии, рассудительности, проницательности, опыте, порядке, экономии, умеренности и активности.

Какая у меня могла быть причина не желать видеть, как будет сделано такое открытие? Действительно, чем больше я размышляю об этом, тем больше понимаю, что ничто не могло бы быть более удобным, чем иметь в пределах досягаемости неисчерпаемый источник богатства и просвещения - универсального врача, безграничное сокровище и непогрешимого советника, каким вы описываете правительство. Поэтому я хочу, чтобы на это указали и определили, и чтобы первому первооткрывателю феникса была предложена награда. Ибо никому и в голову не придет утверждать, что это драгоценное открытие уже сделано, поскольку до сих пор все, что представлялось под именем правительства, немедленно отвергалось народом именно потому, что оно не соответствовало довольно противоречивым условиям программы.

Я осмелюсь сказать, что, боюсь, в этом отношении мы являемся жертвами одной из самых странных иллюзий, которые когда-либо овладевали человеческим разумом.

Человек отшатывается от неприятностей - от страдания; и все же природа обрекла его на страдания от лишений, если он не берет на себя труд работать. Следовательно, ему приходится выбирать между этими двумя злами. Какие средства он может использовать, чтобы избежать обоих? Сейчас остается и будет оставаться только один способ - *наслаждаться трудом других*. Такой образ действий не позволяет неприятностям и удовлетворению сохранять свою естественную пропорцию и приводит к тому, что все неприятности становятся уделом одной группы людей, а все удовлетворение - другой. Таково происхождение рабства и грабежа, в какой бы форме они ни проявлялись - будь то войны, наложения, насилие, ограничения, мошенничество и т. Д. - Чудовищных злоупотреблений, но согласующихся с мыслью, которая их породила. Угнетение следует ненавидеть и сопротивляться - вряд ли его можно назвать абсурдным.

Слава богу, рабство уходит в прошлое! с другой стороны, наша склонность защищать свою собственность не позволяет легко осуществлять прямое и открытое разграбление.

Одно, однако, остается неизменным - это присущая всем людям изначальная склонность делить жизненный удел на две части, перекладывая хлопоты на других и оставляя удовлетворение за собой. Остается показать, в какой новой форме проявляется эта печальная тенденция.

Угнетатель больше не действует непосредственно и своими силами на свою жертву. Нет, наша совесть стала слишком чувствительной для этого. Тиран и его жертва все еще присутствуют, но между ними есть промежуточное лицо, которым является Правительство, то есть сам Закон. Что

может быть лучше рассчитано, чтобы заглушить наши угрызения совести и, что, возможно, более ценно, преодолеть любое сопротивление? Поэтому все мы заявляем о своих претензиях под тем или иным предлогом и обращаемся к правительству. Мы говорим ему: "Я недоволен соотношением между моим трудом и моими удовольствиями. Я хотел бы, ради восстановления желаемого равновесия, взять часть имущества других. Но это было бы опасно. Не могли бы вы облегчить мне задачу? Не могли бы вы найти мне хорошее место? или проверить отрасль моих конкурентов? или, может быть, одолжите мне безвозмездно какой-нибудь капитал, который вы можете забрать у его владельца? Не могли бы вы воспитать моих детей за государственный счет? или предоставить мне какие-нибудь призы? или обеспечить мне компетентность, когда мне исполнится пятьдесят лет? Этим я добьюсь своей цели со спокойной совестью, ибо закон будет действовать за меня, и я получу все преимущества грабежа без риска и позора!"

Поскольку, с одной стороны, несомненно, что все мы обращаемся к правительству с аналогичной просьбой; и поскольку, с другой стороны, доказано, что правительство не может удовлетворить одну сторону, не приумножая труд других, пока я не получу другого определения слова "Правительство", я считаю себя вправе дать свое собственное. Кто знает, может быть, он получит приз? Вот он:

Правительство - великая фикция, с помощью которой каждый пытается жить за счет всех остальных.

Ибо сейчас, как и прежде, каждый, в большей или меньшей степени, стремится извлечь выгоду из трудов других. Никто не осмелился бы высказать такое чувство; он скрывает его даже от самого себя; и что же тогда делается? Думают о медиуме; обращаются к правительству, и каждый класс, в свою очередь, приходит к нему и говорит: "Вы, кто может брать оправданно и честно, берите у общества, и мы будем принимать участие". Увы! Правительство слишком склонно следовать этому дьявольскому совету, ибо оно состоит из министров и чиновников - короче говоря, из людей, которые, как и все другие люди, в глубине души желают увеличить свое богатство и влияние и всегда с рвением пользуются любой возможностью. Правительство не замедлит осознать преимущества, которые оно может извлечь из той части, которая доверена ему общественностью. Он рад быть судьей и хозяином судеб всех; для этого потребуется многое, ибо тогда большая доля останется ему самому; это умножит число его агентов; это расширит круг его привилегий; это закончится присвоением разорительной доли.

Но самое примечательное во всем этом - поразительная слепота публики на протяжении всего этого. Когда успешные солдаты обращали побежденных в рабство, это было варварством, но не абсурдом. Их целью, как и нашей, было жить за счет других людей, и они не преминули это сделать. Что мы должны думать о людях, которые, кажется, никогда не подозревают, что *взаимный грабеж* не становится меньшим грабежом, потому что он взаимный; что он не становится менее преступным, потому что осуществляется законно и с соблюдением порядка; что он ничего не добавляет к общественному благу; что он уменьшает его, прямо пропорционально стоимости дорогостоящего средства, которое мы называем правительством?

И именно эту великую химеру мы поместили в назидание народу в качестве заставки к Конституции. Ниже приводится начало вступительной речи:--

"Франция провозгласила себя республикой с целью поднять всех граждан на все более высокий уровень нравственности, просвещения и благосостояния".

Таким образом, именно Франция, или абстракция, должна поднять французов, или *реалии*, к морали, благополучию и так далее. Не потому ли, что мы поддаемся этому странному заблуждению, что вынуждены ожидать всего от энергии, которая нам не принадлежит? Разве это не свидетельствует о том, что независимо от французов существует добродетельное, просвещенное и богатое существо, которое может и будет даровать им свои блага? Не предполагает ли это, и, конечно, совершенно необоснованно, что между Францией и французами -- между простым, сокращенным и абстрактным обозначением всех индивидуальностей и самими этими индивидуальностями - существуют отношения как отца к сыну, наставника к своему ученику, профессора к своему ученику? Я знаю, что часто говорят метафорически: "страна - это нежная мать". Но чтобы показать бессмысленность конституционного предложения, нужно только показать, что оно может быть отменено не только без неудобств, но даже с пользой. Было бы менее точно сказать...

"Французы провозгласили себя Республикой, чтобы поднять Францию на все более высокий уровень морали, просвещения и благосостояния".

Теперь, в чем ценность аксиомы, при которой субъект и атрибут могут меняться местами без неудобств? Все понимают, что подразумевается под этим - "Мать накормит ребенка". Но было бы нелепо говорить - "Ребенок накормит мать".

Американцы сформировали другое представление об отношениях граждан с правительством, когда поместили эти простые слова во главу своей Конституции:

"Мы, народ Соединенных Штатов, с целью формирования более совершенного союза, установления справедливости, обеспечения внутреннего спокойствия, обеспечения нашей общей обороны, повышения общего благосостояния и обеспечения преимуществ свободы для нас самих и для нашего потомства, постановляем" и с.

Здесь нет никакого химерического творения, никакой *абстракции*, от которой граждане могут требовать всего. Они не ожидают ничего, кроме самих себя и своей собственной энергии.

Если мне будет позволено критиковать первые слова нашей Конституции, я бы заметил, что то, на что я жалуюсь, является чем-то большим, чем простая метафизическая тонкость, как может показаться на первый взгляд.

Я утверждаю, что это *олицетворение* правительства было в прошлые времена и будет впредь благодатным источником бедствий и революций.

С одной стороны, общественность, с другой - правительство, рассматриваемые как два различных существа; последнее обязано даровать первому, а первое имеет право требовать от последнего всех мыслимых человеческих благ. Каковы будут последствия?

На самом деле правительство не искалечено и не может быть таковым. У него две руки - одна, чтобы получать, а другая, чтобы отдавать; другими словами, у него грубая рука и гладкая. Деятельность второй обязательно подчинена деятельности первой. Строго говоря, правительство может брать и не восстанавливать. Это очевидно и может быть объяснено пористой и поглощающей природой его рук, которые всегда сохраняют часть, а иногда и все, к

чему прикасаются. Но то, что никогда не было замечено и никогда не будет замечено или понято, заключается в том, что правительство может вернуть обществу больше, чем оно у него отняло. Поэтому нелепо с нашей стороны предстать перед ним в смиренной позе нищих. Для него совершенно невозможно принести какую-либо конкретную пользу какой-либо одной из личностей, составляющих сообщество, без нанесения большего ущерба сообществу в целом.

Таким образом, наши требования ставят его перед дилеммой.

Если он отказывается удовлетворить обращенные к нему просьбы, его обвиняют в слабости, недоброжелательности и неспособности. Если оно пытается предоставить их, оно вынуждено обложить народ новыми налогами, что принесет больше вреда, чем пользы, и навлечет на себя всеобщее неудовольствие с другой стороны.

Таким образом, у общества две надежды, а правительство дает два обещания - *много льгот и никаких налогов*. Надежды и обещания, которые, будучи противоречивыми, никогда не могут быть реализованы.

Итак, разве не в этом причина всех наших революций? Ибо между правительством, которое расточает обещания, которые невозможно выполнить, и обществом, которое питает надежды, которые никогда не смогут осуществиться, встают два класса людей - честолюбцы и утописты. Именно обстоятельства дают им о себе знать. Достаточно, если эти вассалы популярности крикнут народу: "Власти обманывают вас; если бы мы были на их месте, мы бы обложили вас льготами и освободили от налогов".

И люди верят, и люди надеются, и люди совершают революцию!

Как только их друзья становятся во главе дела, их призывают выполнить свое обещание. "Дайте нам работу, хлеб, помощь, кредиты, обучение, колонии, - говорят люди, - и вместе с тем избавьте нас, как вы обещали, от когтей казначейства".

Новое *правительство* находится в не меньшем замешательстве, чем прежнее, поскольку вскоре обнаруживает, что обещать гораздо легче, чем выполнять. Он пытается выиграть время, поскольку это необходимо для реализации его обширных проектов. Сначала он предпринимает несколько робких попыток: с одной стороны, вводит небольшое элементарное обучение; с другой, немного снижает налог на спиртное (1850). Но перед ним постоянно возникает противоречие: если оно хочет быть филантропическим, оно должно заботиться о своей казне; если оно пренебрегает своей казной, оно должно воздерживаться от филантропии.

Эти два обещания вечно противоречат друг другу; иначе и быть не может. Жить в кредит, что равносильно истощению будущего, безусловно, является нынешним средством их примирения: предпринимается попытка принести немного пользы сейчас за счет большого вреда в будущем. Но такие разбирательства вызывают призрак банкротства, который кладет конец кредитованию. Что же тогда делать? Почему же тогда новое правительство делает смелый шаг; оно объединяет все свои силы, чтобы сохранить себя; оно подавляет общественное мнение, прибегает к произвольным мерам, высмеивает свои прежние принципы, заявляет, что управлять невозможно, кроме как рискуя оказаться непопулярным; короче говоря, оно провозглашает себя *правительственным*. И именно здесь его ждут другие претенденты на популярность. Они демонстрируют одну и ту же иллюзию, проходят одним и тем же путем, добиваются одинакового успеха и вскоре оказываются поглощенными одной и той же пропастью.

Мы подошли к этому моменту в феврале.⁵ В то время иллюзия, являющаяся предметом этой статьи, в связи с социалистическими доктринами заняла больше места, чем в какой-либо предыдущий период в представлениях людей. Они более твердо, чем когда-либо, ожидали, что *правительство* при республиканской форме правления с размахом откроет источник льгот и закроет источник налогообложения. "Нас часто обманывали, - говорили люди, - но на этот раз мы сами позаботимся об этом и постараемся не быть обманутыми снова".

Что могло сделать Временное правительство? Увы! только то, что всегда делается в подобных обстоятельствах - давать обещания и тянуть время. Оно, конечно, так и поступило; и чтобы придать своим обещаниям больший вес, оно публично объявило о них так: "Увеличение благосостояния, сокращение рабочей силы, помощь, кредиты, бесплатное обучение, сельскохозяйственные колонии, обработка бесплодных земель и, в то же время, снижение налога на соль, спиртные напитки, письма, мясо; все это будет предоставлено, когда соберется Национальное собрание".

Национальное собрание собирается, и, поскольку невозможно осознать две противоречивые вещи, его задача, его печальная задача состоит в том, чтобы как можно мягче отозвать одно за другим все постановления Временного правительства. Однако для того, чтобы несколько смягчить жестокость обмана, приходится немного поторговаться. Определенные обязательства выполнены, другие в какой-то мере начаты, и поэтому новая администрация вынуждена ввести некоторые новые налоги.

Теперь я мысленно переносюсь в период, который наступит через несколько месяцев, и спрашиваю себя с печальными предчувствиями, что произойдет, когда агенты нового правительства отправятся в страну собирать новые налоги на наследство, доходы и прибыль от торговли сельскохозяйственной продукцией? Остается надеяться, что мои предчувствия не подтвердятся, но я предвижу трудную роль, которую предстоит сыграть кандидатам на популярность.

Прочтите последний манифест монтаньяров, который они издали по случаю избрания президента. Оно довольно длинное, но в конце концов заканчивается такими словами: "*Правительство должно много давать народу и мало брать у него.*" Это всегда одна и та же тактика или, скорее, одна и та же ошибка.

"Правительство обязано предоставлять бесплатное обучение всем гражданам".

Оно обязано давать "общее и соответствующее профессиональное образование, максимально адаптированное к желаниям, призваниям и способностям каждого гражданина".

Оно обязано "учить каждого гражданина его долгу перед Богом, человеком и самим собой; развивать его чувства, склонности и способности; короче говоря, обучать его научной части его труда; заставлять его понимать свои собственные интересы и давать ему представление о своих правах".

Она обязана "Сделать доступным для всех литературу и искусство, достояние мысли, сокровища разума и все те интеллектуальные наслаждения, которые возвышают и укрепляют душу".

Он обязан "выплачивать компенсацию за каждый несчастный случай, связанный с пожаром, затоплением и т.д., с которым столкнулся гражданин". (*et cætera* означает больше, чем говорится.)

Она обязана "обратить внимание на отношения капитала и труда и стать регулятором кредита".

Это обязано "Обеспечить важное поощрение и эффективную защиту сельского хозяйства".

Она обязана "приобретать железные дороги, каналы и шахты; и, несомненно, вести дела с тем производственным потенциалом, который ее характеризует".

Он обязан "Поощрять полезные эксперименты, продвигать их и помогать им всеми средствами, которые могут сделать их успешными. Как регулятор кредитования, он будет оказывать такое широкое влияние на промышленные и сельскохозяйственные ассоциации, которое обеспечит им успех".

Правительство обязано делать все это в дополнение к услугам, на которые оно уже обязалось; и, кроме того, оно всегда должно сохранять угрожающее отношение к иностранцам; ибо, по словам тех, кто подписывает программу, "Связанные этим священным союзом и прецедентами Французской Республики, мы переносим наши желания и надежды за пределы границ, которые деспотизм установил между нациями. Прав, которых мы желаем для себя, мы желаем и для всех тех, кто угнетен игом тирании; мы желаем, чтобы наша славная армия по-прежнему, при необходимости, была армией свободы".

Вы видите, что нежная рука правительства, та добрая рука, которая дает и распределяет, будет очень занята при правительстве монтаньяров. Возможно, вы думаете, что то же самое будет и с грубой рукой - той рукой, которая ныряет в наши карманы. Не обманывайте себя. Претенденты на популярность не знали бы своего дела, если бы у них не было искусства, показывая нежную руку, скрывать грубую. Их правление, несомненно, станет юбилеем налогоплательщиков.

"Это излишки, а не предметы первой необходимости, - говорят они, - которые должны облагаться налогом".

Поистине, это будет хорошее время, когда казначейство, ради того, чтобы наполнить нас благами, удовлетворится сокращением наших излишков!

Это еще не все. Монтаньяры намерены, что "налогообложение утратит свой репрессивный характер и станет всего лишь актом братства". Святые небеса! Я знаю, что сейчас модно повсюду насаждать братство, но я и представить себе не мог, что оно когда-нибудь попадет в руки сборщика налогов.

Перейдем к деталям: Те, кто подписывает программу, говорят: "Мы требуем немедленной отмены тех налогов, которые затрагивают предметы первой необходимости, такие как соль, спиртные напитки и т.д., и т.п.

"Реформа налога на земельную собственность, таможи и патентов.

"Безвозмездное правосудие, то есть упрощение его форм и сокращение расходов" (Это, без сомнения, относится к печатям).

Таким образом, налог на земельную собственность, таможенную, патенты, марки, соль, спиртные напитки, почтовые расходы - все это включено. Эти господа открыли секрет придания чрезмерной активности *мягкой руке* правительства, в то время как они полностью парализуют ее *грубую руку*.

Что ж, я спрашиваю беспристрастного читателя, не ребячество ли это, и более того, опасное ребячество? Разве не неизбежно, что у нас будут революция за революцией, если есть решимость никогда не останавливаться, пока не будет реализовано это противоречие: "Ничего не давать правительству и много получать от него"?

Если бы монтаньяры пришли к власти, разве они не стали бы жертвами средств, которые они использовали, чтобы завладеть ею?

Граждане! Во все времена существовало две политические системы, и каждая из них могла поддерживаться вескими причинами. Согласно одной из них, правительство должно многое делать, но затем оно должно и многого требовать. Согласно другой, эта двойная деятельность должна ощущаться слабо. Мы должны выбирать между этими двумя системами. Но что касается третьей системы, которая включает в себя обе другие и которая состоит в том, чтобы требовать от правительства всего, ничего ему не давая, то она химерична, абсурдна, ребячлива, противоречива и опасна. Те, кто выставляет это напоказ ради удовольствия обвинить все правительства в слабости и таким образом подвергнуть их вашим нападкам, только льстят и обманывают вас, в то время как они обманывают самих себя.

Что касается нас, то мы считаем, что правительство есть и должно быть не чем иным, как *организованной* общей силой, которая не должна быть орудием угнетения и взаимного грабежа граждан, а, напротив, обеспечивать каждому его право и обеспечивать воцарение справедливости и безопасности.

Что такое деньги?

"Ненавистные деньги! ненавистные деньги!" - в отчаянии воскликнул экономист Ф., выходя из Финансового комитета, где только что обсуждался проект бумажных денег.

-В чем дело? - спросил я. - Что означает эта внезапная неприязнь к самому перевозносимому из всех божеств этого мира? - спросил я.

Ф. Ненавистные деньги! ненавистные деньги!

Б. Ты пугаешь меня. Я слышу, как мир, свобода и жизнь рушатся, а Брут зашел так далеко, что даже сказал: "Добродетель! ты - всего лишь имя!" Но что могло случиться?

Ф. Ненавистные деньги! ненавистные деньги!

Б. Ну же, ну же, прояви немного философии. Что с тобой случилось? На тебя повлиял CrœSus? Мондор обманывал вас? или Зоилус клеветал на вас в газетах?

Ф. Я не имею никакого отношения к Кресу; моя репутация, в силу своей незначительности, защищена от любой клеветы Зоила; а что касается Мондора...

Б. А! теперь я понял. Как я мог быть настолько слеп? Вы тоже изобретатель социальной реорганизации - *F---- системы*, по сути. Ваше общество должно быть более совершенным, чем общество Спарты, и, следовательно, все деньги должны быть жестко изгнаны из него. И что вас беспокоит, так это то, как убедить ваших людей опустошить свои кошельки. Чего бы вы хотели? Это камень преткновения, о который разбиваются все реорганизаторы. Нет ни одного, кто не сотворил бы чудес, если бы только сумел преодолеть все сопротивляющиеся влияния, и если бы все человечество согласилось стать мягким воском в его пальцах; но люди полны решимости не быть мягким воском; они слушают, аплодируют или отвергают и - продолжают, как прежде.

Ф. Слава богу, я все еще свободен от этой модной мании. Вместо того чтобы изобретать социальные законы, я изучаю те, которые было угодно изобрести Провидению, и я рад, что нахожу их достойными восхищения в их прогрессивном развитии. Вот почему я восклицаю: "Ненавистные деньги! ненавистные деньги!"

Б. Значит, вы последователь Прудона? Что ж, для вас есть очень простой способ удовлетворить себя. Выбросьте свой кошелек в Сену, оставив при себе только сто су, чтобы совершить действие в Банке обмена.

Ф. Если я выступаю против денег, вероятно ли, что я должен терпеть их лживую замену?

Б. Тогда мне остается высказать только одно предположение. Ты новый Диоген и собираешься преследовать меня рассуждениями *в стиле Сенекио* презрении к богатству.

Ф. Да сохранят меня от этого небеса! Ибо богатство, разве вы не понимаете, это не немного больше или немного меньше денег. Это хлеб для голодных, одежда для раздетых, топливо, чтобы согреться, масло, чтобы продлить день, карьера, открытая для вашего сына, определенная порция для вашей дочери, день отдыха после переутомления, сердечное средство для ослабевших, небольшая помощь, вложенная в руку бедняка, укрытие от бури, развлечение для мозга, измученного мыслями, ни с чем не сравнимое удовольствие делать счастливыми тех, кто нам дорог. Богатство - это наставление, независимость, достоинство, уверенность, благотворительность; это прогресс и цивилизация. Богатство - это замечательный цивилизующий результат двух замечательных факторов, даже более цивилизующих, чем само богатство, - труда и обмена.

Б. Ну! сейчас вы, кажется, поете дифирамбы богатству, в то время как минуту назад осыпали его проклятиями!

Ф. Неужели вы не понимаете, что это была всего лишь прихоть экономиста? Я выступаю против денег только потому, что все смешивают их, как вы только что сделали, с богатством, и что эта путаница является причиной бесчисленных ошибок и бедствий. Я протестую против этого, потому что его функция в обществе непонятна, и ее очень трудно объяснить. Я кричу против этого, потому что оно смешивает все идеи, заставляет принимать средства за цель, препятствие за дело, альфу за омегу; потому что его присутствие в мире, хотя и само по себе благотворное, тем не менее, внесло фатальную идею, извращение принципов, противоречивую теорию, которая во множестве форм обнищала человечество и залила землю кровью. Я протестую против этого, потому что чувствую, что не способен бороться с ошибкой, к которой оно привело, иначе, чем с помощью длинной и тщательной диссертации, к которой никто не станет прислушиваться. О, если бы я только мог найти терпеливого и доброжелательного слушателя!

Б. Ну, нельзя сказать, что из-за отсутствия жертвы вы остаетесь в том состоянии раздражения, в котором находитесь сейчас. Я слушаю; говорите, поучайте, ни в коем случае не сдерживайте себя.

Ф. Ты обещаешь проявлять интерес?

Б. Я обещаю набраться терпения.

Ф. Это не так уж много.

Б. Это все, что я могу дать. Начните и объясните мне сначала, каким образом ошибка в отношении наличных денег, если она вообще существует, лежит в основе всех экономических ошибок?

Ф. Ну, а теперь, возможно ли, что вы можете добросовестно заверить меня, что вам никогда не случалось путать богатство с деньгами?

Б. Я не знаю; но, в конце концов, каковы были бы последствия такой путаницы?

Ф. Ничего особо важного. Ошибка в вашем мозгу, которая никак не повлияла бы на ваши действия; ибо вы видите, что в отношении труда и обмена, хотя мнений столько же, сколько голов, все мы действуем одинаково.

Б. Точно так же, как мы руководствуемся одним и тем же принципом, хотя и не согласны с теорией равновесия и тяготения.

Ф. Именно. Человек, который убедил себя, что за ночь наши головы и ноги поменялись местами, мог бы написать очень хорошие книги на эту тему, но все равно он ходил бы, как все остальные.

Б. Я так думаю. Тем не менее, вскоре он понесет наказание за то, что слишком разбирается в логике.

Ф. Точно так же умер бы с голоду человек, который, решив, что деньги - это настоящее богатство, должен довести свою идею до конца. Вот причина, по которой эта теория ложна, ибо нет иной истинной теории, кроме такой, которая вытекает из самих фактов, проявляющихся во все времена и во всех местах.

Б. Я могу понять, что практически и под влиянием личных интересов фатальные последствия ошибочного действия привели бы к исправлению ошибки. Но если то, о чем вы говорите, имеет так мало влияния, почему это вас так сильно беспокоит?

Ф. Потому что, когда человек, вместо того чтобы действовать ради себя, принимает решения за других, личный интерес, этот вечно бдительный и разумный страж, больше не присутствует, чтобы кричать: "Остановитесь! ответственность неуместна". Обманут Петр, а страдает Иоанн; ложная система законодателя неизбежно становится правилом действий всего населения. И обратите внимание на разницу. Когда у вас есть деньги и вы очень голодны, какой бы ни была ваша теория относительно наличных денег, что вы делаете?

Б. Я иду в булочную и покупаю немного хлеба.

Ф. Вы не сомневаетесь в том, что избавитесь от своих денег?

Б. Единственное применение денег - покупать то, что хочется.

Ф. А если пекарю захочется пить, что он делает?

Б. Он идет к виноторговцу и покупает вино на деньги, которые я ему дал.

Ф. Что? он не боится, что погубит себя?

Б. Настоящим крахом было бы остаться без еды и питья.

Ф. И каждый человек в мире, если он свободен, действует таким же образом?

Б. Без сомнения. Вы бы хотели, чтобы они умерли с голоду ради того, чтобы отложить хотя бы пенс?

Ф. Настолько далек от этого, что я считаю, что они действуют мудро, и я только хотел бы, чтобы теория была не чем иным, как точным отображением этой универсальной практики. Но предположим теперь, что вы были законодателем, абсолютным королем огромной империи, где не было золотых приисков.

Б. Никаких неприятных вымыслов.

Ф. Предположим, опять же, что вы были бы совершенно убеждены в том, что богатство состоит исключительно в наличных деньгах; к какому выводу вы пришли бы?

Б. Я должен сделать вывод, что ни у меня, ни у них не было другого способа обогатить мой народ, кроме как забрать наличные у других стран.

Ф. То есть обнищать их. Таким образом, первый вывод, к которому вы пришли бы, был бы таков: нация может выиграть только тогда, когда другая проигрывает.

Б. Эта аксиома пользуется авторитетом у Бэкона и Монтень.

Ф. Это не менее печально из-за этого, поскольку подразумевает, что прогресс невозможен. Две нации, не более чем два человека, не могут процветать бок о бок.

Б. Казалось бы, таков результат действия этого принципа.

Ф. И поскольку все люди стремятся обогатиться, из этого следует, что все они желают, согласно закону Провидения, разорять своих собратьев.

Б. Это не христианство, а политическая экономия.

Ф. Такая доктрина отвратительна. Но, продолжая, я сделал тебя абсолютным королем. Вы не должны довольствоваться рассуждениями, вы должны действовать. Вашей власти нет предела. Как бы вы отнеслись к этой доктрине: богатство - это деньги?

Б. Я стремился бы постоянно увеличивать количество наличных денег среди моего народа.

Ф. Но в вашем королевстве нет рудников. Как бы вы взялись за это? Что бы вы сделали?

Б. Я ничего не должен делать: я должен просто запретить под страхом смерти, чтобы хоть одна корона покинула страну.

Ф. А если ваш народ окажется не только богатым, но и голодным?

Б. Неважно. В системе, которую мы обсуждаем, разрешить им экспортировать короны означало бы позволить им самим обнищать.

Ф. Чтобы, по вашему собственному признанию, вы заставили их действовать по принципу, столь же противоположному тому, по которому вы сами действовали бы при аналогичных обстоятельствах. Почему так?

Б. Просто потому, что мой собственный голод трогает меня, а голод нации не трогает законодателей.

Ф. Что ж, я могу сказать вам, что ваш план провалился бы, и что никакое начальство не проявило бы достаточной бдительности, когда люди были голодны, чтобы предотвратить опадание коронок и урожай кукурузы.

Б. Если это так, то этот план, ошибочный он или нет, ни к чему не приведет; он не принесет ни пользы, ни вреда и, следовательно, не требует дальнейшего рассмотрения.

Ф. Вы забываете, что вы законодатель. Законодатель не должен расстраиваться по пустякам, когда он ставит эксперименты на других. Если первая мера не увенчалась успехом, вам следует прибегнуть к каким-либо другим средствам достижения своей цели.

Б. Какой конец?

Ф. У вас, должно быть, плохая память. Ну, память об увеличении среди вашего народа количества наличных денег, которые считаются истинным богатством.

Б. Ах, конечно; прошу у вас прощения. Но тогда вы видите, что, как говорят о музыке, достаточно немного; и это можно сказать, я думаю, с еще большим основанием, о политической экономии. Я должен подумать. Но на самом деле я не знаю, как это сделать ...

Ф. Хорошенько обдумайте это. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы заметили, что ваш первый план решил проблему только отрицательно. Предотвратить утечку корон из страны - это способ предотвратить уменьшение богатства, но это не способ увеличить его.

Б. А! теперь я начинаю понимать ... кукуруза, которой позволили прорасти ... меня осенила блестящая идея ... изобретение гениально, средства безошибочны; я сейчас подхожу к нему.

Ф. Теперь я, в свою очередь, должен спросить вас - к чему?

Б. Ну, к средству увеличения количества наличных денег.

Ф. Как бы вы к этому отнеслись, будьте добры?

Б. Разве не очевидно, что если куча денег должна постоянно увеличиваться, то первое условие состоит в том, что из нее ничего нельзя брать?

Ф. Конечно.

Б. И второе, что в него постоянно должны вноситься дополнения?

Ф.. Чтобы быть уверенным.

Б. Тогда проблема будет решена, отрицательно или положительно, как говорят социалисты, если, с одной стороны, я не позволю иностранцу брать из нее, а с другой - обяжу его добавлять к ней.

Ф. Все лучше и лучше.

Б. И для этого должны быть приняты два простых закона, в которых наличные деньги даже не будут упоминаться. Согласно первому, моим подданным будет запрещено покупать что-либо за границей; а согласно другому, от них потребуют много продавать.

Ф. Хорошо продуманный план.

Б. Это что-то новое? Я должен получить патент на изобретение.

Ф. Вам не нужно делать ничего подобного; вас предупредили. Но вы должны позаботиться об одной вещи.

Б. Что это?

Ф. Я сделал тебя абсолютным королем. Я понимаю, что ты собираешься помешать своим подданным покупать иностранную продукцию. Будет достаточно, если ты запретишь им въезд в страну. Тридцать или сорок тысяч сотрудников таможни будут заниматься этим делом.

Б. Это было бы довольно дорого. Но что это значит? Деньги, которые они получают, не уйдут из страны.

Ф. Верно; и в этой системе это главное. Но как бы вы поступили, чтобы обеспечить продажу за границу?

Б. Я должен поощрять это призами, полученными за счет некоторых хороших налогов, взимаемых с моего народа.

Ф. В этом случае экспортеры, стесненные конкуренцией между собой, пропорционально снизили бы свои цены, и это было бы все равно что подарить иностранцу призы или налоги.

Б. Тем не менее, деньги не ушли бы из страны.

Ф. Конечно. Это понятно. Но если ваша система выгодна, короли вокруг вас примут ее. Они будут строить планы, сходные с вашими; у них будут свои таможенники, и они отвергнут вашу продукцию; так что у них, как и у вас, куча денег не может уменьшиться.

Б. У меня будет армия, и я преодолею их барьеры.

Ф. У них будет армия и они заставят вас.

Б. Я вооружу корабли, совершу завоевания, приобрету колонии и создам потребителей для моего народа, которые будут вынуждены есть нашу кукурузу и пить наше вино.

Ф. Другие короли сделают то же самое. Они будут оспаривать ваши завоевания, ваши колонии и ваших потребителей; тогда со всех сторон начнется война, и все будет в смятении.

Б. Я повышу свои налоги и увеличу число сотрудников моей таможни, моей армии и моего флота.

Ф. Остальные сделают то же самое.

Б. Я удвою свои усилия.

Ф. Остальные удвоят свои усилия. В то же время у нас нет доказательств, что вы преуспеете в крупных продажах.

Б. Это слишком верно. Было бы хорошо, если бы коммерческие усилия нейтрализовали друг друга.

Ф. И военные усилия также. И скажите мне, разве эти таможенные чиновники, солдаты и суда, эти гнетущие налоги, эта постоянная борьба с невозможным результатом, это постоянное состояние открытой или тайной войны со всем миром, разве они не являются логическим и неизбежным следствием принятия законодателями идеи, на которую, как вы признаете, не действует ни один человек, который сам себе хозяин, что "богатство - это наличные деньги; а увеличивать наличные деньги - значит увеличивать богатство"?

Б. Я согласен с этим. Либо аксиома верна, и тогда законодатель должен действовать так, как я описал, хотя следствием должна быть всеобщая война; либо она ложна; и в этом случае люди, уничтожая друг друга, губят только самих себя.

Ф. И помните, что до того, как вы стали королем, эта же аксиома логическим путем привела вас к следующим принципам: "То, что один приобретает, другой теряет". Выгода одного - это потеря другого, а эти максимы подразумевают неизбежный антагонизм между всеми людьми.

Б. Это слишком определено. Являюсь ли я философом или законодателем, рассуждаю ли я или действую в соответствии с принципом, что деньги - это богатство, я всегда прихожу к одному выводу или одному результату: всеобщая война. Хорошо, что вы указали на последствия, прежде чем начать обсуждение; в противном случае у меня никогда не хватило бы смелости последовать за вами до конца вашей экономической диссертации, поскольку, по правде говоря, она мне не очень по вкусу.

Ф. Что вы имеете в виду? Я как раз думал об этом, когда вы услышали, как я ворчу против денег! Я сокрушался о том, что моим соотечественникам не хватает смелости изучать то, что им так важно знать.

Б. И все же последствия ужасны.

Ф. Последствия! Пока я упомянул только об одном. Я мог бы рассказать вам о других, еще более роковых вещах.

Б. От тебя у меня волосы встают дыбом! Какое еще зло могло быть причинено человечеству этой путаницей между деньгами и богатством?

Ф. Мне потребовалось бы много времени, чтобы перечислить их. Это учение - одно из очень многочисленного семейства. Старейшая, с которой мы только что познакомились, называется *запретительной системой*; следующая - *колониальной системой*; третья - *ненавистью к капиталу*; вторая - *бумажными деньгами*.

Б. Что! бумажные деньги возникают из-за той же ошибки?

Ф. Да, напрямую. Когда законодатели, разорив людей войной и налогами, упорствуют в своей идее, они говорят себе: "Если люди страдают, то это потому, что им не хватает денег. Мы должны их заработать". И поскольку нелегко приумножать количество драгоценных металлов, особенно когда мнимые ресурсы сухого закона исчерпаны, они добавляют: "Мы будем делать фиктивные деньги, нет ничего проще, и тогда у каждого гражданина будет их полный кошелек, и все они разбогатеют".

Б. На самом деле, этот процесс более оперативный, чем другой, и тогда он не приводит к иностранной войне.

Ф. Нет, но это ведет к гражданской войне.

Б. Ты ворчун. Поторопись и докопайся до сути вопроса. Мне впервые не терпится узнать, являются ли деньги (или их признак) богатством.

Ф. Вы согласитесь, что мужчины не удовлетворяют ни одно из своих желаний немедленно с помощью коронных изделий. Если они голодны, им нужен хлеб; если они голые, им нужна одежда; если они больны, им нужны лекарства; если им холодно, им нужны кров и топливо; если они хотят учиться, у них должны быть книги; если они хотят путешествовать, у них должны быть средства передвижения - и так далее. Богатство страны заключается в изобилии и правильном распределении всех этих вещей. Отсюда вы можете понять и порадоваться ложности этой мрачной максимы Бэкона: *"То, что один человек приобретает, другой неизбежно теряет"*. Максима, выраженная Монтенем в еще более обескураживающей манере, в следующих словах: *"Выгода одного - это потеря другого"*. Когда Сим, Хам и Иафет разделили между собой обширные пустынные земли, они, несомненно, могли бы каждый из них строить, осушать землю, сеять, жать и получать улучшенное жилье, пищу и одежду, а также лучшее обучение, совершенствоваться и обогащаться - короче говоря, увеличивать свои удовольствия, не вызывая необходимого уменьшения соответствующих удовольствий своих братьев. То же самое происходит и с двумя нациями.

Б. Нет сомнений в том, что две нации, как и два человека, не связанные друг с другом, могут, работая больше и качественнее, процветать одновременно, не причиняя вреда друг другу. Это не то, что отрицается аксиомами Монтеня и Бэкона. Они только хотят сказать, что в сделках, которые происходят между двумя нациями или двумя людьми, если одна выигрывает, другой должен проиграть. И это самоочевидно, поскольку обмен сам по себе ничего не добавляет к массе тех полезных вещей, о которых вы говорили; ибо если после обмена окажется, что одна из сторон что-то приобрела, то другая, конечно, окажется, что что-то потеряла.

Ф. У вас сформировалось очень неполное, более того, ложное представление об обмене. Если Сим расположен на равнине, плодородной для кукурузы, Иафет - на склоне, приспособленном для выращивания виноградной лозы, Хам - на богатом пастбище, то различие их занятий, отнюдь не вредя никому из них, могло бы привести к большему процветанию всех троих. Так и должно быть на самом деле, ибо распределение труда, вводимое путем обмена, будет иметь результатом увеличение массы зерна, вина и мяса, которые производятся и которые должны быть разделены. Как может быть иначе, если вы допускаете свободу в этих сделках? С того момента, как кто-либо из братьев поймет, что труд в компании, так сказать, является постоянной потерей по сравнению с трудом в одиночку, он перестанет обмениваться. Обмен влечет за

собой право на нашу благодарность. Тот факт, что это было сделано, доказывает, что это хорошая вещь.

Б. Но аксиома бэкона верна в случае золота и серебра. Если мы допустим, что в определенный момент в мире существует определенное количество денег, то совершенно ясно, что один кошелек не может быть наполнен без опустошения другого.

Ф. И если золото считать богатством, то естественным выводом является то, что среди людей происходит смена состояния, но общего прогресса нет. Это именно то, что я сказал, когда начинал. Если, напротив, вы будете смотреть на изобилие полезных вещей, пригодных для удовлетворения наших потребностей и вкусов, как на истинное богатство, вы увидите, что возможно одновременное процветание. Наличные деньги служат только для облегчения передачи этих полезных вещей от одного к другому, что с равным успехом может быть осуществлено с помощью унции редкого металла, такого как золото, фунта более распространенного материала, такого как серебро, или сотни килограммов еще более распространенного металла, такого как медь. В соответствии с этим, если бы французы снова имели в своем распоряжении столько же всех этих полезных вещей, Франция была бы вдвое богаче, хотя количество наличных денег оставалось прежним; но это было бы не то же самое, если бы наличных денег было вдвое больше, поскольку в этом случае количество полезных вещей не увеличилось бы.

Б. Вопрос, требующий решения, заключается в том, не приводит ли наличие большего количества коронок именно к увеличению суммы полезных вещей?

Ф. Какая связь может быть между этими двумя терминами? Еда, одежда, дома, топливо - все это происходит от природы и от труда, от более или менее умелого труда, приложенного к более или менее либеральной природе.

Б. Вы забываете об одной великой силе, которая есть - обмен. Если вы признаете, что это сила, поскольку вы признали, что коронки способствуют этому, вы также должны признать, что они обладают косвенной производительной силой.

Ф. Но я добавил, что небольшое количество редкого металла облегчает сделки в той же степени, что и большое количество металла в изобилии; отсюда следует, что люди не обогащаются, если их *заставляют* отказываться от полезных вещей ради того, чтобы иметь больше денег.

Б. Таким образом, вы считаете, что сокровища, обнаруженные в Калифорнии, не увеличат богатство мира?

Ф. Я не верю, что в целом они многое добавят к удовольствиям, к реальному удовлетворению человечества. Если калифорнийское золото просто заменяет в мире то, что было утрачено и уничтожено, оно может найти свое применение. Если оно увеличит количество наличных денег, это приведет к их обесцениванию. Золотоискатели станут богаче, чем были бы без него. Но те, в чьем распоряжении находится золото на момент его обесценивания, получают меньшее вознаграждение за ту же сумму. Я рассматриваю это не как увеличение, а как вытеснение истинных богатств, как я их определил.

Б. Все это очень правдоподобно. Но вам нелегко убедить меня в том, что я не богаче (при прочих равных условиях), если у меня есть две кроны, чем если бы у меня была только одна.

Ф. Я этого не отрицаю.

Б. И то, что верно для меня, верно и для моего соседа, и для соседа моего соседа, и так далее, от одного к другому, по всей стране. Следовательно, если у каждого француза будет больше крон, Франция должна быть богаче.

Ф. И здесь вы впадаете в распространенную ошибку, заключая, что то, что затрагивает одного, затрагивает всех, и таким образом путаете отдельного человека с общими интересами.

Б. Что может быть более убедительным? То, что верно для одного, должно быть верно для всех! Что такое "все", как не совокупность индивидуумов? С таким же успехом вы могли бы сказать мне, что каждый француз мог бы внезапно вырасти на дюйм выше, без увеличения среднего роста французов.

Ф. Я согласен с вами, что ваши рассуждения кажутся здравыми, и именно поэтому иллюзия, которую они скрывают, так распространена. Однако давайте немного разберемся в этом. В игре участвовали десять человек. Для большей простоты они приняли план, согласно которому каждый брал по десять фишек и против них ставил сто франков под подсвечник, так что каждая фишка соответствовала десяти франкам. После игры выигрыш был скорректирован, и игроки взяли с подсвечника столько десяти франков, сколько соответствовало количеству фишек. Видя это, один из них, возможно, великий арифметик, но равнодушный к рассуждениям, сказал: "Джентльмены, опыт неизменно учит меня, что в конце игры я оказываюсь в выигрыше пропорционально количеству моих фишек. Разве вы не наблюдали то же самое по отношению к себе? Таким образом, то, что верно для меня, должно быть верно для каждого из вас, и *то, что верно для каждого, должно быть верно для всех*. Следовательно, мы все выиграли бы больше в конце игры, если бы у нас у всех было больше фишек. Сейчас нет ничего проще; нам нужно только распределить вдвое большее количество фишек". Так и было сделано; но когда игра была закончена и они пришли подсчитать выигрыш, оказалось, что тысяча франков под подсвечником не была чудесным образом приумножена, как того ожидали все. Их пришлось соответствующим образом разделить, и единственный полученный результат (достаточно химеричный) был таков: у каждого, правда, было двойное количество фишек, но каждая фишка, вместо того чтобы соответствовать *десяти* франкам, представляла собой только *пять*. Таким образом, было ясно показано, что то, что верно для каждого, не всегда верно для всех.

Б. Понятно; вы предполагаете общее увеличение счетчиков без соответствующего увеличения суммы, размещенной под свечой.

Ф. И вы предполагаете общее увеличение количества крон без соответствующего увеличения количества вещей, обмен которых способствуют эти кроны.

Б. Вы сравниваете заводные головки со счетчиками?

Ф. С любой другой точки зрения, конечно, нет; но в случае, который вы мне излагаете и против которого я вынужден возражать, я согласен. Обратите внимание на одну вещь. Для того чтобы в стране было общее увеличение количества крон, в этой стране должны быть рудники, или ее торговля должна быть такой, чтобы давать полезные вещи в обмен на наличные деньги. Помимо

этих двух обстоятельств, всеобщее увеличение невозможно, кроны только переходят из рук в руки; и в этом случае, хотя может быть совершенно верно, что каждый человек, взятый по отдельности, становится богаче пропорционально количеству имеющихся у него крон, мы не можем сделать вывод, который вы только что сделали, потому что на крону больше в одном кошельке, неизбежно на крону меньше в каком-то другом. Это то же самое, что и при вашем сравнении среднего роста. Если бы каждый из нас рос только за счет других, это было бы очень верно для каждого в отдельности, что он был бы выше, если бы у него был шанс, но это никогда не было бы верно для всего, взятого вместе.

Б. Пусть будет так: но в двух сделанных вами предположениях увеличение реально, и вы должны признать, что я прав.

Г. До определенного момента золото и серебро имеют ценность. Чтобы получить это, люди соглашались дарить полезные вещи, которые также имеют ценность. Следовательно, когда в стране есть рудники, если эта страна получает от них достаточно золота, чтобы приобрести полезную вещь из-за границы - например, локомотив, - она обогащается всеми удовольствиями, которые может обеспечить локомотив, точно так же, как если бы машина была сделана дома. Вопрос в том, затрачивает ли оно больше усилий в первом случае, чем во втором? Ибо, если бы она не экспортировала это золото, оно бы обесценилось, и произошло бы нечто худшее, чем то, что вы видите в Калифорнии, потому что там, по крайней мере, драгоценные металлы используются для покупки полезных вещей, произведенных в других местах. Тем не менее, по-прежнему существует опасность, что они могут умереть с голоду на кучах золота. Что было бы, если бы закон запретил экспорт? Что касается второго предположения - предположения о золоте, которое мы получаем путем торговли, - то оно является преимуществом или наоборот, в зависимости от того, более или менее нуждается в нем страна, по сравнению с ее потребностями в полезных вещах, от которых нужно отказаться, чтобы получить его. Судить об этом должен не закон, а те, кто в этом замешан; ибо если бы закон исходил из этого принципа, что золото предпочтительнее полезных вещей, какой бы ни была их стоимость, и если бы он действовал эффективно в этом смысле, это привело бы к превращению Франции в еще одну Калифорнию, где можно было бы потратить много наличных денег и ничего не купить. Это та же самая система, которую представляет Мидас.

Б. Импортируемое золото подразумевает, что *экспортируется полезная вещь*, и в этом отношении из страны выводится удовлетворение. Но разве нет соответствующей выгоды? И не станет ли это золото источником ряда новых удовольствий, переходя из рук в руки и побуждая к труду и прилежанию, пока, наконец, оно, в свою очередь, не покинет страну и не вызовет ввоз какой-нибудь полезной вещи?

Ф. Теперь вы подошли к сути вопроса. Правда ли, что корона - это принцип, который вызывает производство всех предметов, обмену которыми она способствует? Совершенно ясно, что монета в пять франков *стоит* всего пять франков; но нас заставляют поверить, что эта ценность имеет особый характер: что она не расходуется, как другие вещи, или что она истощается очень постепенно; что она как бы обновляется при каждой сделке; и что, в конце концов, эта монета стоила пять франков столько раз, сколько было совершено сделок, - что она сама по себе стоит всех вещей, на которые ее последовательно обменивали; и в это верят, потому что предполагается, что без этой монеты эти вещи никогда бы не были произведены. Говорят, сапожник продал бы меньше обуви, следовательно, он меньше покупал бы у мясника;

мясник не ходил бы так часто к бакалейщику, бакалейщик - к врачу, врач - к адвокату и так далее.

Б. Никто не может оспаривать это.

Г. Итак, настало время проанализировать истинное назначение наличных денег, независимо от добычи полезных ископаемых и импорта. У вас есть корона. Что она означает в ваших руках? Это, так сказать, свидетельство того, что вы в то или иное время выполняли какую-то работу, которую, вместо того чтобы извлечь из нее выгоду, вы посвятили обществу в лице вашего клиента. Эта корона свидетельствует о том, что вы оказали *услугу* обществу, и, более того, она показывает ее ценность. Кроме того, это свидетельствует о том, что вы еще не получили от общества *реальной* равноценной услуги, на которую вы имеете право. Чтобы дать вам возможность воспользоваться этим правом в нужное вам время и таким образом, как вам заблагорассудится, общество через вашего клиента дало вам признание, титул, привилегию республики, жетон, фактически корону, которые отличаются от титулов должностных лиц только тем, что несут в себе ценность сами по себе; и если вы сможете мысленным взором прочесть выбитые на них надписи, вы отчетливо расшифруете эти слова: *"Оплатите предъявителю услугу, эквивалентную той, которую он оказал обществу, причем полученная ценность будет показана, доказана и измерена тем, что является представлен мной."* Теперь ты отдаешь свою корону мне. Либо мое право собственности на него безвозмездно, либо это претензия. Если вы отдадите это мне в качестве оплаты за услугу, результатом будет следующее: - ваш счет в society for real satisfactions отрегулирован, сбалансирован и закрыт. Вы оказали ему услугу за корону, теперь вы возвращаете корону за услугу; что касается вас, то вы чисты. Что касается меня, я как раз в том положении, в котором вы только что были. Это я сейчас заранее благодарен обществу за услугу, которую я только что оказал ему в вашем лице. Я становлюсь его кредитором за стоимость работы, которую я выполнил для вас и которую я мог бы посвятить себе. Таким образом, право собственности на этот кредит - доказательство этого социального долга - должно перейти в мои руки. Вы не можете сказать, что я стал чуточку богаче; если я имею право получать, то это потому, что я отдал. Еще меньше можно сказать, что общество стало на корону богаче, потому что у одного из его членов корона больше, а у другого на одну меньше. Ибо, если вы отдадите мне эту корону даром, я, несомненно, стану намного богаче, но вы станете от этого намного беднее; и общественное богатство, взятое в совокупности, не претерпит никаких изменений, потому что, как я уже сказал, это состояние состоит в реальных услугах, в эффективном удовлетворении потребностей, в полезных вещах. Вы были кредитором общества, вы сделали меня заменой ваших прав, и для общества, которое обязано оказать услугу, мало что значит, выплачивает ли оно долг вам или мне. Эта сумма аннулируется, как только предъявителю требования будет выплачена оплата.

Б. Но если бы у всех нас было большое количество крон, мы получили бы от общества множество услуг. Разве это не было бы очень желательно?

Ф. Вы забываете, что в процессе, который я описал и который является картиной реальности, мы получаем услуги от общества только потому, что сами ему их оказали. Всякий, кто говорит о *услуге*, одновременно говорит об *услуге, полученной и возвращенной*, поскольку эти два термина подразумевают друг друга, так что одно всегда должно уравниваться другим. Общество не может оказывать больше услуг, чем оно получает, и все же это химера, к которой стремятся посредством увеличения количества монет, бумажных денег и т. Д.

Б. Все это кажется очень разумным в теории, но на практике, когда я вижу, как обстоят дела, я не могу отделаться от мысли, что, если бы по какому-нибудь счастливому стечению обстоятельств количество крон можно было бы умножить таким образом, чтобы каждый из нас мог видеть, как удваивается его небольшое имущество, мы все чувствовали бы себя более непринужденно; мы все совершали бы больше покупок, и торговля получила бы мощный стимул.

Г. Еще покупок! и что нам следует купить? Несомненно, полезные предметы - вещи, которые могут принести нам существенное удовлетворение, - такие как провизия, вещи, дома, книги, картины. Итак, вам следует начать с доказательства того, что все эти вещи создаются сами по себе; вы должны предположить, что Монетный двор переплавляет слитки золота, упавшие с Луны; или что в национальной типографии действует Комиссия ассигнаций; ибо вы не можете разумно полагать, что если количество зерна, ткани, кораблей, шляп и обуви остается прежним, доля каждого из нас может быть больше, потому что каждый из нас выходит на рынок с большим количеством реальных или фиктивных денег. Помните об игроках. В общественном порядке полезные вещи - это то, что работники кладут под подсвечник, а коронки, которые переходят из рук в руки, являются фишками. Если вы умножите франки, не умножая полезные вещи, единственным результатом будет то, что для каждого обмена потребуется больше франков, точно так же, как игрокам требовалось больше фишек для каждого депозита. У вас есть доказательство этого в том, что считается золотом, серебром и медью. Почему для одного и того же обмена требуется больше меди, чем серебра, больше серебра, чем золота? Не потому ли, что эти металлы распределены в мире в разных пропорциях? Какие у вас есть основания предполагать, что если бы золота внезапно стало так же много, как серебра, то для покупки дома не требовалось бы столько же одного, сколько другого?

Б. Возможно, вы правы, но я бы предпочел, чтобы вы ошибались. Посреди окружающих нас страданий, столь огорчительных самих по себе и столь опасных по своим последствиям, я нашел некоторое утешение в мысли, что существовал простой способ сделать счастливыми всех членов общины.

Г. Даже если бы золото и серебро были настоящими богатствами, было бы нелегко увеличить их количество в стране, где нет рудников.

Б. Нет, но легко заменить чем-то другим. Я согласен с вами, что золото и серебро могут принести лишь небольшую пользу, за исключением простого средства обмена. То же самое происходит с бумажными деньгами, банкнотами и т. д. Тогда, если бы у всех нас было вдоволь последнего, которое так легко создать, мы все могли бы покупать многое и ни в чем не нуждались бы. Ваша жестокая теория рассеивает надежды, иллюзии, если хотите, принцип которых, несомненно, очень филантропичен.

Ф. Да, как и все другие бесплодные мечты, созданные для содействия всеобщему счастью. Чрезвычайной простоты средств, которые вы рекомендуете, вполне достаточно, чтобы обнажить их пустоту. Верите ли вы, что если бы было просто необходимо печатать банкноты для удовлетворения всех наших потребностей, наших вкусов и вожделений, то человечество было бы удовлетворено тем, что существовало до сих пор, не прибегая к этому плану? Я согласен с вами, что открытие заманчиво. Оно немедленно изгнало бы из мира не только грабеж в его разнообразных и прискорбных формах, но даже сам труд, за исключением Комиссии ассигнаций. Но нам еще предстоит узнать, как ассигнациям удастся покупать дома, которые

никто бы не построил; зерно, которое никто бы не вырастил; ткани, которые никто бы не потрудился соткать.

Б. В ваших рассуждениях мне бросается в глаза одна вещь. Вы сами говорите, что если нет выигрыша, то, во всяком случае, нет потери в умножении инструмента обмена, как видно на примере игроков, которые были проиграны в результате очень мягкого обмана. Зачем же тогда отказываться от философского камня, который научил бы нас секрету превращения кремней в золото, а тем временем и в бумажные деньги? Неужели вы настолько слепо привержены своей логике, что откажетесь от эксперимента, в котором не может быть никакого риска? Если вы ошибаетесь, вы лишаете нацию, как считают ваши многочисленные противники, огромного преимущества. Если ошибка на их стороне, то, как вы сами говорите, никакого вреда не может быть, кроме крушения надежд. Показатель, отличный, по их мнению, по вашему, отрицательный. Тогда пусть это будет испытано, поскольку худшее, что может случиться, - это не осознание зла, а нереализация блага.

Ф. Во-первых, крушение надежды - это очень большое несчастье для любого народа. Также крайне нежелательно, чтобы правительство объявило о повторном введении нескольких налогов в расчете на ресурс, который неизбежно выйдет из строя. Тем не менее, ваше замечание заслуживало бы некоторого внимания, если бы после выпуска бумажных денег и их обесценивания равновесие ценностей произошло мгновенно и одновременно во всех вещах и в каждой части страны. Мера привела бы, как в моем примере с игроками, к всеобщей мистификации, при которой лучшее, что мы могли бы сделать, - это смотреть друг на друга и смеяться. Но это не входит в ход событий. Эксперимент был проведен, и каждый раз, когда деспот менял деньги...

Б. Кто говорит что-нибудь об изменении денежного обращения?

Ф. Ведь заставлять людей принимать в уплату клочки бумаги, которые были официально окрещены *франками*, или заставлять их получать весом в пять гранов серебряную монету, которая весит всего два с половиной, но которая официально названа *франком*, - это одно и то же, если не хуже; и все доводы, которые можно привести в пользу ассигнаций, были сделаны в пользу легальных фальшивых денег. Конечно, глядя на это, как вы это сделали только что и, по-видимому, делаете до сих пор, если верить, что умножение инструментов обмена означает умножение самих обменов, а также обмениваемых вещей, то вполне разумно можно было бы подумать, что самым простым средством было удвоить кроны и заставить закон присвоить половине название и ценность целого. Что ж, в обоих случаях обесценивание неизбежно. Думаю, я объяснил вам причину. Я должен также сообщить вам, что это обесценивание, которое с бумагой могло бы продолжаться до тех пор, пока не сошло бы на нет, осуществляется путем постоянного обмана; и среди них бедняки, простые люди, рабочие и крестьяне являются главными.

Б. Я понимаю; но остановись ненадолго. Эта доза экономии слишком велика для этого раза.

Ф. Да будет так. Итак, мы согласны в том, что богатство - это масса полезных вещей, которые мы производим своим трудом; или, еще лучше, результат всех усилий, которые мы прилагаем для удовлетворения наших потребностей и вкусов. Эти полезные вещи обмениваются друг на друга в соответствии с удобством тех, кому они принадлежат. Эти транзакции имеют две формы; одна называется бартерной: в этом случае услуга оказывается ради немедленного получения

эквивалентной услуги. В этой форме транзакции были бы чрезвычайно ограничены. Для того, чтобы их можно было умножать и осуществлять независимо от времени и пространства среди неизвестных друг другу людей и бесконечными долями, был необходим промежуточный агент - наличные деньги. Это дает повод для обмена, который является не чем иным, как сложной сделкой. Это то, что нужно заметить и понять. Обмен распадается на две сделки, на двух действующих лиц, продажу и покупку, воссоединение которых необходимо для его завершения. Вы *продаете* услугу и получаете корону - затем на эту корону вы *покупаете* услугу. Только тогда сделка будет завершена; только после этого за вашими усилиями последует настоящее удовлетворение. Очевидно, вы работаете только для того, чтобы удовлетворить желания других, чтобы другие могли работать для удовлетворения ваших. Пока у вас есть только корона, которая была дана вам за вашу работу, вы имеете право претендовать только на работу другого человека. Когда вы сделаете это, экономическая эволюция в том, что касается вас, будет завершена, поскольку только тогда вы получите истинное удовлетворение, истинную награду за свои труды. Идея сделки подразумевает оказанную услугу и услугу полученную. Почему бы не быть таким же с обменом, который представляет собой просто сделку, состоящую из двух частей? И здесь следует сделать два замечания. Во-первых, очень неважно, много или мало наличных денег в мире. Если их много, многое требуется; если их мало, мало чего требуется для каждой транзакции: вот и все. Второе наблюдение заключается в следующем: Поскольку очевидно, что наличные деньги всегда появляются при каждом обмене, их стали рассматривать как *знак* и *меру* обмениваемых вещей.

Б. Будете ли вы по-прежнему отрицать, что наличные деньги являются *признаком* полезных вещей, о которых вы говорите?

Ф. ⁶ луидоров - не более знак мешка кукурузы, чем мешок кукурузы - знак луидора.

Б. Что плохого в том, чтобы смотреть на наличные как на признак богатства?

Ф. Неудобство заключается в следующем: оно наводит на мысль, что нам нужно только увеличить знак, чтобы увеличить означаемые вещи; и мы рискуем принять все те ложные меры, которые вы приняли, когда я сделал вас абсолютным королем. Мы должны пойти еще дальше. Точно так же, как в деньгах мы видим признак богатства, мы видим также и в бумажных деньгах признак денег; и отсюда делаем вывод, что существует очень легкий и незатейливый способ обеспечить каждому удовольствие от удачи.

Б. Но вы же не зайдете так далеко, чтобы оспаривать, что наличные деньги являются *мерилом* ценностей?

Ф. Да, конечно, я действительно зашел так далеко, ибо именно в этом заключается иллюзия. Стало обычным относить стоимость всего к стоимости наличных денег. Говорят, что это *стоит* пять, десять или двадцать франков, как мы говорим, что это *весит* пять, десять или двадцать зерен; это *измеряет* пять, десять или двадцать ярдов; эта земля *содержит* пять, десять или двадцать акров; и отсюда был сделан вывод, что наличные деньги являются *мерой* ценностей.,,

Б. Что ж, похоже, что так оно и было.

Ф. Да, похоже на то, и именно на это я жалуюсь, а не на реальность. Мера длины, размера, поверхности - это согласованное и неизменяемое количество. Со стоимостью золота и серебра дело обстоит иначе. Оно варьируется в той же степени, что и зерно, вино, ткань или рабочая

сила, и обусловлено теми же причинами, поскольку имеет тот же источник и подчиняется тем же законам. Золото, как и железо, оказывается в пределах нашей досягаемости благодаря труду шахтеров, достижениям капиталистов и сотрудничеству торговцев и моряков. Он стоит больше или меньше, в зависимости от затрат на его производство, в зависимости от того, много его или мало на рынке и велик ли на него спрос; одним словом, он подвергается колебаниям, характерным для всех других видов человеческой продукции. Но одно обстоятельство является исключительным и приводит ко многим ошибкам. Когда стоимость наличных денег меняется, язык приписывает это изменение другим продуктам, на которые они обмениваются. Таким образом, давайте предположим, что все обстоятельства, связанные с золотом, остаются прежними, и что урожай кукурузы не удался. Цена на кукурузу вырастет. Скажут: "Четвертинка зерна, которая раньше стоила двадцать франков, теперь стоит тридцать"; и это будет правильно, потому что изменилась именно стоимость зерна, и формулировки согласуются с этим фактом. Но давайте изменим предположение на противоположное: давайте предположим, что все обстоятельства, связанные с зерном, остаются прежними и что половина всего существующего золота поглощается; на этот раз вырастет цена на золото. Казалось бы, мы должны сказать: "Этот Наполеон, который *стоил* двадцать франков, *теперь стоит* сорок". Итак, знаете ли вы, как это выражается? Точно так же, как если бы подешевели другие объекты сравнения, говорится: "Кукуруза, которая *стоила* двадцать франков, *теперь стоит* всего десять".

Б. В конце концов все сводится к одному и тому же.

Ф. Без сомнения; но только подумайте, какие беспорядки, какой обман возникают при обмене, когда стоимость посредника меняется, а мы не осознаем этого из-за изменения названия. Выпускаются старые монеты или банкноты номиналом в двадцать *франков*, которые будут носить это наименование при каждом последующем обесценивании. Стоимость будет снижена на четверть, на половину, но они по-прежнему будут называться *штуками* или *банкнотами по двадцать франков*. Умные люди позаботятся о том, чтобы не расставаться со своим товаром, кроме как за большее количество банкнот, - другими словами, они будут просить сорок франков за то, что раньше продали бы за двадцать; но простые люди попадутся на удочку. Должно пройти много лет, прежде чем все ценности обретут свой должный уровень. Под влиянием невежества *иобычаев* поденная плата сельского рабочего будет долгое время оставаться на уровне франка, в то время как товарная цена всех окружающих его предметов потребления будет расти. Он погрузится в нищету, так и не сумев обнаружить причину. Короче говоря, поскольку вы хотите, чтобы я закончил, я должен просить вас, прежде чем мы расстанемся, сосредоточить все ваше внимание на этом существенном моменте: когда однажды фальшивые деньги (в какой бы форме они ни принимались) будут пущены в обращение, последует обесценивание, которое проявится во всеобщем повышении стоимости каждой вещи, которую можно продать. Но этот рост цен не является мгновенным и равным для всех вещей. Ловкие люди, брокеры и деловые люди от этого не пострадают, ибо это их профессия - наблюдать за колебаниями цен, выявлять причину и даже спекулировать на ней. Но мелкие торговцы, деревенские жители и рабочие будут нести всю тяжесть этого. Богатый человек от этого не становится богаче, но бедный человек становится от этого беднее. Следовательно, средства такого рода увеличивают дистанцию, отделяющую богатство от бедности, парализуют социальные тенденции, которые постоянно ставят людей на один уровень, и страждущим классам потребуются столетия, чтобы восстановить почву, которую они потеряли в своем продвижении *к равенству условий*.

Б. Доброе утро; Я пойду поразмыслю над лекцией, которую вы мне прочитали.

Ф. Вы закончили свою диссертацию? Что касается меня, то я едва начал свою. Я еще не говорил о *ненависти* к капиталу, к безвозмездному кредитованию - фатальной идее, прискорбной ошибке, которая берет свое начало из того же источника.

Б. Что! возникает ли это ужасное восстание населения против капиталистов из-за того, что деньги путают с богатством?

Ф. Это результат разных причин. К сожалению, некоторые капиталисты присвоили себе монополии и привилегии, которых вполне достаточно, чтобы объяснить это чувство. Но когда теоретики демократии захотели обосновать ее, систематизировать, придать ей видимость разумного мнения и обратить ее против самой природы капитала, они прибегли к той ложной политической экономии, в основе которой всегда лежит одна и та же путаница. Они сказали людям: "Возьмите крону, положите ее под стекло; забудьте о ней на год; затем пойдите и посмотрите на нее, и вы убедитесь, что она не принесла ни десяти су, ни пяти су, ни какой-либо доли су. Следовательно, деньги не приносят никакого интереса". Затем, заменив слово "деньги" его мнимым знаком, *капиталом*, они, следуя своей логике, заставили его претерпеть такую модификацию: "Тогда капитал не производит процента". Затем следуйте этой серии следствий: "Следовательно, тот, кто ссужает капитал, ничего не должен с него получать; следовательно, тот, кто ссужает вам капитал, если он что-то с его помощью приобретает, грабит вас; следовательно, все капиталисты - грабители; следовательно, богатство, которое должно безвозмездно служить тем, кто его ссужает, на самом деле принадлежит тем, кому оно не принадлежит; следовательно, нет такой вещи, как собственность; следовательно, все принадлежит всем; следовательно..."

Б. Это очень серьезно; тем более, что силлогизм составлен столь превосходно. Я бы очень хотел, чтобы меня просветили на этот счет. Но, увы! Я больше не могу управлять своим вниманием. В моей голове такая путаница из слов *наличные, деньги, услуги, капитал, проценты*, что, честно говоря, я едва понимаю, где нахожусь. Мы, если вы не возражаете, продолжим разговор в другой раз.

Ф. А пока вот небольшая работа, озаглавленная *Капитал и рента*. Возможно, это развеет некоторые ваши сомнения. Просто взгляните на это, когда вам захочется немного развлечься.

Б. Чтобы позабавить меня?

Ф. Кто знает? Один гвоздь вбивает другой; одно утомительное занятие отталкивает другое.

Б. Я еще не решил, верны ли ваши взгляды на наличные деньги и политическую экономию в целом. Но из вашего разговора я понял вот что: эти вопросы имеют высочайшую важность, поскольку мир или война, порядок или анархия, союз или антагонизм граждан лежат в основе ответа на них. Как получилось, что во Франции о науке, которая так близко касается всех нас и распространение которой оказало бы столь решающее влияние на судьбу человечества, известно так мало? Может быть, дело в том, что государство недостаточно учит этому?

Ф. Не совсем. Ибо, не подозревая об этом, она стремится нагрузить мозг каждого человека предрассудками, а сердце каждого - чувствами, благоприятствующими духу анархии, войны и

ненависти; так что, когда появляется доктрина порядка, мира и единения, напрасно, что на ее стороне ясность и истина - она не может получить признания.

Б. Определенно, ты ужасный ворчун. Какой интерес может быть у государства в мистификации интеллекта людей в угоду революциям, гражданским и иностранным войнам? В том, что вы говорите, безусловно, есть большое преувеличение.

Ф. Подумайте. В период, когда наши интеллектуальные способности начинают развиваться сами по себе, в возрасте, когда впечатления наиболее живые, когда привычки ума формируются с наибольшей легкостью, когда мы можем взглянуть на общество и понять его, - одним словом, как только нам исполняется семь или восемь лет, что делает государство? Это накладывает повязку на наши глаза, мягко уводит нас из окружающего нас социального круга, чтобы погрузить нас, с нашими восприимчивыми способностями, нашими впечатлительными сердцами, в гущу римского общества. Это удерживает нас там по меньшей мере десять лет, достаточно долго, чтобы произвести неизгладимое впечатление на мозг. Теперь обратите внимание, что римское общество прямо противоположно тому, каким должно быть наше общество. Там они жили войной; здесь мы должны ненавидеть войну. Там они ненавидели труд; здесь мы должны жить трудом. Там средства существования были основаны на рабстве и грабежах; здесь их следовало черпать из свободной промышленности. Римское общество было организовано в соответствии с его принципами. Оно неизбежно восхищалось тем, что обеспечивало его процветание. Там они считали добродетелью то, что мы считаем пороком. Его поэты и историки должны были превозносить то, что нам следовало бы презирать. Те самые слова, *свобода, порядок, справедливость, народ, честь, влияние, и т. д.*, не могла же значения в Рим, как они есть, или должно быть, в Париже. Как вы можете ожидать, что все эти юноши, окончившие университеты или монастырские школы, изучавшие катехизис Ливия и Квинта Курция, не поймут свободы, как Гракхи, добродетели, как Катон, патриотизма, как Цезарь? Как вы можете ожидать, что они не будут расколотыми и воинственными? Как вы можете ожидать, что они проявят хоть малейший интерес к механизму нашего общественного устройства? Вы думаете, их умы были готовы понять это? Разве вы не видите, что для этого они должны избавиться от своих нынешних впечатлений и принять другие, полностью противоположные им?

Б. Какой вы из этого делаете вывод?

Ф. Я расскажу тебе. Самая насущная необходимость заключается не в том, чтобы государство учило, а в том, чтобы оно *разрешало* образование. Все монополии отвратительны, но хуже всего монополия на образование.

Закон.

Закон извращен! Закон - и, вслед за ним, все коллективные силы нации - закон, говорю я, не только отклонили от его надлежащего направления, но и заставили следовать совершенно противоположному! Закон стал орудием всякого рода алчности, вместо того, чтобы сдерживать ее! Закон виновен в том самом беззаконии, наказать которое было его миссией! Поистине, это серьезный факт, если он существует, и я считаю своим долгом привлечь к нему внимание моих сограждан.

Мы обладаем от Бога даром, который, насколько нам известно, содержит в себе все остальные, Жизнь - физической, интеллектуальной и нравственной.

Но жизнь не может поддерживать саму себя. Тот, кто даровал ее, доверил нам заботу о ее поддержании, развитии и совершенствовании. С этой целью Он наделил нас набором замечательных способностей; Он погрузил нас в гущу разнообразных элементов. Именно благодаря применению наших способностей к этим элементам реализуются явления ассимиляции и присвоения, благодаря которым жизнь движется по отведенному ей кругу.

Существование, способности, ассимиляция - другими словами, личность, свобода, собственность - это и есть человек. Именно об этих трех вещах можно сказать, отбросив все демагогические тонкости, что они предшествуют всему человеческому законодательству и превосходят его.

Личность, свобода и собственность существуют не потому, что люди создали законы. Напротив, именно потому, что личность, свобода и собственность существуют заранее, люди создают законы.

Что же тогда такое закон? Как я уже говорил в другом месте, это коллективная организация индивидуального права на законную защиту.

Природа, или, скорее, Бог, даровала каждому из нас право защищать свою личность, свою свободу и свою собственность, поскольку это три составляющих или сохраняющих элемента жизни; элементы, каждый из которых дополняется другими и не может быть понят без них. Ибо что такое наши способности, как не продолжение нашей личности? и что такое собственность, как не продолжение наших способностей?

Если каждый человек имеет право защищать, даже силой, свою личность, свою свободу и свою собственность, то некоторое количество людей имеет право объединяться, расширять, организовывать общие силы, регулярно обеспечивать эту защиту.

Таким образом, коллективное право имеет свой принцип, свою причину существования, свою законность в индивидуальном праве; и общая сила не может рационально иметь никакой другой цели или какой-либо другой миссии, кроме как у изолированных сил, которыми она заменяется. Таким образом, поскольку сила отдельного человека не может законно затрагивать личность, свободу или собственность другого человека, по той же причине общая сила не может быть законно использована для уничтожения личности, свободы или собственности отдельных лиц или классов.

Ибо это извращение силы было бы, как в одном случае, так и в другом, противоречащим нашим предпосылкам. Ибо кто осмелится сказать, что сила была дана нам не для защиты наших прав, а для уничтожения равных прав наших братьев? И если это не верно для каждой индивидуальной силы, действующей независимо, то как это может быть верно для коллективной силы, которая является всего лишь организованным союзом изолированных сил?

Следовательно, ничто не может быть более очевидным, чем следующее: закон - это организация естественного права на законную защиту; это замена коллективных сил индивидуальными с целью действовать в сфере, в которой они имеют право действовать,

делать то, на что они имеют право, защищать людей, свободы и собственность и поддерживать каждого в его праве, чтобы справедливость воцарилась над всеми.

И если бы существовал народ, основанный на этой основе, мне кажется, что среди них воцарился бы порядок как в их действиях, так и в их идеях. Мне кажется, что у такого народа было бы самое простое, самое экономичное, наименее деспотичное, наименее ощутимое, наименее ответственное, самое справедливое и, следовательно, самое прочное правительство, какое только можно себе представить, какой бы ни была его политическая форма.

Ибо при таком управлении каждый чувствовал бы, что он обладает всей полнотой, а также всей ответственностью за свое существование. До тех пор, пока будет обеспечена личная безопасность, пока труд будет бесплатным, а плоды труда защищены от всех несправедливых посягательств, ни у кого не будет никаких трудностей в государстве. Когда мы процветаем, нам, правда, не следует благодарить государство за наш успех; но когда нам не везет, мы не должны больше думать о том, чтобы обвинять его в наших бедствиях, чем наши крестьяне думают о том, чтобы приписывать ему приход града или мороза. Мы должны знать это только благодаря неоценимому благословению Безопасности.

Далее можно утверждать, что благодаря невмешательству государства в частные дела наши потребности и их удовлетворение развивались бы сами собой в их естественном порядке. Мы не должны видеть бедных семей, стремящихся получить литературное образование до того, как их снабдят хлебом. Мы не должны видеть, как города заселяются за счет сельских округов, а сельские округа - за счет городов. Мы не должны были бы видеть тех огромных перемещений капитала, рабочей силы и населения, которые вызывают законодательные меры; перемещений, которые делают столь неопределенными и ненадежными сами источники существования и, таким образом, до такой степени усугубляют ответственность правительств.

К сожалению, юриспруденция ни в коем случае не ограничивается своим отделом. И дело не только в некоторых безразличных и спорных взглядах на то, что она покинула свою надлежащую сферу. Он сделал нечто большее, чем это. Оно действовало в прямом противоречии со своей истинной целью; оно разрушило свою собственную цель; оно использовалось для уничтожения справедливости, которую оно должно было установить, для стирания среди Прав тех ограничений, соблюдение которых было его истинной миссией; оно поставило коллективную силу на службу тем, кто хочет без риска и угрызений совести торговать личностями, свободой и собственностью других; оно превратило грабеж в право, чтобы оно могло его защищать, а законную защиту - в преступление, чтобы оно могло его наказывать.

Как было совершено это извращение закона? И к чему это привело?

Закон был извращен под влиянием двух совершенно разных причин - голого эгоизма и ложной филантропии.

Давайте поговорим о первом.

Самосохранение и развитие - это общее стремление всех людей, и если бы каждый наслаждался свободным проявлением своих способностей и свободным распоряжением их плодами, социальный прогресс был бы непрерывным, непрестанным, неизбежным.

Но есть и другая общая для них склонность. Это жить и развиваться, когда они могут, за счет друг друга. Это не опрометчивое обвинение, исходящее от мрачного, безжалостного духа. История свидетельствует об истинности этого непрекращающимися войнами, переселениями рас, притеснениями священнослужителей, повсеместным распространением рабства, мошенничеством в торговле и монополиями, которыми изобилуют ее анналы. Это фатальное предрасположение берет свое начало в самом строении человека - в том примитивном, универсальном и непобедимом чувстве, которое побуждает его стремиться к своему благополучию и заставляет его избегать боли.

Человек может извлекать жизнь и наслаждение только из постоянного поиска и присвоения, то есть из постоянного приложения своих способностей к объектам или к труду. Таково происхождение собственности.

Но все же он может жить и наслаждаться, захватывая и присваивая плоды способностей своих собратьев. Таково происхождение грабежа.

Итак, поскольку труд сам по себе причиняет боль, а человек от природы склонен избегать боли, из этого следует, и история это доказывает, что везде, где грабеж менее обременителен, чем труд, он преобладает; и ни религия, ни мораль не могут в данном случае помешать ему восторжествовать.

Когда же тогда прекратится грабеж? Когда он станет менее обременительным и более опасным, чем труд. Совершенно очевидно, что истинная цель закона состоит в том, чтобы противопоставить этой пагубной тенденции мощное препятствие в виде коллективной силы; что все его меры должны быть направлены в пользу собственности и против грабежа.

Но закон, как правило, устанавливается одним человеком или одним классом людей. И поскольку закон не может существовать без санкции и поддержки доминирующей силы, он должен, наконец, передать эту силу в руки тех, кто издает законы.

Это неизбежное явление в сочетании с фатальной тенденцией, которая, как мы уже говорили, существует в сердце человека, объясняет почти повсеместное извращение закона. Легко представить, что вместо того, чтобы быть сдерживающим фактором несправедливости, она становится ее самым непобедимым инструментом. Легко представить, что, согласно власти законодателя, оно уничтожает для своей собственной выгоды и в разной степени среди остальной части общества личную независимость посредством рабства, свободу - путем угнетения, а собственность - путем грабежа.

В природе людей - восстать против несправедливости, жертвами которой они являются. Следовательно, когда грабеж организуется законом в интересах тех, кто его совершает, все ограбленные классы стремятся мирным или революционным путем каким-либо образом участвовать в производстве законов. Эти классы, в зависимости от степени просвещенности, которой они достигли, могут ставить перед собой две совершенно разные цели, когда они таким образом пытаются добиться своих политических прав: либо они могут пожелать положить конец законному грабежу, либо они могут пожелать принять в нем участие.

Горе нации, где эта последняя мысль преобладает в массах в тот момент, когда они, в свою очередь, захватывают законодательную власть!

До этого времени законный грабеж осуществлялся немногими против многих, как это имеет место в странах, где законодательное право ограничено несколькими руками. Но теперь это стало всеобщим, и равновесие ищут во всеобщем грабеже. Несправедливость, присущая обществу, вместо того, чтобы быть искорененной из него, носит всеобщий характер. Как только пострадавшие классы восстановят свои политические права, их первой мыслью будет не отмена грабежа (это предполагало бы, что они обладают просвещением, которого у них быть не может), а организация против других классов и в ущерб им самим системы репрессий, - как будто необходимо, прежде чем наступит царство справедливости, чтобы все подверглись жестокому возмездию, - одни за свои беззакония, а другие за свое невежество.

Следовательно, было бы невозможно внести в общество большее изменение и большее зло, чем это, - превращение закона в орудие грабежа.

Каковы были бы последствия такого извращения? Потребовались бы тома, чтобы описать их все. Мы должны довольствоваться указанием на наиболее поразительные.

Во-первых, это стерло бы из сознания каждого различие между справедливостью и несправедливостью.

Ни одно общество не может существовать без соблюдения законов в определенной степени, но самый безопасный способ добиться их соблюдения - это сделать их респектабельными. Когда закон и мораль противоречат друг другу, гражданин оказывается перед жестокой альтернативой: либо потерять свое моральное чувство, либо утратить уважение к закону - два равноценных зла, между которыми было бы трудно сделать выбор.

Поддерживать справедливость настолько заложено в природе закона, что в сознании масс это одно и то же. В каждом из нас есть сильная склонность считать законным то, что является законным, настолько, что многие ложно выводят всю справедливость из закона. Таким образом, достаточно, чтобы закон предписывал и санкционировал грабеж, чтобы он казался многим людям справедливым и священным. Рабство, защита и монополия находят защитников не только в тех, кто извлекает из них выгоду, но и в тех, кто от них страдает. Если вы ставите под сомнение нравственность этих институтов, вам прямо говорят: "Вы опасный новатор, утопист, теоретик, презирующий законы; вы хотите поколебать основы, на которых держится общество".

Если вы читаете лекции по морали или политической экономии, будут найдены официальные органы, которые обратятся к правительству с такой просьбой:

"Отныне наука должна преподаваться не только исключительно в отношении свободного обмена (свободы, собственности и справедливости), как это имело место до настоящего времени, но также, и особенно, в отношении фактов и законодательства (противоречащих свободе, собственности и справедливости), которые регулируют французскую промышленность.

"Что на публичных кафедрах, оплачиваемых казначейством, профессора строго воздерживаются от того, чтобы хоть в малейшей степени ставить под угрозу уважение, должное действующим законам".⁷

Таким образом, если существует закон, который санкционирует рабство или монополию, угнетение или грабеж в какой бы то ни было форме, о нем не следует даже упоминать - ибо как

его можно упомянуть, не повредив тому уважению, которое он внушает? Далее, мораль и политическая экономия должны преподаваться в связи с этим законом, то есть в предположении, что он должен быть справедливым только потому, что это закон.

Другим следствием этого прискорбного извращения закона является то, что оно придает человеческим страстям, политической борьбе и вообще политике, как ее правильно называть, преувеличенное значение.

Я мог бы доказать это утверждение тысячью способов. Но я ограничусь тем, что в качестве иллюстрации приведу это в соответствие с темой, которая в последнее время занимала умы всех, - всеобщим избирательным правом.

Что бы ни думали об этом адепты школы Руссо, которая утверждает, что *очень продвинулась* вперед, но которую я считаю отсталой на двадцать веков, *всеобщее* избирательное право (если брать это слово в самом строгом смысле) не является одной из тех священных догм, по отношению к которым проверка и сомнение являются преступлениями.

Против этого могут быть выдвинуты серьезные возражения.

Во-первых, слово *универсальный* скрывает грубый софизм. Во Франции 36 000 000 жителей. Чтобы сделать избирательное право всеобщим, необходимо учесть 36 000 000 избирателей. Самая расширенная система учитывает только 9 000 000. Таким образом, три человека из четырех исключаются; и более того, они исключаются четвертым. На каком принципе основано это исключение? На принципе недееспособности. Всеобщее избирательное право, таким образом, означает - всеобщее избирательное право тех, кто способен. На самом деле, кто такие дееспособные? Являются ли возраст, пол и судебное решение единственными условиями, при которых может быть установлена недееспособность?

При более внимательном рассмотрении предмета мы можем вскоре понять мотив, заставляющий избирательное право зависеть от презумпции недееспособности; наиболее распространенная система отличается только в этом отношении от наиболее ограниченной оценкой тех условий, от которых зависит эта недееспособность и которые представляют собой различие не в принципе, а в степени.

Этот мотив заключается в том, что избиратель оговаривает условия не для себя, а для всех.

Если бы, как утверждают республиканцы греческого и римского толка, избирательное право выпало на долю каждого при его рождении, было бы несправедливо по отношению к взрослым препятствовать женщинам и детям голосовать. Почему им препятствуют? Потому что предполагается, что они недееспособны. И почему недееспособность является мотивом для исключения? Потому что избиратель не в одиночку несет ответственность за свой голос; потому что каждый голос затрагивает сообщество в целом; потому что сообщество имеет право требовать определенных гарантий в отношении действий, от которых зависит его благополучие и само существование.

Я знаю, что можно было бы сказать в ответ на это. Я знаю, что можно было бы возразить. Но здесь не место исчерпывать спор такого рода. Я хочу заметить, что тот же самый спор (как и большая часть политических вопросов), который волнует и выбивает из колеи народы, потерял бы почти всю свою важность, если бы закон всегда был таким, каким он должен быть.

В самом деле, если бы закон ограничивался обеспечением уважения всех людей, всех свобод и всей собственности - если бы это была просто организация индивидуальных прав и индивидуальной защиты - если бы это было препятствием, сдерживанием, наказанием, противостоящим всякому угнетению, всякому грабежу, - вероятно ли, что мы, как граждане, стали бы много спорить по поводу большей или меньшей универсальности избирательного права? Вероятно ли, что это поставило бы под угрозу величайшее из преимуществ - общественный покой? Вероятно ли, что исключенные классы не стали бы спокойно ждать своей очереди? Вероятно ли, что свободные классы будут очень ревниво относиться к своим привилегиям? И разве не ясно, что поскольку интерес у всех один и тот же, одни будут действовать без особых неудобств для других?

Но если будет введен фатальный принцип, согласно которому под предлогом организации, регулирования, защиты или поощрения закон может отнимать у одной партии, чтобы передать другой, присваивать себе богатство, приобретенное всеми классами, чтобы увеличить богатство одного класса, будь то земледельцы, фабриканты, судовладельцы или артисты и комедианты; тогда, конечно, в этом случае не найдется класса, который не претендовал бы и не без оснований, наложить руку на закон, который не требовал бы с яростью своего права избрания и приемлемости, и который скорее перевернуло бы общество, чем не получило бы его. Даже нищие и бродяги докажут вам, что у них есть неоспоримое право на это. Они скажут: "Мы никогда не покупаем вино, табак или соль, не заплатив налога, и часть этого налога предоставляется законом в виде льгот и чаевых людям, которые богаче нас. Другие используют закон для искусственного повышения цен на хлеб, мясо, железо или ткань. Поскольку каждый действует по закону ради собственной выгоды, мы хотели бы поступить так же. Мы хотели бы, чтобы это обеспечило *право на помощь*, которое является добычей бедняка. Чтобы добиться этого, мы должны быть выборщиками и законодателями, чтобы мы могли организовать в больших масштабах раздачу милостыни для нашего собственного класса, как вы организовали в больших масштабах защиту для вашего. Только не говорите нам, что вы возьмете наше дело на себя и бросите нам 600 000 франков, чтобы заставить нас молчать, как будто даете нам кость для подбора. У нас есть другие претензии, и, во всяком случае, мы хотим оговорить их для себя, как другие классы оговорили для себя!" Как ответить на этот аргумент? Да, до тех пор, пока признается, что закон может отклоняться от своей истинной миссии, что он может посягать на собственность вместо того, чтобы охранять ее, каждый будет стремиться создать закон, либо чтобы защититься от грабежа, либо организовать его для своей собственной выгоды. Политический вопрос всегда будет предвзятым, преобладающим и поглощающим; одним словом, борьба будет вестись у дверей Законодательного дворца. Борьба внутри него будет не менее яростной. Чтобы убедиться в этом, вряд ли нужно смотреть на то, что происходит в Палатах во Франции и в Англии; достаточно знать, как стоит вопрос.

Есть ли необходимость доказывать, что это отвратительное извращение закона является постоянным источником ненависти и раздора, что оно даже ведет к социальной дезорганизации? Посмотрите на Соединенные Штаты. В мире нет страны, где закон соблюдался бы в большей степени в пределах своей компетенции, то есть для обеспечения каждому его свободы и собственности. Следовательно, в мире нет страны, где общественный порядок, по-видимому, покоился бы на более прочной основе. Тем не менее, даже в Соединенных Штатах есть два вопроса, и только два, которые с самого начала ставили под угрозу политический порядок. И что это за два вопроса? Вопрос о рабстве и вопрос о тарифах; это как раз те два вопроса, в которых, вопреки общему духу этой республики, закон принял

характер грабителя. Рабство - это санкционированное законом нарушение прав личности. Защита - это совершаемое законом нарушение прав собственности; и, конечно, очень примечательно, что посреди стольких других дебатов это двойное*юридическое бедствие*, печальное наследие Старого Света, должно быть единственным, которое может и, возможно, приведет к разрыву Союза. В самом деле, невозможно представить себе более поразительный факт в сердце общества, чем этот:*закон должен был стать инструментом несправедливости*. И если этот факт влечет за собой столь серьезные последствия для Соединенных Штатов, где есть только одно исключение, то как же быть с нами в Европе, где это принцип - система?

Г-н Монталамбер, переняв мысль знаменитого воззвания г-на Карлье, сказал: "Мы должны вести войну против социализма". А под социализмом, согласно определению М. Шарля Дюпена, он подразумевал грабеж.

Но какую добычу он имел в виду? Ибо есть два вида -*внезаконный и легальный грабеж*.

Что касается незаконного грабежа, такого как кража или мошенничество, которое определено, предусмотрено и наказывается уголовным кодексом, я не думаю, что его можно приукрасить названием социализма. Это не то, что систематически угрожает основам общества. Кроме того, война против такого рода грабежей не дождалась сигнала г-на Монталамбера или г-на Карлье. Это продолжалось с начала мира; Франция осуществляла это задолго до февральской революции - задолго до появления социализма - со всеми церемониями магистратуры, полиции, жандармерии, тюрем, застенков и эшафотов. Эту войну ведет сам закон, и, по моему мнению, хотелось бы, чтобы закон всегда придерживался такого отношения к грабежу.

Но это не тот случай. Закон иногда играет свою роль. Иногда он совершает это собственными руками, чтобы избавить выигравшие стороны от стыда, опасности и угрызений совести. Иногда он ставит все эти церемонии магистратуры, полиции, жандармерии и тюрем на службу грабителю и обращается с ограбленной стороной, когда она защищает себя, как с преступником. Одним словом, налицо *законный грабеж*, и, без сомнения, именно это имеет в виду г-н Монталамбер.

Это разграбление может быть лишь исключительным недостатком в законодательстве народа, и в данном случае лучшее, что можно сделать, - это без стольких речей и причитаний покончить с ним как можно скорее, несмотря на крики заинтересованных сторон. Но как это отличить? Очень легко. Посмотрите, отнимает ли закон у одних людей то, что им принадлежит, чтобы отдать другим то, что им не принадлежит. Посмотрите, совершает ли закон в интересах одного гражданина и во вред другим действие, которое этот гражданин не может совершить, не совершив преступления. Отмените этот закон без промедления; это не просто беззаконие - это плодородный источник беззакония, поскольку он влечет за собой репрессии; и если вы не будете осторожны, исключительный случай распространится, умножится и станет систематическим. Несомненно, выигравшая сторона громко возопит; он будет отстаивать свои*приобретенные права*. Он скажет, что государство обязано защищать и поощрять его промышленность; он будет настаивать на том, что обогащение государства - благо, что оно может тратить больше и таким образом обрушивать жалованье на бедных рабочих. Будьте осторожны, не слушайте эту софистику, ибо именно систематизация этих аргументов приводит к систематизации легального грабежа.

И вот что произошло. Современное заблуждение состоит в том, чтобы обогащать все классы за счет друг друга; это обобщение грабежа под предлогом его организации. Теперь легальный грабеж может осуществляться бесконечным множеством способов. Отсюда возникает бесконечное множество организационных планов: тарифы, защита, льготы, чаевые, поощрения, прогрессивное налогообложение, безвозмездное обучение, право на труд, право на прибыль, право на заработную плату, право на помощь, право на орудия труда, безвозмездный кредит и т.д., и т.п. И именно все эти планы, взятые в целом, с тем, что у них есть общего, с легальным грабежом, который носит название социализма.

Итак, социализм, определенный таким образом и формирующий доктринальную структуру, какую еще войну вы могли бы вести против него, кроме войны доктрин? Вы находите это учение ложным, абсурдным, отвратительным. Опровергните его. Это будет тем легче, чем более ложным, абсурдным и отвратительным оно является. Прежде всего, если вы хотите быть сильными, начните с искоренения из вашего законодательства каждой частицы социализма, которая могла в него вкратиться, - и это будет нелегкая работа.

Господина Монталамбера упрекали в желании использовать грубую силу против социализма. Он должен быть освобожден от этого упрека, ибо он прямо сказал: "Война, которую мы должны вести против социализма, должна быть совместима с законом, честью и правосудием".

Но как получается, что месье Монталамбер не видит, что он ставит себя в порочный круг? Вы бы противопоставили социализму закон. Но социализм апеллирует именно к закону. Она стремится к законному, а не внезаконному грабежу. Именно закон, как и монополистов всех мастей, он хочет сделать инструментом; и когда однажды закон будет на его стороне, как вы сможете обратить закон против него? Как вы отдадите его во власть ваших судов, ваших жандармов и ваших тюрем? Что вы будете делать тогда? Вы хотите помешать ему принимать какое-либо участие в создании законов. Вы бы держали это за пределами Законодательного дворца. Осмелюсь предсказать, что в этом вы не преуспеете, пока законный грабеж является основой внутреннего законодательства.

Абсолютно необходимо, чтобы этот вопрос о легальном хищении был решен, и у него есть только три решения:

1. Когда немногие грабят многих.
2. Когда все грабят друг друга.
3. Когда никто никого не грабит.

Частичное разграбление, всеобщее разграбление, отсутствие разграбления - среди них мы должны сделать свой выбор. Закон может привести только к одному из этих результатов.

Частичная добыча.-- Это система, которая господствовала до тех пор, пока избирательные привилегии были *частичными*, - система, к которой прибегают, чтобы избежать вторжения социализма.

Всеобщая добыча.-- Нам угрожала эта система, когда избирательная привилегия стала всеобщей; массы загорелись идеей создания закона по принципу предшествовавших им законодателей.

Отсутствие добычи.-Это принцип справедливости, мира, порядка, стабильности, примирения и здравого смысла, который я буду провозглашать во всю силу своих легких (чего, увы, крайне недостаточно!) до дня моей смерти.

И, со всей искренностью, можно ли требовать от закона чего-то большего? Может ли закон, необходимой санкцией которого является сила, быть разумно применен к чему-либо, кроме обеспечения каждому его права? Я бросаю вызов любому, кто попытается вывести его из этого круга, не извращая его и, следовательно, не обращая силу против права. И поскольку это самое фатальное, самое нелогичное социальное извращение, которое только можно себе представить, следует признать, что истинное решение социальной проблемы, к которому так стремятся, содержится в этих простых словах: Закон - это организованная Справедливость.

Теперь важно отметить, что организация правосудия по закону, то есть с помощью силы, исключает идею организации с помощью закона или силы какого-либо проявления человеческой деятельности - труда, благотворительности, сельского хозяйства, торговли, промышленности, обучения, изящных искусств или религии; ибо любая из этих организаций неизбежно разрушила бы основную организацию. Как, в самом деле, мы можем представить себе силу, посягающую на свободу граждан, не посягая при этом на правосудие и, таким образом, действуя против его истинной цели?

Здесь я сталкиваюсь с самым популярным предрассудком нашего времени. Считается недостаточным, чтобы закон был справедливым, он должен быть филантропическим. Недостаточно, чтобы оно гарантировало каждому гражданину свободное и безбидное проявление своих способностей применительно к его физическому, интеллектуальному и моральному развитию; необходимо распространить благосостояние, обучение и нравственность непосредственно на всю нацию. Это увлекательная сторона социализма.

Но, повторяю, эти две задачи закона противоречат друг другу. Мы должны выбирать между ними. Гражданин не может быть одновременно свободным и несвободным. Г-н де Ламартин написал мне однажды так: "Ваше учение - это только половина моей программы; вы остановились на свободе, я перехожу к братству". Я ответил ему: "Вторая часть вашей программы разрушит первую". И на самом деле для меня невозможно отделить слово "братство" от слова "добровольный". Я не могу представить себе братство, насаждаемое *юридически*, без того, чтобы свобода не была *юридически* уничтожена, а справедливость *юридически* поправа ногами. Легальный грабеж имеет два корня: один из них, как мы уже видели, кроется в человеческом эгоизме; другой - в ложной филантропии.

Прежде чем я продолжу, я думаю, мне следует пояснить значение слова "грабеж".⁸

Я не понимаю это, как это часто понимают, в расплывчатом, неопределенном, относительном или метафорическом смысле. Я использую его в его научном понимании и как выражающее идею, противоположную собственности. Когда часть богатства переходит из рук того, кто его приобрел, без его согласия и без компенсации к тому, кто его не создавал, будь то силой или искусственно, я говорю, что собственность нарушается, что совершается грабеж. Я говорю, что это именно то, что закон должен подавлять всегда и везде. Если сам закон совершает действие, которое он должен пресекать, я говорю, что грабеж все еще совершается, и даже, с социальной точки зрения, приотягчающих обстоятельствах. В данном случае, однако, тот, кто извлекает

выгоду из награбленного, не несет за это ответственности; это закон, законодатель, само общество, и именно в этом заключается политическая опасность.

Следует сожалеть, что в этом слове есть что-то оскорбительное. Я тщетно искал другого, ибо я бы никогда не пожелал, и особенно сейчас, добавить раздражающее слово к нашим разногласиям; поэтому, верят мне или нет, я заявляю, что я не собираюсь обвинять чьи-либо намерения или мораль. Я нападаю на идею, которую считаю ложной, на систему, которая кажется мне несправедливой; и это настолько независимо от намерений, что каждый из нас извлекает из этого выгоду, не желая этого, и страдает от этого, не осознавая причины. Любой человек должен писать под влиянием партийного духа или страха, который поставил бы под сомнение искренность протекционизма, социализма и даже коммунизма, которые являются одним и тем же растением в три разных периода его роста. Все, что можно сказать, это то, что грабеж более заметен по его пристрастности в протекционизме,⁹ и по его универсальности в коммунизме; отсюда следует, что из трех систем социализм все еще остается самой расплывчатой, наиболее неопределенной и, следовательно, самой искренней.

Как бы то ни было, делать вывод о том, что легальный грабеж одним из своих корней имеет ложную филантропию, - это, очевидно, исключать намерения.

Исходя из этого понимания, давайте исследуем ценность, происхождение и тенденцию этого народного стремления, которое претендует на достижение общего блага путем всеобщего грабежа.

Социалисты говорят: раз закон организует правосудие, почему бы ему не организовать труд, обучение и религию?

Почему? Потому что оно не могло организовать труд, обучение и религию, не дезорганизуя правосудие.

Ибо помните, что закон - это сила, и, следовательно, сфера действия закона не может законным образом выходить за пределы области применения силы.

Когда закон и сила удерживают человека в рамках справедливости, они не навязывают ему ничего, кроме простого отрицания. Они лишь обязывают его воздерживаться от причинения вреда. Они не посягают ни на его личность, ни на его свободу, ни на его собственность. Они только охраняют личность, свободу, собственность других. Они занимают оборонительную позицию; они защищают равные права всех. Они выполняют миссию, безвредность которой очевидна, полезность осязаема и легитимность которой не подлежит сомнению. Это настолько верно, что, как однажды заметил мне один мой друг, сказать, что *цель закона - добиться воцарения справедливости*, - значит использовать выражение, которое не является строго точным. Следует сказать, что *цель закона - не допустить воцарения несправедливости*. На самом деле, само по себе существует не справедливость, а несправедливость. Одно является результатом отсутствия другого.

Но когда закон посредством своего необходимого агента- силы - навязывает форму труда, метод или предмет обучения, вероучение или культ, он больше не является негативным; он действует на людей положительно. Это заменяет волю законодателя их собственной волей, инициативу законодателя их собственной инициативой. Им не нужно консультироваться, сравнивать или

предвидеть; закон делает все это за них. Интеллект для них - бесполезный хлам; они перестают быть людьми; они теряют свою личность, свою свободу, свою собственность.

Попытайтесь представить себе форму принудительного труда, которая не является нарушением свободы; передачу богатства, навязанную силой, которая не является нарушением собственности. Если вам не удастся примирить это, вы неизбежно придете к выводу, что закон не может организовать труд и промышленность, не организовав несправедливость.

Когда политик из уединения своего кабинета смотрит на общество, он поражен зрелищем неравенства, которое представляет собой общество. Он скорбит о страданиях, выпавших на долю столь многих наших братьев, страданиях, вид которых становится еще более печальным из-за контраста роскоши и богатства.

Ему, возможно, следовало бы спросить себя, не было ли такое социальное состояние вызвано грабежом древних времен, осуществлявшимся путем завоеваний; и грабежом более поздних времен, осуществлявшимся посредством законов? Он должен спросить себя, не будет ли, удовлетворяя стремление всех людей к благополучию и совершенству, царства справедливости недостаточно для осуществления величайшего прогресса и наибольшего равенства, совместимого с той индивидуальной ответственностью, которой Бог наградил как справедливым возмездием за добродетель и порок?

Он никогда не задумывается об этом. Его ум обращается к комбинациям, договоренностям, законным или фиктивным организациям. Он ищет лекарство в увековечении и преувеличении того, что породило зло.

Ибо, если отвлечься от справедливости, которая, как мы видели, является лишь отрицанием, существует ли какое-либо из этих юридических соглашений, которое не содержит принципа грабежа?

Вы говорите: "Есть люди, у которых нет денег", - и обращаетесь к закону. Но закон - это не самодостаточный источник, из которого каждый поток может получать подпитку независимо от общества. Ничто не может поступить в государственную казну в пользу одного гражданина или одного класса, кроме того, что другие граждане и другие классы *были вынуждены* вносить в нее. Если каждый извлекает из этого только эквивалент того, что он вложил в это, то ваш закон, это правда, не является грабительским, но он ничего не делает для людей, которые хотят денег, - он не способствует равенству. Это может быть инструментом уравнивания только в той мере, в какой это требуется от одной стороны, чтобы дать другой, и тогда это инструмент грабежа. Рассмотрите в этом свете защиту тарифов, поощрительные премии, право на прибыль, право на труд, право на помощь, право на обучение, прогрессивное налогообложение, безвозмездность кредита, социальные семинары, и вы всегда обнаружите в основе законный грабеж, организованную несправедливость.

Вы говорите: "Есть люди, которые хотят знаний", - и обращаетесь к закону. Но закон - это не факел, который проливает свет повсюду, свойственный ему самому. Она распространяется на общество, где есть люди, обладающие знаниями, и другие, у которых их нет; граждане, которые хотят учиться, и другие, которые расположены учить. Оно может сделать только одно из двух: либо разрешить свободное осуществление такого рода транзакций, *т.е.* Позволить такого рода потребностям свободно удовлетворяться; либо же навязать волю людей в этом вопросе и отобрать у некоторых из них сумму, достаточную для оплаты профессоров, которым поручено

безвозмездно обучать других. Но во втором случае не может не быть нарушения свободы и собственности - законного грабежа.

Вы говорите: "Вот люди, которым не хватает морали или религии", - и обращаетесь к закону; но закон - это сила, и нужно ли мне говорить, насколько жестоко и абсурдно применять силу в этих вопросах?

В результате своих систем и своих усилий, казалось бы, социализм, несмотря на все свое самодовольство, едва ли может не осознавать чудовищность легального грабежа. Но что оно делает? Оно умело маскирует это от других и даже от самого себя под соблазнительными названиями братства, солидарности, организации, объединения. И поскольку мы не требуем так много от закона, потому что мы просим его только о справедливости, это предполагает, что мы отвергаем братство, солидарность, организацию и объединение; и они клеймят нас именем *индивидуалистов*.

Мы можем заверить их, что мы отвергаем не естественную организацию, а организацию принудительную.

Дело не в свободных ассоциациях, а в формах ассоциаций, которые они нам навязали бы.

Это не стихийное братство, а законное братство.

Это не провиденциальная солидарность, а искусственная солидарность, которая является всего лишь несправедливым переключением ответственности.

Социализм, как и старая политика, из которой он исходит, ставит в тупик правительство и общество. И поэтому, каждый раз, когда мы возражаем против того, что делает правительство, оно приходит к выводу, что мы возражаем против того, чтобы это делалось вообще. Мы не одобряем образование со стороны государства - тогда мы вообще против образования. Мы возражаем против государственной религии - тогда у нас вообще не было бы религии. Мы возражаем против равенства, которое обеспечивает государство - тогда мы против равенства, и т.д., и т.п. С таким же успехом они могли бы обвинить нас в том, что мы не желаем, чтобы люди ели, потому что мы возражаем против выращивания кукурузы государством.

Как получилось, что странная идея заставить закон производить то, чего в нем нет, - процветание в позитивном смысле, богатство, науку, религию - вообще получила распространение в политическом мире? Современные политики, особенно представители социалистической школы, основали свои различные теории на одной общей гипотезе; и, конечно, более странная, более самонадеянная идея никогда не могла прийти в человеческий мозг.

Они делят человечество на две части. Мужчины в целом, за исключением одного, образуют первую группу; сам политик образует вторую, которая, безусловно, наиболее важна.

Фактически, они начинают с предположения, что люди лишены какого-либо принципа действия и каких-либо средств различения самих по себе; что в них нет движущей силы; что они являются инертной материей, пассивными частицами, атомами без импульса; в лучшем случае растительностью, безразличной к своему собственному способу существования, способной принимать от внешней воли и руки бесконечное количество форм, более или менее симметричных, художественных и совершенных.

Более того, каждый из этих политиков не стесняется воображать, что он сам, под именем организатора, первооткрывателя, законодателя, организатора или основателя, является этой волей и рукой, этой универсальной пружиной, этой творческой силой, чья возвышенная миссия состоит в том, чтобы собрать воедино эти разрозненные материалы, то есть людей, в общество.

Исходя из этих данных, как садовник, согласно своему капризу, формирует из своих деревьев пирамиды, зонтики, кубы, конусы, вазы, шпалеры, прялки или веера; так и социалист, следуя своей химере, формирует бедное человечество в группы, серии, круги, подкружъя, пчелиные соты или общественные мастерские со всевозможными вариациями. И как садовнику, чтобы придать форму своим деревьям, нужны топоры, секаторы, пилы и ножницы, так и политику, чтобы привести общество в порядок, нужны силы, которые он может найти только в законах: законе о таможене, законе о налогообложении, законе о помощи и законе обучения.

Социалисты настолько верно рассматривают человечество как объект социальных комбинаций, что, если случайно они не будут вполне уверены в успехе этих комбинаций, они запросят часть человечества в качестве объекта для экспериментов. Хорошо известно, насколько популярна идея *испробовать все системы*, и известно, что один из их руководителей серьезно потребовал от Учредительного собрания выделить приход со всеми его жителями, на котором можно было бы проводить свои эксперименты.

Таким образом, изобретатель сделает небольшую машину, прежде чем сделает машину обычного размера. Так, химик жертвует некоторыми веществами, земледelec - семенами и участком своего поля, чтобы испытать идею.

Но тогда подумайте о неизмеримом расстоянии между садовником и его деревьями, между изобретателем и его машиной, между химиком и его веществами, между агрономом и его семенами! Социалист со всей искренностью думает, что между ним и человечеством существует такая же дистанция.

Неудивительно, что политики девятнадцатого века смотрели на общество как на искусственное порождение гения законодателя. Эта идея, ставшая результатом классического образования, овладела всеми мыслителями и великими писателями нашей страны.

Всем этим людям отношения между человечеством и законодателем кажутся такими же, как те, которые существуют между глиной и горшечником.

Более того, если они согласились признать в сердце человека принцип действия, а в его интеллекте - принцип различения, они рассматривали этот дар Божий как фатальный и думали, что человечество, подчиненное этим двум импульсам, фатально ведет к гибели. Они считали само собой разумеющимся, что, предоставленные своим собственным склонностям, люди будут заниматься религией только для того, чтобы прийти к атеизму, обучением - для того, чтобы прийти к невежеству, а трудом и обменом - для того, чтобы погаснуть в нищете.

К счастью, согласно этим авторам, есть люди, называемые губернаторами и законодателями, которым Небеса даровали противоположные наклонности не только ради них самих, но и ради остального мира.

Пока человечество стремится ко злу, они склоняются к добру; пока человечество движется к тьме, они стремятся к просветлению; пока человечество тянется к пороку, их привлекает

добродетель. И, учитывая это, они требуют помощи силы, посредством которой они должны заменить свои собственные тенденции тенденциями человеческой расы.

Достаточно открыть, почти наугад, книгу по философии, политике или истории, чтобы увидеть, насколько прочно укоренилась в нашей стране эта идея - порождение классических исследований и мать социализма; что человечество - всего лишь инертная материя, получающая жизнь, организацию, мораль и богатство от власти; или, скорее, и это еще хуже, - что само человечество стремится к деградации и только таинственная рука законодателя останавливает эту тенденцию. Классический конвенционализм повсюду показывает нам, что за пассивным обществом скрывается сила, именуемая Законом или Законодателем (или, используя способ выражения, который относится к какому-то лицу или лицам, обладающим неоспоримым весом и авторитетом, но не называемая по имени), которая движет, оживляет, обогащает и возрождает человечество.

Приведем цитату из Боссюэ:--

"Одной из вещей, которая произвела наиболее сильное впечатление (кем?) на умы египтян, была любовь к своей стране....*Никому не позволялось* быть бесполезным для государства; закон закреплял за каждым его занятие, которое передавалось от отца к сыну. Никому не разрешалось иметь две профессии или избирать другую.... Но было одно занятие, которое *обязано было* быть общим для всех, - это изучение законов и мудрости; незнание религии и политических установлений страны не извинялось никакими условиями жизни. Более того, за каждой профессией был закреплен район (кем?).... Среди хороших законов одной из лучших вещей было то, что всех учили их соблюдать (кем?). Египет изобиловал замечательными изобретениями, и не было упущено ничего, что могло бы сделать жизнь комфортной и безмятежной".

Таким образом, люди, согласно Боссюэ, ничего не извлекают из самих себя; патриотизм, богатство, изобретения, земледелие, наука - все это приходит к ним в результате действия законов или королей. Все, что им нужно делать, это быть пассивными. Именно на этом основании Боссюэ возражает, когда Диодор обвиняет египтян в том, что они отвергают борьбу и музыку. "Как это возможно, - говорит он, - если все эти искусства были изобретены Трисмегистом?"

То же самое и с персами:

"Одной из первых забот принца было поощрение сельского хозяйства.... Как были учреждены должности для управления армиями, так и существовали должности для руководства сельскими работами.... Уважение, с которым персы относились к царской власти, было чрезмерным".

Греки, хотя и были полны ума, были не менее чужды своим собственным обязанностям; настолько, что сами по себе, подобно собакам и лошадям, они не отважились бы на самые простые игры. В классическом смысле бесспорным является то, что все приходит к людям извне.

"Греки, от природы полные духа и отваги, *были рано воспитаны* царями и колонистами, пришедшими из Египта. От них они научились упражнениям для тела, *пешим бегам*, а также

скачкам на лошадях и колесницах.... Лучшее, чему научили их египтяне, - это стать послушными и позволить законам формировать себя ради общественного блага".

Фенелон. - Воспитанный на изучении античности и восхищении ею и свидетель могущества Людовика XIV, Фенелон естественным образом усвоил идею о том, что человечество должно быть пассивным и что его несчастья и процветание, его добродетели и пороки вызваны внешним влиянием, которое оказывает на него *законили* создатели закона. Таким образом, в своей Утопии Салентума он ставит людей с их интересами, способностями, желаниями и имуществом под абсолютное руководство законодателя. Каким бы ни был предмет, они сами не имеют права голоса в этом вопросе - князь судит за них. Нация - это просто бесформенная масса, душой которой является князь. В нем заключена мысль, предвидение, принцип всей организации, всего прогресса; следовательно, на нем лежит вся ответственность.

В доказательство этого утверждения я мог бы полностью переписать десятую книгу "Телемаха". Я отсылаю читателя к нему и ограничусь цитированием нескольких отрывков, взятых наугад из этого знаменитого труда, которому во всех других отношениях я отдаю должное первым.

С поразительной доверчивостью, характерной для классиков, Фенелон, вопреки авторитету разума и фактов, признает всеобщее счастье египтян и приписывает его не их собственной мудрости, а мудрости их царей:

"Мы не могли не обратить свой взор на оба берега, не увидев богатых городов и загородных местечек, приятно расположенных; полей, которые каждый год, без перерыва, покрывались золотым урожаем; лугов, полных стад; тружеников, сгибающихся под тяжестью плодов, которыми земля щедро одаривала своих земледельцев; и пастухов, которые заставляли эхо вокруг повторять нежные звуки их свирелей. "Счастлив, - сказал Ментор, - тот народ, которым правит мудрый король"..... Впоследствии Наставник пожелал, чтобы я отметил счастье и изобилие, которые были распространены по всей стране Египет, где можно было насчитать двадцать две тысячи городов. Он восхищался превосходными полицейскими порядками в городах; правосудием, осуществляемым в пользу бедных *против* богатых; хорошим воспитанием детей, которые были приучены к послушанию, труду и любви к искусствам и литературе; точностью, с которой исполнялись все религиозные обряды; бескорыстием, стремлением к почестям, верностью людям и страхом перед богами, которые каждый отец внушал своим детям. Он не мог в достаточной мере восхититься процветающим состоянием страны. "Счастлив, - сказал он, - *народ, которым так правит мудрый король*".

Идиллия Фенелона на Крите еще более увлекательна. Наставник создан для того, чтобы говорить: --

"Все, что вы увидите на этом замечательном острове, является результатом законов Миноса. Образование, которое получают дети, делает организм здоровым и крепким. Они с самого начала привыкли к бережливой и трудолюбивой жизни; предполагается, что все чувственные удовольствия ослабляют тело и ум; им не доставляется никакого другого удовольствия, кроме удовольствия быть непобедимыми благодаря добродетели, приобретения большой славы Там *они* наказывают за три порока, которые остаются безнаказанными среди других людей - неблагодарность, лицемерие и скупость. Что же касается пышности и распущенности, то нет необходимости наказывать их, ибо они неизвестны на Крите..... Не допускается ни дорогая мебель, ни великолепная одежда, ни изысканные пиршества, ни позолоченные дворцы".

Именно таким образом Наставник готовит своего ученика формировать народ Итаки и манипулировать им, несомненно, с самыми филантропическими намерениями, и, чтобы утвердить его в этих идеях, он приводит ему пример Салента.

Именно так мы получаем наши первые политические представления. Нас учат бережно относиться к мужчинам, как Оливер де Серрес учит фермеров обрабатывать почву и перемешивать ее.

Монтескье. - "Для поддержания духа коммерции необходимо, чтобы все законы благоприятствовали ей; чтобы эти же законы, регулируя распределение состояний пропорционально тому, как торговля увеличивает их, ставили каждого бедного гражданина в достаточно легкие условия, позволяющие ему работать наравне с другими, а каждого богатого гражданина - в такое ничтожество, что он должен работать, чтобы сохранить или приобрести".

Таким образом, законы предназначены для распоряжения всеми состояниями.

"Хотя в условиях демократии истинное равенство является душой государства, все же его так трудно установить, что предельная точность в этом вопросе не всегда желательна. Достаточно провести перепись, чтобы уменьшить или зафиксировать различия до определенного уровня. После чего особые законы должны как бы уравнивать неравенство посредством бремени, налагаемого на богатых, и льгот, предоставляемых бедным".

Здесь мы снова видим уравнивание состояний по закону, то есть силой.

"В Греции было два вида республик. Одна была военной, как Лакедемон; другая торговой, как Афины. В первом было пожелано (кем?), чтобы граждане были праздными; в другом поощрялась любовь к труду.

"Нам стоит уделить немного внимания степени гениальности, необходимой этим законодателям, чтобы мы могли увидеть, как, смешивая все добродетели, они демонстрировали миру свою мудрость. Ликург, сочетавший воровство с духом справедливости, жесточайшее рабство с крайней свободой, самые жестокие чувства с величайшей умеренностью, придал стабильность своему городу. Казалось, он лишил его всех ресурсов, искусства, торговли, денег и стен; у него были амбиции без надежды на рост; были естественные чувства, когда индивид не был ни ребенком, ни мужем, ни отцом. Целомудрие было лишено даже скромности. *Этот путь привел Спарту к величию и славе.*

"Явление, которое мы наблюдаем в институтах Греции, было замечено посреди *вырождения и коррупции нашего времени*. Честный законодатель сформировал народ, в котором честность казалась такой же естественной, как храбрость у спартанцев. Мистер Пенн - истинный Ликург, и хотя целью первого был мир, а второго - война, они похожи друг на друга по тому особому пути, по которому они вели свой народ, по их влиянию на свободных людей, по предрассудкам, которые они преодолели, по страстям, которые они обуздали.

"Парагвай дает нам еще один пример. *Общество* обвиняли в преступлении за то, что оно считает удовольствие командовать единственным благом в жизни; но всегда будет благородным делом управлять людьми, делая их счастливыми.

"*Те, кто желает сформировать подобные институты, установят общность собственности, как в республике Платона, то же самое почитание, которое он предписывал богам, отделение от*

чужеземцев для сохранения нравственности, и заставят город, а не горожан заниматься торговлей: они должны давать наше искусство без нашей роскоши, наши нужды без наших желаний".

Вульгарное увлечение может воскликнуть, если захочет: "Это Монтескье! великолепно! возвышенно!" Я не боюсь высказать свое мнение и сказать: "Что? у вас хватает наглости называть это прекрасным? Это ужасно! это отвратительно! и эти выдержки, которые я мог бы умножить, показывают, что, согласно Монтескье, личности, свободы, собственность, само человечество - это не что иное, как материалы для проявления проницательности законодателей".

Rousseau. - Хотя этот политик, высший авторитет демократов, опирается на всеобщую волю, никто так полностью не признал гипотезу о полной пассивности человеческой природы в присутствии законодателя:

"Если это правда, что великий князь - редкость, то насколько более таким должен быть великий законодатель? Первому остается только следовать схеме, предложенной ему вторым. *Этот последний - механик, который изобретает машину*; первый - просто рабочий, который приводит ее в движение".

И какую роль во всем этом играют люди? Роль машины, которая приводится в движение; или, скорее, разве они не грубая материя, из которой сделана машина? Таким образом, между законодателем и князем, между князем и его подданными существуют те же отношения, что и между писателем-агриарием и земледельцем, земледельцем и простолюдином. На какой огромной высоте тогда находится политик, который управляет самими законодателями и обучает их их ремеслу в таких императивных выражениях, как следующее:

"Придали бы вы государству последовательность? Сведите крайности воедино, насколько это возможно. Не страдайте ни богатые, ни нищие.

"Если почва бедна и бесплодна или местность слишком тесна для жителей, обратитесь к промышленности и искусствам, произведения которых вы обменяете на необходимые вам продукты.... На хорошей земле, если *вам не хватает* жителей, уделите все свое внимание сельскому хозяйству, которое размножает людей, и *изгоните* искусства, которые служат только обезлюдению страны.... Обратите внимание на обширные и удобные побережья. *Заполните море* судами, и у вас будет блестящая и недолгая жизнь. Если ваши моря омывают только неприступные скалы, пусть люди *будут* варварами и едят рыбу; они будут жить спокойнее, возможно, лучше и, несомненно, счастливее. Короче говоря, помимо тех принципов, которые являются общими для всех, у каждого народа есть свои особые обстоятельства, которые требуют особого законодательства.

"Таким образом, у древних евреев и у арабов совсем недавно главной целью была религия; у афинян - литература; у Карфагена и Тира - торговля; у Родоса - морское дело; у Спарты - война; а у Рима - добродетель. Автор книги "Дух законов" продемонстрировал искусство, *с помощью которого законодатель должен ориентировать свои институты на достижение каждой из этих целей*.... Но если законодатель, ошибочно понимая свою цель, примет принцип, отличный от того, который вытекает из природы вещей; если один будет стремиться к рабству, а другой - к свободе; если один будет стремиться к богатству, а другой - к населению; один - к миру, а другой - к завоеваниям; законы будут незаметно ослабевать, Конституция ослабнет, и государство

будет подвержено непрерывным волнениям до тех пор, пока оно не будет разрушено или изменено, и непобедимая Природа вновь обретет свою империю ".

Но если Природа достаточно непобедима, чтобы *восстановить* свою империю, почему Куссо не признает, что она с самого начала не нуждалась в законодателе, чтобы *завоевать* свою империю? Почему он не допускает, что, повинаясь собственному импульсу, люди сами по себе занялись бы земледелием в плодородной местности, а торговлей на обширных и удобных побережьях, без вмешательства Ликурга, Солона или Руссо, которые взяли бы за это, рискуя *обмануть самих себя*?

Как бы то ни было, мы видим, какую ужасную ответственность Руссо возлагает на изобретателей, институционалистов, дирижеров и манипуляторов обществами. Поэтому он очень требователен по отношению к ним.

"Тот, кто осмеливается взяться за институты народа, должен чувствовать, что он может, так сказать, преобразовать каждого индивидуума, который сам по себе является совершенным и уединенным целым, получая свою жизнь и бытие от большего целого, частью которого он является; он должен чувствовать, что может изменить конституцию человека, укрепить ее и заменить частичное и нравственное существование физическим и независимым, которое мы все получили от природы. Одним словом, он должен лишить человека его собственных сил, дать ему другие, которые ему чужды".

Бедная человеческая природа! Что стало бы с ее достоинством, если бы ее доверили ученикам Руссо?

Рейналь. - "Климат, то есть воздух и почва, являются первым элементом для законодателя. Его ресурсы предписывают ему его обязанности. Во-первых, он должен проконсультироваться со своим местным положением. Население, проживающее на морских берегах, должно иметь законы, подходящие для судоходства.... Если колония расположена во внутреннем регионе, законодатель должен предусмотреть характер почвы и степень ее плодородия....

"Мудрость законодательства проявится прежде всего в распределении собственности. Как общее правило, и в каждой стране, при основании новой колонии, каждому мужчине должна быть предоставлена земля, достаточная для содержания его семьи....

"На необработанном острове, который *вы* колонизируете с детьми, будет необходимо только позволить росткам истины разрастись в развитии разума! Но когда *вы* поселяете стариков в новой стране, умение состоит в том, чтобы *допускать в ней только* те вредные мнения и обычаи, которые невозможно вылечить и исправить. Если *вы* хотите предотвратить их увековечение, вы будете воздействовать на подрастающее поколение путем общего и публичного воспитания детей. Принц или законодатель никогда не должен основывать колонию, предварительно не послав туда мудрецов для наставления молодежи.... В новой колонии каждое учреждение открыто для принятия мер предосторожности законодателем, который желает *улучшить тон и манеры людей*. Если он гениален и добродетелен, земли и люди, которые *находятся в его распоряжении*, вдохновят его душу на создание общества, которое писатель может проследить лишь смутно, и таким образом, который был бы подвержен неустойчивости всех гипотез, которые разнообразны и осложнены бесконечным количеством обстоятельств, которые слишком трудно предвидеть и комбинировать ".

Можно было бы подумать, что это профессор сельского хозяйства говорит своим ученикам: "Климат - единственное правило для агронома. *Его* ресурсы диктуют ему его обязанности. Первое, что он должен учитывать, - это его местное положение. Если он находится на глинистой почве, он должен делать то-то и то-то. Если ему приходится бороться с песком, он должен действовать именно таким образом. Каждое предприятие открыто для агронома, который желает расчистить и улучшить свою почву. Если у него только есть навык, то навоз, который есть в его *распоряжении*, подскажет ему план операции, который профессор может наметить лишь смутно, причем таким образом, который был бы подвержен неопределенности всех гипотез, которые варьируются и осложняются бесконечным количеством обстоятельств, которые слишком трудно предвидеть и комбинировать".

Но, о! возвышенные писатели, соблаговолите иногда вспоминать, что эта глина, этот песок, этот навоз, которыми вы распоряжаетесь столь произвольным образом, являются людьми, равными вам, разумными и свободными существами, такими же, как вы, получившими от Бога, как и вы, способность видеть, предвидеть, мыслить и судить самостоятельно!

Мэбли. (Он предполагает, что законы изношены временем и пренебрежением безопасностью, и продолжает так): -

"В этих обстоятельствах мы должны быть убеждены, что пружины правления ослабли. *Придайте им* новое напряжение (именно к читателю мы обращаемся), и зло будет исправлено.... Меньше думайте о наказании за недостатки, чем о поощрении добродетелей, *которых вы хотите*. Этим методом вы наделите *вашу республику* энергией молодости. Из-за незнания этого свободный народ потерял свою свободу! Но если зло распространилось настолько широко, что обычные судьи не в состоянии эффективно устранить его, *следует обратиться* к чрезвычайному судебному органу, срок полномочий которого должен быть коротким, а власть значительной. Воображение граждан требует, чтобы на них произвели впечатление".

В таком стиле он проходит через двадцать томов.

Было время, когда под влиянием подобного обучения, которое является основой классического образования, каждый стремился поставить себя за пределы человечества, ради того, чтобы организовать его по-своему.

Кондильяк. - "Примите на себя, милорд, облик Ликурга или Солона. Прежде чем вы закончите читать это эссе, позабавьтесь тем, что даете законы некоторым диким людям в Америке или Африке. Поселите этих бродячих людей в постоянных жилищах; научите их держать стада.... Старайтесь развивать социальные качества, заложенные в них природой.... Заставьте их начать выполнять обязанности человека.... Заставьте удовольствия страстей стать для них неприятными с помощью наказаний, и вы увидите, как эти варвары, с каждым планом вашего законодательства, теряют порок и обретают добродетель.

У всех этих людей были законы. Но немногие из них были счастливы. Почему это? Потому что законодатели почти всегда были невежественны относительно цели общества, которая заключается в объединении семей общими интересами.

"Беспристрастность в праве заключается в двух вещах: в установлении равенства в судьбе и достоинстве граждан.... Пропорционально степени равенства, установленной законами, тем дороже они станут каждому гражданину.... Как могут алчность, честолюбие, распутство,

праздность, леность, зависть, ненависть или ревность волновать людей, равных по богатству и достоинству и которым законы не оставляют надежды нарушить их равенство?

"То, что вам рассказали о республике Спарта, должно просветить вас по этому вопросу. Ни в одном другом государстве не было законов, более соответствующих естественному порядку или равенству".

Неудивительно, что 17-м и 18-м векам следовало смотреть на человеческую расу как на инертную материю, готовую принять все - форму, рисунок, импульс, движение и жизнь - от великого князя, или великого законодателя, или великого гения. Эти века были воспитаны на изучении античности, а античность повсюду, в Египте, Персии, Греции и Риме, представляет собой зрелище горстки людей, формирующих человечество в соответствии со своей фантазией, и человечество с этой целью порабощается силой или обманом. И что это доказывает? Поскольку люди и общество поддаются совершенствованию, ошибки, невежество, деспотизм, рабство и суеверия, должно быть, были более распространены в древние времена. Ошибка авторов, процитированных выше, заключается не в том, что они утверждали этот факт, а в том, что они предлагали его, как правило, для восхищения и подражания будущим поколениям. Их ошибка заключалась в том, что с непостижимым отсутствием проницательности и верой в ребяческий конвенционализм они признали то, что недопустимо, а именно величие, достоинство, мораль и благополучие искусственных обществ древнего мира; они не поняли, что время производит и распространяет просвещение; и что пропорционально росту просвещения право перестает поддерживаться силой, и общество вновь обретает контроль над собой.

И, собственно, в чем заключается политическая работа, которую мы пытаемся продвигать? Это не что иное, как инстинктивное стремление каждого народа к свободе. И что такое свобода, имя которой может заставить биться каждое сердце и которая может взволновать мир, как не объединение всех свобод, свободы совести, обучения, ассоциаций, печати, передвижения, труда и обмена; другими словами, свободное осуществление для всех всех безобидных способностей; и снова, другими словами, уничтожение всех деспотизмов, даже правового деспотизма, и сведение закона к его единственной рациональной сфере, которая заключается в регулировании права личности на законную защиту или в подавлении несправедливости?

Следует признать, что этой тенденции человечества в значительной степени препятствует, особенно в нашей стране, фатальная склонность, вытекающая из классического учения и общая для всех политиков, ставить себя выше человечества, устраивать и регулировать его в соответствии со своей фантазией.

Ибо, пока общество борется за реализацию свободы, великие люди, стоящие во главе его, проникнутые принципами семнадцатого и восемнадцатого веков, думают только о том, чтобы подчинить его филантропическому деспотизму своих социальных изобретений и заставить его покорно нести, по выражению Руссо, ярмо общественного счастья, как оно изображено в их собственном воображении.

Особенно это было заметно в 1789 году. Как только старая система была разрушена, общество должно было быть подчинено другим искусственным механизмам, всегда с одной и той же отправной точкой - всемогуществу закона.

Сен-Жюст. - законодатель распоряжается будущим. Это его воля на благо человечества. Именно он должен делать людей такими, какими он хочет, чтобы они были".

Robespierre.-- "Функция правительства состоит в том, чтобы направлять физические и моральные силы нации на достижение цели своего учреждения".

Billaud Varennes.-- "Народ, который должен быть восстановлен к свободе, должен быть сформирован заново. Древние предрассудки должны быть разрушены, устаревшие обычаи изменены, порочные привязанности исправлены, застарелые пороки искоренены. Для этого потребуются мощная сила и неистовый порыв.... Граждане, непреклонная строгость Ликурга создала прочную основу спартанской республики. Слабый и доверчивый нрав Солона вверг Афины в рабство. В этой параллели заключена вся наука управления".

Лепеллетье. - "Принимая во внимание степень деградации человечества, я убежден в необходимости полного возрождения расы и, если можно так выразиться, создания нового народа".

Следовательно, люди - не что иное, как сырье. Не им *стремиться к собственному совершенствованию*. Они на это не способны; согласно Сен-Жюсту, это под силу только законодателю. Люди просто должны быть такими, какими он *желает*, чтобы они были. Согласно Робеспьеру, который буквально копирует Руссо, законодатель должен начать с определения цели *институтов нации*. После этого правительству остается только направить все свои *физические и моральные силы* на достижение этой цели. Все это время сама нация должна оставаться совершенно пассивной; и Бийо Варенн хотел бы научить нас, что у нее не должно быть никаких предрассудков, привязанностей или желаний, кроме тех, которые разрешены законодателем. Он даже заходит так далеко, что говорит, что непреклонный аскетизм человека является основой республики.

Мы видели, что в случаях, когда зло настолько велико, что обычные судьи не в состоянии его исправить, Мэбли рекомендует диктатуру для поощрения добродетели. "*Обратитесь*, - говорит он, - к чрезвычайному должностному лицу, срок полномочий которого будет коротким, а власть значительной. Воображение людей нуждается в впечатлении". Этой доктриной никто не пренебрегал. Послушайте Робеспьера: -

"Принцип республиканского правительства - добродетель, а средство, которое должно быть применено при его установлении, - террор. Мы хотим заменить в нашей стране мораль на эгоизм, честность на честь, принципы на обычаи, обязанности на приличия, власть разума на тиранию моды, презрение к пороку на презрение к несчастью, гордость на наглость, величие души на тщеславие, любовь к славе на любовь к деньгам, хороших людей на хорошую компанию, заслуги на интриги, гениальность на остроумие, истину на блеск, очарование счастья на усталость от удовольствий, величие человека на ничтожество великих, великодушный, могущественный, счастливый народ, ради того, что легко, легкомысленно, деградировало; то есть мы заменили бы все добродетели и чудеса республики всеми пороками и нелепостями монархии".

На какую огромную высоту над остальным человечеством ставит себя здесь Робеспьер! И обратите внимание на высокомерие, с которым он говорит. Он не довольствуется выражением желания великого обновления человеческого сердца, он даже не ожидает такого результата от регулярного правительства. Нет; он намерен добиться этого сам и с помощью террора. Целью

дискурса, из которого извлекается эта ребяческая и трудоемкая масса антитезисов, было показать *принципы морали, которыми должно руководствоваться революционное правительство*. Более того, когда Робеспьер требует диктатуры, это делается не просто с целью отражения нападения внешнего врага или подавления фракций; это делается для того, чтобы он мог установить посредством террора и в качестве предварительного этапа перед игрой в Конституцию свои собственные принципы морали. Он претендует ни на что иное, как на искоренение из страны посредством террора *эгоизма, чести, обычаев, приличий, моды, тщеславия, любви к деньгам, хорошей компании, интриг, остроумия, роскоши и нищеты*. Только после того, как он, Робеспьер, совершит эти чудеса, как он их справедливо называет, он позволит закону вернуть себе ее империю. Воистину, было бы хорошо, если бы эти провидцы, которые так много думают о себе и так мало о человечестве, которые хотят все обновить, удовлетворились бы только попытками реформировать самих себя, задача была бы для них достаточно трудной. Однако в целом эти джентльмены, реформаторы, законодатели и политики, не желают осуществлять непосредственный деспотизм над человечеством. Нет, они слишком умеренны и филантропичны для этого. Они борются только за деспотизм, абсолютизм, всемогущество закона. Они стремятся только к тому, чтобы творить закон.

Чтобы показать, насколько всеобщим было это странное предрасположение во Франции, мне понадобилось не только скопировать все произведения Мабли, Рейналя, Руссо, Фенелона и сделать длинные выдержки из Боссюэ и Монтескье, но и привести полностью протоколы заседаний Конвента, однако я не буду этого делать, а просто отсылаю читателя к ним.

Неудивительно, что эта идея чрезвычайно понравилась Бонапарту. Он с жаром воспринял ее и энергично воплотил в жизнь. Играя роль химика, Европа была для него материалом для его экспериментов. Но этот материал отреагировал против него. Более чем наполовину не обманутый, Бонапарт на острове Святой Елены, казалось, признал, что инициатива присуща каждому народу, и он стал менее враждебно относиться к свободе. Однако это не помешало ему преподать своему сыну в своем завещании следующий урок: "Управлять - значит распространять мораль, образование и благополучие".

После всего этого вряд ли мне нужно приводить при помощи скрупулезных цитат мнения Морелли, Бабефа, Оуэна, Сен-Симона и Фурье. Я ограничусь несколькими выдержками из книги Луи Блана "Организация труда".

"В нашем проекте общество получает импульс власти". (Стр. 126.)

В чем заключается импульс, который власть дает обществу? Навязывая ему *проект* месье Луи Блана.

С другой стороны, общество - это человеческая раса. Следовательно, человеческая раса должна получить свой импульс от месье Луи Блана.

Будет сказано, что поступать так или нет - дело каждого. Конечно, человечество вольно принимать советы от кого угодно, кто бы это ни был. Но это не тот способ, которым месье Луи Блан понимает суть дела. Он имеет в виду, что его проект должен быть преобразован *взакон*, следовательно, насильственно навязан властью.

"Согласно нашему проекту, государство должно лишь ввести законодательство в отношении труда, посредством которого промышленное движение может и должно осуществляться *со всей*

свободой. Оно (государство) просто ставит общество на уклон (вот и все), чтобы оно могло опуститься, когда однажды окажется там, простой силой вещей и естественным ходом установленного механизма."

Но что это за уклон? Тот, который указал М. Луи Блан. Разве он не ведет в пропасть? Нет, он ведет к счастью. Почему же тогда общество не идет туда само по себе? Потому что оно не знает, чего оно хочет, и ему нужен импульс. Что должно дать ему этот импульс? Власть. И кто должен дать импульс власти? Изобретатель машины месье Луи Блан.

Мы никогда не выберемся из этого круга - человечество пассивно, а великий человек движет им с помощью вмешательства закона.

Вступив на этот путь, будет ли общество наслаждаться чем-то вроде свободы? Без сомнения. А что такое свобода?

"Раз и навсегда: свобода заключается не только в предоставленном праве, но и во власти, данной человеку, осуществлять, развивать свои способности в условиях империи справедливости и под защитой закона.

"И это не напрасное различие; в нем заключен глубокий смысл, и его последствия не поддаются оценке. Ибо, когда однажды признается, что человек, чтобы быть по-настоящему свободным, должен обладать способностью проявлять и развивать свои способности, из этого следует, что каждый член общества имеет право на такое обучение, которое *позволит* ему проявить себя, и на орудия труда, без которых человеческая деятельность не может найти размаха. Итак, с чьего вмешательства общество должно дать каждому из своих членов необходимое обучение и необходимые орудия труда, если не с вмешательства государства?"

Таким образом, свобода - это власть. В чем состоит эта власть? В обладании инструкциями и орудиями труда. Кто должен давать инструкции и орудия труда? Общество, *которое им должно*. Благодаря чьему вмешательству общество должно передавать орудия труда тем, кто ими не владеет?

Благодаря *вмешательству государства*. От кого государство должно их получать?

Ответить на этот вопрос и заметить, к чему все это ведет, должен читатель.

Одним из самых странных явлений нашего времени, которое, вероятно, вызовет удивление у наших потомков, является доктрина, основанная на этой тройной гипотезе: радикальная пассивность человечества, всемогущество закона, непогрешимость законодателя: это священный символ партии, которая провозглашает себя исключительно демократической.

Верно, что он также претендует на то, чтобы быть *социальным*.

Поскольку она демократична, она безгранично верит в человечество.

Поскольку это социальное явление, оно замазывает его грязью.

Обсуждаются ли политические права? Предстоит ли выбрать законодателя? О! тогда люди овладевают наукой инстинктивно: они одарены замечательным тактом; *их воля всегда верна; общая воля не может ошибаться*. Избирательное право не может быть слишком *всеобщим*.

Никто не несет никакой ответственности перед обществом. Воля и способность правильно выбирать считаются само собой разумеющимися. Могут ли люди ошибаться? Разве мы не живем в эпоху просвещения? Что! неужели людей всегда следует держать в первых рядах? Разве они не приобрели свои права ценой усилий и жертв? Разве они не представили достаточных доказательств интеллекта и мудрости? Разве они не достигли зрелости? Разве они не в состоянии судить сами? Разве они не знают своих собственных интересов? Есть ли человек или класс, которые осмелились бы претендовать на право ставить себя на место народа, принимать решения и действовать от его имени? Нет, нет; люди хотели бы быть *свободными*, и они будут такими. Они хотят вести свои собственные дела, и они будут это делать.

Но когда законодатель должным образом избирается, стиль его речи действительно меняется. Нация возвращается в пассивность, инертность, ничто, а законодатель обретает всемогущество. Он должен изобретать, он должен направлять, он должен побуждать, он должен организовывать. Человечеству ничего не остается, как подчиниться; час деспотизма пробил. И мы должны заметить, что это имеет решающее значение; ибо люди, только что бывшие такими просвещенными, такими нравственными, такимисовершенными, вообще не имеют склонностей, а если и имеют какие-либо, то все они ведут их вниз, к деградации. И все же им следовало бы иметь немного свободы! Но разве г-н Консидеран не заверил нас, что *свобода фатально ведет к монополии*? Разве нам не говорили, что свобода - это конкуренция? и эта конкуренция, согласно М. Луи Блан, *это система истребления людей и разорения торговли*? По этой причине люди истребляются и разоряются пропорционально тому, насколько они свободны - возьмем, к примеру, Швейцарию, Голландию, Англию и Соединенные Штаты? Разве г-н Луи Блан не говорит нам снова, что *конкуренция ведет к монополии и что по той же причине дешевизна приводит к непомерным ценам*? Что конкуренция имеет тенденцию *истощать источники потребления и подталкивает производство к разрушительной деятельности*? Что конкуренция *заставляет производство увеличиваться, а потребление уменьшаться*; - откуда следует, что свободные люди производят ради того, чтобы не потреблять; что среди них нет ничего, кроме *угнетения и безумия*; и что господину Луи Блану совершенно необходимо позаботиться об этом?

Какого рода свобода должна быть предоставлена мужчинам? Свобода совести?-- Но мы должны видеть, как все они извлекают выгоду из разрешения стать атеистами. Свобода образования?--Но родители платили бы профессорам за то, чтобы те учили их сыновей безнравственности и заблуждениям; кроме того, если верить М. Тьер, образование, если бы оно было предоставлено национальной свободе, перестало бы быть национальным, и мы воспитывали бы наших детей в идеях турок или индусов, вместо которых, благодаря правовому деспотизму университетов, они имеют счастье быть воспитанными в благородных идеях римлян. Свобода труда?--Но это всего лишь конкуренция, результатом которой является то, что все продукты остаются непотребленными, истребляются люди и разоряются торговцы. Свобода обмена?--Но хорошо известно, что протекционисты снова и снова показывали, что человек должен разориться, когда он свободно обменивается, и что для того, чтобы стать богатым, необходимо осуществлять обмен без свободы. Свобода ассоциации?-- Но, согласно социалистической доктрине, свобода и объединение исключают друг друга, поскольку свобода людей подвергается нападкам только для того, чтобы заставить их объединяться.

Итак, вы должны видеть, что социал-демократы по совести не могут допустить людям никакой свободы, потому что по своей природе они склонны во всех случаях ко всякого рода деградации и деморализации.

Поэтому в данном случае нам остается гадать, на каком основании за них с такой настойчивостью требуют всеобщего избирательного права.

Претензии организаторов наводят на другой вопрос, который я часто задавал им и на который, насколько мне известно, я никогда не получал ответа: - Поскольку естественные склонности человечества настолько плохи, что небезопасно давать им свободу, как получается, что склонности организаторов всегда хороши? Разве законодатели и их агенты не являются частью человеческой расы? Считают ли они, что состоят из материалов, отличных от остального человечества? Они говорят, что общество, предоставленное самому себе, устремляется к неизбежному разрушению, потому что его инстинкты извращены. Они притворяются, чтобы остановить его движение вниз и дать ему лучшее направление. Следовательно, они получили от небес разум и добродетели, которые ставят их выше человечества: пусть они покажут свое право на это превосходство. Они хотели бы быть нашими пастырями, а мы должны быть их стадом. Такое устройство предполагает в них естественное превосходство, право на которое мы с полным правом призываем их доказать.

Вы должны заметить, что я не оспариваю их права изобретать социальные комбинации, распространять их, рекомендовать их и испытывать их на себе, за свой счет и на свой риск; но я оспариваю их право навязывать их нам с помощью закона, то есть силой и государственными налогами.

Я бы не настаивал на том, чтобы кабетисты, фурьеристы, прудонисты, университетисты и протекционисты отказались от своих собственных частных идей; я бы только хотел, чтобы они отказались от той идеи, которая является общей для них всех, а именно от идеи насильственного подчинения нас их собственным группам и рядам, их общественным мастерским, их безвозмездному банку, их греко-римской морали и их коммерческим ограничениям. Я бы попросил их предоставить нам право судить об их планах и не обязывать нас принимать их, если мы обнаружим, что они задевают наши интересы или противны нашей совести.

Предполагать, что власть и налогообложение являются не только репрессивными и несправедливыми, но и предполагают, что организатор непогрешим, а человечество некомпетентно.

И если человечество не компетентно судить само, почему они так много говорят о всеобщем избирательном праве?

Это противоречие в идеях, к сожалению, обнаруживается и в фактах; и хотя французская нация опередила всех остальных в получении своих прав или, скорее, своих политических притязаний, это никоим образом не помешало ей быть более управляемой, направляемой, навязанной, скованной и обманутой, чем любая другая нация. Это также единственная из всех остальных стран, где постоянно следует опасаться революций, и совершенно естественно, что так и должно быть.

До тех пор, пока сохраняется эта идея, которую признают все наши политики и которую так энергично выразил г-н Луи Блан в следующих словах: "Общество получает импульс от власти"; до тех пор, пока люди считают себя способными чувствовать, но пассивными - неспособными своим собственным умом и собственной энергией возвыситься до какой-либо морали или благополучия, и пока они всего ожидают от закона; одним словом, пока они признают, что их отношения с государством такие же, как у стада с пастырем, ясно, что ответственность власти огромна. Удача и несчастье, богатство и нужда, равенство и неравенство - все проистекает из него. На него возлагается все, он за все берется, он все делает; поэтому он должен за все отвечать. Если мы счастливы, оно имеет право требовать нашей благодарности; но если мы несчастны, только оно должно нести вину. Разве наши личности и имущество на самом деле не в его распоряжении? Разве закон не всемогущ? Создавая государственную монополию, он стремился оправдать ожидания отцов семейств, лишенных свободы; и если эти ожидания не оправдываются, то чья в этом вина? Регулируя промышленность, она стремилась к ее процветанию, иначе было бы абсурдно лишать ее свободы; и если она страдает, то по чьей вине? Делая вид, что регулирует торговый баланс с помощью игры с тарифами, она стремится к тому, чтобы он процветал; и если он не только не процветает, но и разрушается, чья в этом вина? Предоставляя свою защиту морским вооружениям в обмен на их свободу, оно обязалось сделать их прибыльными; если они станут обременительными, чья в этом вина?

Таким образом, в стране нет ни одной жалобы, за которую правительство добровольно не взяло бы на себя ответственность. Стоит ли удивляться, что каждая неудача грозит вызвать революцию?

И какое же средство правовой защиты предлагается? Неограниченно расширять власть закона, *т.е.* Ответственность правительства. Но если правительство берет на себя обязательство повышать и регулировать заработную плату и не в состоянии этого сделать; если оно берет на себя обязательство помогать всем нуждающимся и не в состоянии этого сделать; если оно берет на себя обязательство предоставлять убежище каждому рабочему и не в состоянии этого сделать; если оно берет на себя обязательство предлагать всем желающим брать займы безвозмездный кредит и не в состоянии этого сделать; если, выражаясь словами, которые, к нашему сожалению, вышли из-под пера М. де Ламартина, "государство считает, что его миссия состоит в просвещении, в развивать, расширять, укреплять, одухотворять и освящать душу народа" - если это не удастся, разве не очевидно, что после каждого разочарования, которое, увы! более чем вероятно, что произойдет не менее неизбежная революция?

Теперь я продолжу тему, отметив, что сразу после экономической части¹⁰ вопроса и при вступлении к политической части возникает наводящий вопрос? Это следующее:--

Что такое закон? Каким он должен быть? Какова его сфера? Каковы его пределы? На чем, собственно, заканчивается прерогатива законодателя?

Я без колебаний отвечу: *Закон - это общая сила, организованная для предотвращения несправедливости*; короче говоря, Закон - это справедливость.

Неверно, что законодатель обладает абсолютной властью над нашими личностями и собственностью, поскольку они существуют уже ранее, и его работа заключается только в том, чтобы обезопасить их от нанесения ущерба.

Неправда, что миссия закона состоит в том, чтобы регулировать нашу совесть, наши идеи, нашу волю, наше образование, наши чувства, нашу работу, наши обмены, наши подарки, наши удовольствия. Его миссия состоит в том, чтобы не допустить вмешательства прав одного в права другого ни в одном из этих вопросов.

Закон, поскольку он обладает силой для своей необходимой санкции, может иметь своей законной сферой применения только область силы, которая есть правосудие.

И поскольку каждый индивид имеет право прибегать к силе только в случаях законной защиты, то коллективная сила, которая является всего лишь объединением индивидуальных сил, не может быть рационально использована ни для какой другой цели.

Таким образом, закон - это исключительно организация индивидуальных прав, которая существовала до законной защиты.

Закон - это справедливость.

Она далека от того, чтобы угнетать личность народа или разграблять его собственность даже в филантропических целях, ее миссия состоит в защите первых и обеспечении им владения последними.

Нельзя также говорить, что она может быть филантропической, пока она воздерживается от всякого угнетения; ибо это противоречие. Закон не может не воздействовать на нашу личность и собственность; если он не защищает их, то нарушает, если касается их.

Закон - это справедливость.

Ничто не может быть более ясным и простым, более совершенным и ограниченным или более видимым каждому глазу; ибо справедливость - это данная величина, неизменяемая и непоколебимая, которая не допускает ниувеличения ни уменьшения.

Отступите от этого пункта, сделайте закон религиозным, братским, уравнительным, промышленным, литературным или художественным, и вы потеряетесь в неопределенности; вы окажетесь на неизвестной почве, в вынужденной Утопии или, что еще хуже, посреди множества утопий, стремящихся завладеть законом и навязать его вам; ибо братство и филантропия не имеют четких границ, как справедливость. Где вы остановитесь? Где должен остановиться закон? Один человек, как г-н де Сен-Крик, распространит свою филантропию только на некоторые промышленные классы и потребует, чтобы закон *избавился от потребителей в пользу производителей*. Другой, подобный г-ну Консидерану, встанет на защиту трудящихся классов и потребует для них с помощью закона, по фиксированной ставке, *одежды, жилья, пищи и всего необходимого для поддержания жизни*. Третий, как скажет г-н Луи Блан, и не без основания, что это было бы неполное братство и что закон должен был бы снабдить их орудиями труда и средствами обучения. Четвертый заметит, что такое устройство все еще оставляет место для неравенства и что закон должен был бы ввести в самых отдаленных деревнях роскошь, литературу и искусства. Это прямая дорога к коммунизму; другими словами, законодательство станет тем, чем оно является сейчас, - полем битвы за мечты каждого и алчность каждого.

Закон - это справедливость.

В этом предложении мы представляем себе простое, незыблемое Правительство. И я бросаю вызов любому, кто скажет мне, откуда могла возникнуть мысль о революции, восстании или простом возмущении против общественной силы, ограниченной подавлением несправедливости. При такой системе было бы больше благосостояния, и это благосостояние распределялось бы более равномерно; а что касается страданий, неотделимых от человечества, то никому и в голову не пришло бы обвинять в них правительство, ибо оно было бы столь же невинно в них, как и в колебаниях температуры. Известно ли когда-нибудь, чтобы люди восстали против суда по отмене налогов или напали на мировых судей ради требований о размере заработной платы, безвозмездном кредите, орудиях труда, преимуществах тарифа или социальной мастерской? Они прекрасно знают, что эти комбинации выходят за рамки юрисдикции мировых судей, и вскоре они узнают, что они не подпадают под юрисдикцию закона.

Но если бы закон был принят на основе принципа братства, если бы было провозглашено, что из него проистекают все блага и все зло, что он несет ответственность за каждое индивидуальное недовольство и за каждое социальное неравенство, - тогда вы открыли бы дверь бесконечной череде жалоб, раздражений, неприятностей и революций.

Закон - это справедливость.

И было бы очень странно, если бы это могло быть что-то другое! Разве правосудие не справедливо? Разве права не равны? С каким правом закон может вмешаться, чтобы подчинить меня социальным планам ММ? Мимерель, де Мелен, Тьер или Луи Блан, вместо того чтобы подчинить этих джентльменов моим планам? Следует ли предполагать, что Природа не наделила меня достаточным воображением, чтобы тоже изобрести Утопию? Разве дело закона выбирать одну из стольких фантазий и использовать общественную силу себе на службу?

Закон - это справедливость.

И пусть никто не говорит, как это постоянно делается, что закон в этом смысле был бы атеистическим, индивидуальным и бессердечным, и что он заставил бы человечество носить его собственный образ. Это абсурдный вывод, вполне достойный увлечения правительства, которое видит человечество в законе.

Что тогда? Следует ли из этого, что, если мы будем свободны, мы перестанем действовать? Следует ли из этого, что если мы не получим импульса от закона, то не получим никакого импульса вообще? Следует ли из этого, что если закон ограничится обеспечением нам свободного осуществления наших способностей, то наши способности будут парализованы? Следует ли из этого, что если закон не навязывает нам формы религии, способы объединения, методы обучения, правила труда, направления обмена и планы благотворительности, мы с готовностью погрузимся в атеизм, изоляцию, невежество, нищету и эгоизм? Следует ли из этого, что мы больше не будем признавать силу и благость Бога; что мы перестанем общаться друг с другом, помогать друг другу, любить и помогать нашим несчастным братьям, изучать тайны природы и стремиться к совершенству в нашем существовании?

Закон - это справедливость.

И именно по закону справедливости, при господстве права, под влиянием свободы, безопасности, стабильности и ответственности каждый человек достигнет меры своей

ценности, всего достоинства своего существа, и человечество достигнет в порядке и спокойствии - медленно, это правда, но с уверенностью - предначертанного ему прогресса.

Я верю, что моя теория верна; ибо каким бы ни был вопрос, по которому я рассуждаю, будь то религиозный, философский, политический или экономический; влияет ли это на благосостояние, мораль, равенство, право, справедливость, прогресс, ответственность, собственность, труд, обмен, капитал, заработную плату, налоги, население, кредит или правительство; с какой бы точки научного горизонта я ни начинал, я неизменно прихожу к одному и тому же - решение социальной проблемы находится в свободе.

И разве опыт не на моей стороне? Окиньте взглядом земной шар. Какие страны самые счастливые, самые нравственные и самые миролюбивые? Те, где закон меньше всего вмешивается в частную деятельность; где правительство ощущается меньше всего; где индивидуальность имеет наибольший размах, а общественное мнение - наибольшее влияние; где административный механизм наименее важен и наименее сложен; где налогообложение самое легкое и наименее неравномерное, народное недовольство наименее возбуждено и наименее оправдано; где ответственность отдельных лиц и классов наиболее активна и где, следовательно, если мораль и не в совершенном состоянии, то, во всяком случае, они имеют тенденцию постоянно исправляться; где сделки, собрания и ассоциации наименее скованы; где труд, капитал и производство меньше всего страдают от искусственных перемещений; там, где человечество наиболее полно следует своим естественным путем; там, где мысль о Боге преобладает над изобретениями людей; короче говоря, те, кто наиболее близко осознают эту идею - что в рамках права все должно проистекать из свободных, совершенных и добровольных действий человека; ничто не должно быть предпринято с помощью закона или силы, кроме отправления всеобщей справедливости.

Я не могу не прийти к такому выводу - в мире слишком много великих людей; слишком много законодателей, организаторов, основателей общества, руководителей народа, отцов наций и т.д., и т.п. Слишком много людей ставят себя выше человечества, чтобы править им и покровительствовать ему; слишком много людей занимаются тем, что заботятся о нем. На это будет дан ответ: "Высами заняты этим все это время". Совершенно верно. Но следует признать, что я говорю совершенно в другом смысле; и если я присоединяюсь к реформаторам, то исключительно с целью побудить их ослабить хватку.

Я поступаю не так, как Вокосон со своим автоматом, а как физиолог с организацией человеческого организма; я бы изучал это и восхищался.

Я действую в отношении этого в духе, который вдохновлял знаменитого путешественника. Он оказался посреди дикого племени. Только что родился ребенок, и вокруг него собралась толпа прорицателей, фокусников и шарлатанов, вооруженных кольцами, крючками и бинтами. Один сказал: "Этот ребенок никогда не почувствует запаха духов *salumet*, если я не растяну его ноздри". Другой сказал: "Он будет лишен чувства слуха, если я не опущу его уши до плеч". Третий сказал: "Он никогда не увидит солнечного света, если я не поверну его глаза в косом направлении". Четвертый сказал: "Он никогда не выпрямится, если я не согну ему ноги". Пятый сказал: "Он не сможет думать, если я не надавлю на его мозг". "Остановись!" - сказал путешественник. "Все, что делает Бог, делается хорошо; не притворяйтесь, что знаете больше, чем Он; и поскольку Он дал органы этому хрупкому созданию, позвольте этим органам развиваться самим, укрепляться упражнениями, использованием, опытом и свободой".

Бог также вложил в человечество все необходимое для того, чтобы оно могло выполнить свое предназначение. Существует провиденциальная социальная физиология, а также провиденциальная физиология человека. Социальные органы устроены таким образом, чтобы они могли гармонично развиваться в величественном воздухе свободы. Тогда долой шарлатанов и организаторов! Долой их кольца, и цепи, и крючки, и щипцы! Долой их искусственные методы! Долой их социальные мастерские, их правительственные прихоти, их централизацию, их тарифы, их университеты, их государственные религии, их безвозмездные или монополизирующие банки, их ограничения, их морализаторство и их выравнивание путем налогообложения! И теперь, после тщетного навязывания общественному организму стольких систем, позвольте им закончить там, где они должны были начать - отвергнуть все системы и испытать свободу - свободу, которая является актом веры в Бога и в Его работу.

Сноски

Франк - это 10 долларов наших денег.

С этой ошибкой мы будем бороться в брошюре, озаглавленной "*Проклятые деньги*".

Простые люди.

Военный министр недавно заявил, что каждый человек, доставленный в Алжир, обошелся государству в 8000 франков. Теперь несомненно, что эти бедняги могли бы очень хорошо жить во Франции на капитал в 4000 франков. Я спрашиваю, какое облегчение испытывает французское население, когда оно лишается человека и средств к существованию для двух человек?

Это было написано в 1849 году.

Двадцать франков.

Генеральный совет мануфактур, сельского хозяйства и торговли, 6 мая 1850 г.

Французское слово - *spoliation*.

Если бы защита была предоставлена во Франции только одному классу, например инженерам, это было бы настолько абсурдным грабежом, что было бы невозможно содержать себя. Таким образом, мы видим, что все защищенные профессии объединяются, делают общее дело и даже рекрутируются таким образом, что создается впечатление, что они охватывают *массу национального труда*. Они инстинктивно чувствуют, что грабеж всегда становится невнятным из-за обобщения.

Политическая экономия предшествует политике: первая должна выяснить, являются ли интересы людей гармоничными или антагонистичными, и этот факт должен быть решен до того, как последняя сможет определять prerogatives правительства.